
АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ
ЧЕРНАЯ ЛУНА

Annotation

2717 год.

Наследник знаменитого адмирала Воронцова, Джедиан Ланге, ученый и политик, пользуясь полученной властью, начинает масштабный эксперимент по изучению реликтовых жизненных форм, найденных при раскопках на базе «Черная Луна». Этот эксперимент быстро переходит не только этическую грань, но и понятие здравого смысла. Однако Джедиана мало волнуют судьбы миллионов людей, едва начавших строить новую жизнь после завершения Галактической войны.

Произведение входит в цикл «Экспансия. История Галактики»

Ливадный Андрей ЧЕРНАЯ ЛУНА

Часть I КУСКИ МОЗАИКИ

Глава 1

2717 год галактического календаря.

Орбитальная база военно-космического флота Конфедерации солнц, кодовое название «Черная луна»

Вахтенный офицер, сидящий внутри небольшой наблюдательной сферы, повернулся к своему командиру, который в ожидании, пока космический корабль войдет в шлюз станции, мерил шагами узкое пространство блистерного купола.

— Сэр, они причаливают!

Взглянув сквозь выпуклое бронестекло наблюдательного поста, откуда просматривалась панорама причальных доков и внутренних посадочных площадок огромного ангара, он молча кивнул.

Генерал Дмитрий Алексеевич Дорохов, в прошлом — командующий Вторым ударным флотом Конфедерации солнц, был человеком незаурядным. Несмотря на опалу, следствием которой явилась ссылка на расположенную в глубоком космосе секретную базу, он сохранил все черты кадрового, боевого офицера. Независимо от тех политических ветров, что веяли в Галактике, его амплуа оставалось неизменным: этот крепкий, жилистый, подтянутый старик, чью голову украшал короткий ежик седых волос, служил не политическим партиям, а свободе. Той свободе, за которую начал проливать кровь полвека назад, когда пламя Второй галактической войны одну за другой пожирало планетные системы, ставя под сомнение сам термин «человечество».

Услышав доклад, он отключил мобильный коммуникатор и широким шагом направился к предшлюзовой площадке, где, кроме двух космических пехотинцев, застывших, словно изваяния около внутреннего люка, выстроились два взвода почетного караула.

На панели приборов бешено замигали огни, резко зашипел стравленный из системы пневмоуплотнения воздух, и внутренний люк начал медленно отползать в сторону.

Дорохов ожидал, что на пороге шлюза появится сам адмирал Воронцов.

Этот человек занимал особое место как в иерархии относительно молодого Галактического сообщества планет, так и в сердцах тех, кто прошел страшными дорогами противостояния Земли и Колоний.

Главнокомандующий Первым ударным флотом, основатель Форта Стеллар и автор Военной Доктрины Конфедерации солнц прожил двести один год. Никто не знал, чего больше в организме этого человека — кибернетических цепей, связанных с сервомоторными протезами, или живой плоти. Это являлось государственной тайной Конфедерации.

По обыкновению, он носил черную форму офицера космического флота, под которой искусно прятались системы жизнеобеспечения и детали спецкорсета. Дорохов, который был младше Воронцова на добрую сотню лет, тем не менее прекрасно понимал причину такого постоянства. Он тоже предпочитал старую форму боевых подразделений. Как однажды признался сам Воронцов, помимо личной приязни к этому цвету, так похожему на чернильный мрак космического пространства, форма постоянно напоминала ему о том времени, когда, будучи еще молодым лейтенантом, он возглавил остатки разгромленного флота Колоний и повел уцелевшие корабли против эскадр Земного альянса. По словам самого командующего, это позволяло забывать о неумолимом течении лет.

Впрочем, несмотря на годы, взгляд Воронцова всегда оставался столь же холоден и спокоен, как в тот день, когда он, устранив своего командира, принял на себя все бремя ответственности за судьбу Свободных колоний… Перед ним трепетали, его боялись, многие откровенно ненавидели, но он стоял вне досужих сплетен, как монумент, живой памятник своей эпохи.

…Люк открылся, и генерал, который уже приготовился пройти навстречу командующему, чеканя шаг по гулким плитам предшлюзовой площадки, в буквальном смысле слова остолбенел.

Вместо Воронцова в овальном проеме люка появилась фигура человека средних лет. Он был одет в парадную форму главнокомандующего Конфедерации, и потрясенному до глубины души старому генералу вдруг показалось, что это какая-то насмешка, вызолоченный паяц, непонятно кем и зачем посланный на «Черную луну». За спиной прибывшего обрисовались два моложавых адъютанта в форме полковников.

Дорохов сглотнул, пытаясь привести в норму свои нервы. Он никак не мог взять в толк, что происходит, и отделаться от предосудительного ощущения, что вместе с этими тремя фиглярами в золоченой форме предшлюзовую площадку военной базы заполнил тонкий сладковатый запах духов из светских салонов Форта Стеллар…

Общее замешательство стало очевидным. Даже часовые у люка напряглись и побледнели.

Главнокомандующий военно-космических сил Конфедерации солнц

остановился перед окаменевшими космическими пехотинцами из состава почетного караула и, вскинув тонкую, ухоженную бровь, вопросительно посмотрел на генерала.

В этот момент Дорохов наконец узнал прибывшего, и страшное предчувствие разлилось в груди старика могильным холодом.

Джедиан Ланге… Внучатый племянник адмирала Воронцова… Наследник системы Рори и Форта Стеллар… Росток того поколения, что взошло на обильно удобренной ниве войны…

Превозмогая нарастающий внутри холод и отвратительную старческую дрожь, предательски поселившуюся в ногах, Дорохов сделал над собой усилие и пошел навстречу новоявленному командующему.

Тот повернулся и спокойно ждал, пока генерал шел к нему сквозь своеобразный тоннель, образованный двумя шеренгами почетного караула.

Наконец, вдоволь насладившись зрелищем всеобщего замешательства, он сам, будто смиловавшись, сделал шаг навстречу командиру базы.

— Господин адмирал!.. — начал было Дорохов, но Ланге остановил доклад милостивым жестом, от которого Дмитрия Алексеевича едва не передернуло.

— Сожалею, генерал, — спокойно, даже с ноткой презрительного снисхождения в голосе, произнес Джедиан, — но я прибыл с печальной вестью. Мой дядя, адмирал Воронцов, скончался.

При этих словах легкий вздох пробежал по шеренгам присутствующих на встрече, лишь губы двух полковников-адъютантов остались плотно сжаты.

— Это огромная потеря для Конфедерации солнц, — продолжил Джедиан. — Но мы не можем остановить течение времени, верно? — спросил он, глядя на Дорохова, который на глазах постарел на добрых два десятка лет. — Обстановка в Галактике складывается таким образом, что у нас нет времени на скорбь, генерал… Я, как наследник Форта Стеллар, являющегося главной опорной базой флота Конфедерации, продолжаю миссию адмирала Воронцова. Высший Совет союза Центральных миров правильно оценил существующую ситуацию и подтвердил мои полномочия как преемника должности командующего флотом. Думаю, что необходимый пакет сообщений уже передан по станциям Гиперсферной Частоты, и вы, генерал, сможете ознакомиться с документами в любой момент.

Его речь была гладкой и правильной. Если Дорохову не изменяла память, Джедиан Ланге занимал должность начальника штаба флота и специализировался, помимо номинальных функций в штабе, на

нейрохирургии, психологии и глубинном зондировании мозга. В частности, печально известный мозговой сканер был именно его детищем.

Пауза неоправданно затянулась, и генерал, вздрогнув, поднял взгляд.

В отличие от Воронцова, который, навевая ужас, всегда оставался *военным*, его внучатый племянник производил ощущение *политика*. Это были два очень далеко отстоящие друг от друга понятия, и Джедиан Ланге, по-видимому, прекрасно осознавал существующую разницу. По его лицу несложно было понять, что он, в частности, делает сравнение в свою пользу. Впрочем, как впоследствии удалось убедиться Дорохову, он имел право на подобную самоуверенность. Если Ланге по сравнению с Воронцовым и выглядел вызолоченным паяцем, то это был самый опасный паяц из тех, кого приходилось встречать старому генералу. В нем так же, как и в адмирале, присутствовала сила, но она была совершенно иного сорта…

— Господин командующий! На вверенной мне базе космического флота никаких происшествий не зарегистрировано! — сделав над собой усилие, наконец отрапортовал генерал. В том, что Ланге действительно утвержден на должность командующего, он не сомневался.

— Вот и хорошо, генерал, — мягко остановил его Джедиан, покончив таким образом с официальной частью встречи. На его лице внезапно проступило выражение скуки. — Отведите отдельные каюты для моих адъютантов и распорядитесь подать обед в помещение, снабженное видеоаппаратурой, — приказал он.

Дорохову оставалось лишь одно — выпрямить спину и отдать воинский салют.

***

— Итак? — Джедиан Ланге взял салфетку и промокнул ею губы. Потом скомкал, бросил в тарелку и обернулся к обзорному экрану, на который проецировалось изображение трех темных, будто покрытых сажей, планетоидов.

Ничто не освещало их сумрачную, лишенную воздуха поверхность. У системы отсутствовала звезда, и три планетоида, каждый размером с небольшую луну, вращались вокруг единого центра масс.

Как сложилась такая космическая система, оставалось только гадать.

Между тремя близко расположенными друг к другу планетами в точках Лагранжа системы висело несколько космических станций. От них тянулись невидимые глазу силовые тоннели, которые оканчивались обозначенными крохотными искрами габаритных огней силовыми

сферами.

Внутри этих незримых сфер, диаметр которых составлял сотни километров, было заключено нечто непонятное и совершенно непривычное человеческому глазу. В компьютерных файлах станции «Черная луна», осуществлявшей общий контроль за силовыми сооружениями, сферы именовались «инкубаторами».

Внутри циклопических энергоконструкций, среди парящей в вакууме аппаратуры, комплексы которой простирались километровыми секциями, происходили таинственные и непонятные процессы.

Нужно сказать, что Джедиан Ланге впервые воочию наблюдал за действием такого производства.

Через силовые тоннели в один из инкубаторов беззвучно проскользнула глыба льда и камня, взятая с поверхности одной из планет этой загадочной системы. Пролетев по строго рассчитанной траектории, километровый обломок попал в мощную гравитационную петлю и был зафиксирован под прицелом лазерных установок.

Прошло несколько минут, и лазеры начали резать глыбу своими лучами, осторожно растапливая лед. Внутри силовой сферы заклубилось облако из пара, пыли и микроскопических частиц. В плотном первобытном супе сновали автоматические зонды. Они отбирали образцы и сбрасывали их в камеры экспресс-анализаторов.

За всеми процессами неусыпно следили компьютеры.

Секретный комплекс «Черная луна» проводил исследования чуждой человеку жизни, которые велись тут с тех пор, как при строительстве стратегического космопорта на поверхности одной из планет, которая, как и база, именовалась Черной луной, строители-первопроходцы обнаружили руины немыслимо древнего здания.

— Это запись? — спросил Джедиан, наблюдая, как лазеры режут доставленную с поверхности планетоида глыбу.

— Да, господин адмирал, — ответил ему Дорохов. — Запись основного события.

— Остановите. Я хочу услышать всю предысторию. Меня не удовлетворила техническая справка из компьютерной базы данных.

Дмитрий Алексеевич кивнул. Он был подавлен, но держал в узде собственные эмоции. Подчиняясь его знаку, адъютант встал и подошел к огромному, поделенному на сектора экрану. Произведя переключение, он повернулся к Джедиану Ланге.

Теперь один из участков составного экрана демонстрировал компьютерную модель системы. Планеты выглядели как футбольные

мячики, обтянутые зеленой паутиной координатных сеток. Между ними пульсировали нити траекторий, и алыми контурами горели действующие орбитальные комплексы. Многие объекты в общей схеме были закрашены в фиолетовый и синий цвета — это были те места, где еще велась стройка.

— Разрешите, господин адмирал?

— Да, офицер, прошу вас, начинайте. — Джедиан откинулся в кресле, приготовившись слушать. Остальные офицеры за большим овальным столом не поменяли своих поз, им казалось неинтересным смотреть на экран, потому как картины окрестного космоса да и компьютерная модель системы приелись им до крайности. И даже факт прямой сопричастности неким историческим событиям уже давно не являлся для подавляющего большинства этих людей поводом к какому-то воодушевлению. Для них это казалось прежде всего скучной и серой службой — так, рутина будней в тесных отсеках засекреченной, обложенной пространственными минными полями космической базы. Офицер у экрана тактично откашлялся.

— Первоначально комплекс «Черная луна» проектировался как стратегический секретный космодром, — начал пояснять он, водя лучом лазерной указки по темной поверхности экрана, отчего алый курсор перебегал от одного участка схемы к другому.

Джедиан, который пристально рассматривал изображение трех темных планетоидов, вскинул бровь. Эти луны явно когда-то являлись спутниками намного более крупного небесного тела, но сейчас оно исчезло, и три темных шарика кружили вокруг некой незримой точки, словно кабинки детской карусели вокруг столба…

— Подождите, офицер, но, мне кажется, в системе чего-то не хватает верно? — высказал вслух свои сомнения Джедиан. — Я далек от глубинных познаний в астрономии, — развел он руками, — но, по-моему, тут должно быть солнце… ну, я имею в виду — какая-нибудь звезда, верно? Или я ошибаюсь? — Он перевел взгляд на офицера, который на секунду замешкался, очевидно, соображая, как лучше сформулировать ответ

— Нет, господин адмирал, ваш вывод абсолютно справедлив, — наконец ответил он ровным, нейтральным тоном. Генерал Дорохов специально держал при себе несколько таких вот буквоедов, которые по своей натуре, конечно, являлись сволочами и бюрократами до мозга костей, но в подобных ситуациях эти чудные образчики штабных крыс, способные довести до бешенства любого боевого офицера флота, оказывались попросту незаменимы.

— Черная луна была избрана для строительства космодрома именно в силу отсутствия тут солнца — Словно стремясь подтвердить собственную

репутацию, пустился в пространные и монотонные пояснения вызванный к экрану офицер. — Такие планеты невозможно обнаружить визуально, а они, в свою очередь, являются источниками неограниченных материальных ресурсов для строительства необходимых коммуникаций. Существенная выгода достигается за счет присутствия естественной гравитации на поверхности планет…

— Ближе к делу, — уже не скрывая ноток раздражения в голосе, остановил его Джедиан. — Было тут когда-нибудь солнце или нет?

Офицер у экрана бросил растерянный взгляд на Дорохова.

Генерал едва заметно кивнул, Ланге нахмурился, заметив этот обмен мимикой.

— Да, господин командующий. Звезда была, — поспешно, будто извиняясь за заминку, доложил офицер.

— И куда она делась? — Глаза Джедиана сузились, выдавая раздражение, которое он не считал нужным скрывать.

— Она была аннигилирована, сэр… — не очень уверенно сообщил офицер. — По данным изотопного анализа, это произошло около трех миллионов лет назад.

— То есть когда наши предки носились по Земле на четвереньках? — усмехнувшись каким-то своим мыслям, уточнил Ланге.

— Так точно, сэр! Слои остекленевшего базальта и шлакообразный реголит на поверхности трех планетоидов говорит о том, что звезда сгорела в катастрофической вспышке… Однако это никак не влияет на расположение стартовых площадок, и отсутствие солнца, как я уже докладывал, является…

На этот раз Джедиан Ланге обернулся непосредственно к Дорохову, очевидно не доверяя компетентности и осведомленности штабного офицера. Он прекрасно знал штабную кухню и понимал, что его еще не восприняли всерьез и пытаются заморочить голову второсортными сведениями, как обыкновенного проверяющего.

— Генерал… — подавив раздражение, укоризненно произнес он.

Дорохов понял.

— Все свободны… — глухо произнес Дмитрий Алексеевич, машинально сцепив руки в замок. — Адъютанты и секретари тоже.

Через минуту зал совещаний опустел. За огромным овальным столом остались лишь Дорохов и Джедиан.

— Генерал… — достаточно мягко произнес новый командующий, пристально посмотрев на Дорохова, который сидел в противоположном конце стола, по-прежнему сцепив руки в замок. — Вы удручены смертью

Воронцова. Я искренне разделяю вашу скорбь. — Ланге взял бокал и сделал глоток. — Хотите, скажу, о чем вы сейчас думаете? — спросил он, разглядывая на свет рубиново-красную жидкость.

— Сэр, я…

— Не стоит, генерал, — прервал его извинение Джедиан. — Вы думаете о том, что со смертью Воронцова уходит в прошлое целая эпоха. Эпоха Первой и Второй галактических войн. Эра героизма. Вы смотрите в будущее и не видите там ничего, кроме почетных проводов в отставку, ибо власть, по вашему мнению, перешла в руки политиков — людей многоликих, лживых и нечистоплотных. Отчасти вы правы… — неожиданно усмехнулся он. — Но только отчасти, поверьте.

— Господин командующий… — опять попытался возразить Дорохов, но Ланге заставил его замолчать властным жестом.

— Нет. Не нужно фальшивых извинений. Я хочу, чтобы вы поняли, как это ни прискорбно для вашего образа мышления, что я, — он подчеркнул интонацией последнее слово, — не временщик. Я именно тот, кто пришел на смену адмиралу Воронцову… Я человек нового поколения, — немного помедлив, сформулировал Ланге. — Те методы, что годились в тяжкие дни гибели планет, сейчас трансформируются в нечто более мягкое и неосязаемое, — пояснил он. — Одна война закончилась, но грядет другая, не менее страшная. Она уж идет, но никто не заметил ее начала, потому что на данном этапе — это война умов. И только в том случае, когда капитулируют умы, в бой ринутся боевые крейсеры.

Дорохов кивнул, но это скорее был жест обреченности, чем понимания. Джедиан действительно умел убеждать, но генерал тоже прошел суровую школу жизни и имел свой взгляд на многие ее аспекты.

— Мне непонятно, — глухо произнес он — Разве человечество не испытало подобного раньше? Разве история не повторяется, но только в больших масштабах? — Дорохов поднял тяжелый взгляд на своего нового начальника, и тому показалось, что вопрос вырвался у Дмитрия Алексеевича против воли.

— Что вы имеете в виду, генерал? — осторожно переспросил Ланге.

— Этот комплекс, — ответил Дорохов. — «Черную луну»… Мы копаемся в прошлом, но это я еще могу понять и оценить, только для чего? Разве для истории, во имя знаний о Предтечах человечества?! — На лице генерала появилось усталое выражение, словно он не один раз уже задавал самому себе данный вопрос. — Посмотрите, — он переключил изображение, — сюда стекаются образцы из кометных ядер, частицы блуждающих в пространстве астероидов, пробы космической пыли… Мы

собираем и аккумулируем тут не просто любопытные для науки фрагменты прошлого. Уже найдены десятки низших форм древней жизни. Эти микроскопические существа настолько чужды современному метаболизму, что дай им волю — выкосят человечество в один год. Всех. И правых, и виноватых, и негодяев, и святых. У нас нет ни иммунитета, ни средств борьбы. По-моему, звездные эскадры — это более честный и более бескровный путь. Джедиан поморщился. Внутренне он, конечно, готовился к подобному разговору, но не думал, что все случится так скоро и недвусмысленно. В Форте Стеллар, откуда он только что прибыл, в ходу были иные приемы построения политических диалогов.

— Вы преувеличиваете, генерал. Путаете политику сдерживания с глобальной войной… — тем не менее ответил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно честнее и доверительнее. — Ее не случится только потому, что миллионы людей не хуже вашего представляют себе фатальные последствия таких действий. Страх, — он усмехнулся, произнеся это слово, и поставил бокал, как бы заверяя свою мысль. — Страх, господин Дорохов, — вот тот инструмент, что приведет к миру! — заключил он.

— На страхе не вырастишь ничего, кроме ненависти, — покачал головой Дмитрий Алексеевич. — Уже испробовано.

На этот раз Джедиан едва не вспылил.

— Вы считаете себя чистым? — Он скинул ногу, заброшенную на колено, и подался вперед. — Или Воронцова?

— Он спас Колонии. Он создал Конфедерацию. Он дал нам шанс жить… Глаза Ланге сузились:

— Вы рассуждаете, как догматик! Воронцов — фигура, не отрицаю, но он был столь же подл, жесток и нечистоплотен, как и любой из нас! — Джедиан вдруг откровенно завелся. — Конфедерация построена на костях, но кто об этом помнит?! Никто! Никто не помнит о том, что творил мой двоюродный дед во имя мира и победы над силами Альянса! А ведь он убивал, казнил, предал собственного сына, изменил присяге, он уничтожал целые планеты! Но теперь все поросло былью… Он вдруг стал ЭПОХОЙ, о которой сожалеют. Боль прошла. Умерли те, кто потерял родных. Не осталось живых свидетелей. А наша память всегда страдает избирательностью! Мы помним одно и забываем другое. Но жизнь-то продолжается. И наши враги, как на Земле, так и в других галактических альянсах, развиваются, живут. Двигаются вперед. А вы предлагаете Конфедерации застыть на уровне рыцарства. — Немного поостыв, Джедиан откинулся назад, в мягкие объятия кресла. — То время, когда один крейсер мог решить судьбу цивилизации, к сожалению, или, быть может, к счастью,

уже прошло… — Ланге был прирожденным оратором. Прошло несколько секунд, а он уже говорил спокойно, — обдуманно и убежденно: — Безвозвратно прошло, генерал. Нас слишком много, мы сложны… каждый год осваивается по несколько планет, человечество разбухает, и пока вы будете корить одного, нарушившего этические нормы Конфедерации, другой всадит вам нож в спину!

— Значит, конец? Все сызнова? — с какой-то надломленностью в голосе спросил Дорохов, который по-прежнему сидел, сцепив пальцы рук и не поднимая глаз на нового командующего.

— Не сызнова, Дмитрий Алексеевич, — мягко, почти вкрадчиво ответил ему Ланге. — Это прогресс. Другой уровень развития. История не стоит на месте и не терпит пустоты. Пройдут годы, одни нации вымрут, другие разовьются, и я, и вы — все мы превратимся в символы, и наши человеческие страхи, сомнения, убеждения уже не будут никого трогать. Останется лишь главная оценка действий: смог или нет. Удержал мир или сорвал лавину войны… И тут, поверьте, становятся хороши любые средства. Потому что ни одна личная трагедия не может сравниться с трагедией нации или планеты. Единичная судьба, пусть даже сломанная и искалеченная во имя великой цели, никогда не перевесит чашу весов истории!

Джедиан умел убеждать. Дорохов чувствовал, что в душе он не согласен с ним, но не нашелся, что возразить. Просто он был слеплен из иного теста.

— Зачем вы так обстоятельно беседуете со мной, господин командующий? — вновь глухо спросил он. — Мы мыслим в разных направлениях, так не проще ли мне уйти, раз мой век умер, а этические законы чести втоптаны в грязь во имя политики всеобщего сдерживания?!

— Нет, — покачал головой Джедиан, наполняя свой бокал. — Ваша отставка не будет выходом ни для меня лично, ни для Конфедерации, потому что всего должно быть в меру, — назидательно произнес он, — и чести и бесчестья, открытой войны и тайных ударов. Мы не питекантропы с дубинами… И Конфедерация уже не вотчина Воронцова, не Рори, и даже не Стеллар, где держали оборону несколько космических кораблей… наш мир становится слишком сложен. В нем в равной степени есть место и для меня, и для вас. Нужно лишь соприкоснуться в некоторых точках, чтобы возникло единство. Но вы правы, мне не нужны люди, видящие во мне жадного, дорвавшегося до власти преемника адмирала Воронцова и подсовывающие мне штабных демагогов в надежде, что я заскучаю и улечу. Нет, генерал. Такого не будет. Потому что я лучше вашего представляю

ценность «Черной луны», а в особенности последней находки.

В эти минуты Джедиан Ланге разительно изменился. Улетучилась его надменная апатичность, с шитого золотом мундира будто слетел мишурный блеск, приподняв таинственную хламиду самоконтроля, из-под которой вдруг проглянуло настоящее лицо наследника Форта Стеллар… Дмитрий Алексеевич Дорохов, сидящий по другую сторону стола, даже вздрогнул, тряхнув головой, чтобы вернуть резкость зрению…

— Они сожгли свою звезду, а вместе с ней и какого-то неизвестного нам противника, — тем временем произнес Ланге. — Мне в равной степени интересны обе стороны того противостояния. Масштабы страшные, но именно информация по «Черной луне», вкупе с технологиями, способными пережигать звезды, как свечки, возможно, и станет гарантией мира и неприкосновенности Конфедерации солнц. И я готов ради этого сломать не одну судьбу, можете мне поверить.

— Я верю… — глухо ответил Дорохов.

Отчего-то ему вдруг стало страшно и неуютно за огромным овальным столом наедине с этим человеком, которого, не далее как час назад, он принял за клоуна.

Заметив его состояние, Джедиан нахмурился.

— Хорошо, генерал, давайте начистоту. Даже обладая поверхностными сведениями, я смог оценить значение «Черной луны» для будущего Конфедерации. Я прилетел сюда не с инспекторской проверкой, а с намерением разобраться во всем самому. И я не хочу, чтобы вы или ваши штабные офицеры вставляли мне палки в колеса, ясно?

Дорохов кивнул. Что уж тут непонятного?

— Отлично. Значит, с этой минуты я устанавливаю такой регламент: вы остаетесь командиром базы и очень хорошо охраняете ее, а я и мои люди будем заниматься «Черной луной».

Теперь это уже был не паяц, не политик, не искусный оратор, перед Дороховым словно восстала тень Воронцова в призрачном блеске железной воли покойного адмирала…

— Через полчаса я должен получить доступ ко всем базам данных, кодовые ключи и идентификаторы для всех лабораторий и подготовленные помещения для прибывшего со мной персонала, — не терпящим возражений тоном заключил Джедиан.

Дорохов встал. Ему нечего было возразить или ответить. Дмитрий Алексеевич чувствовал, что полчаса беседы с Ланге вымотали его, как сутки напряженных боевых действий.

— Разрешите идти, господин командующий? Джедиан милостиво

склонил голову, не сводя с него проницательного взгляда.

— Идите, генерал, — разрешил он. — И помните, я надеюсь, что мы с вами сработаемся.

***

Секретная база под кодовым названием «Черная луна» действительно задумывалась как стратегический космодром. Первоначально никто не планировал проводить тут исследования и раскопки, в самый разгар Первой галактической войны было не до научных изысканий.

Три темные планеты, не отмеченные ни на одной звездной карте по причине отсутствия тут самой звезды, действительно являлись идеальным местом для тайной дислокации ударных эскадр космического флота. Данный сектор пространства считался пустым. Наличие планет, как уже подметил штабной офицер, позволяло построить посадочные площадки и ремонтные доки с естественным источником гравитации, что было очень важно для нормального и эффективного ремонта боевых кораблей.

Все эти данные Джедиан пробежал глазами, лишь мельком останавливая взгляд на некоторых фразах. Его интересовала не история «Черной луны», которая, по сути, являлась зеркальным отражением истории возникновения Форта Стеллар, а нечто другое…

Ага, вот…

Глаза Джедиана вспыхнули мрачным, жадным огнём.

Отчет старшего строительной группы… Так… При рытье котлована… Глубина — минус тридцать два метра от нулевого нивелира… Остатки армированной бетонной стены, сохранившей слабое реликтовое излучение… Повреждения и структура внутренних деформаций характерны для близкого термоядерного взрыва… В реголите серого цвета, напоминающего каплеобразные частицы шлака, обнаружены слитки металла, предположительно, какие-то предметы неизвестной цивилизации.

Джедиан откинулся в кресле и задумался.

Этой находке было сорок с лишним лет, но уже тогда его дядя, адмирал Воронцов, правильно оценил ее значение и приказал начать целенаправленные исследования грунта на поверхности трех обожженных адским пламенем лун… или все же планет?

«Скорее лун… — решил про себя Джедиан. — Для полноценных планет, на которых могла развиться разумная жизнь, они слишком малы. Слаба гравитация, да и вообще, не те условия для эволюции, такой, как на подавляющем большинстве кислородных миров. Нет… Их родная планета где-то в другом месте… — размышлял он, не торопясь переходить к

рассмотрению основного события. — Три сожженных луны… Опорный пункт? Форпост?.. База?..»

В любом случае на ум приходил лишь один термин — война. Война, что шла три миллиона лет назад, но между кем?! Двумя доисторическими разумными расами? Или гражданский раскол внутри некогда единой цивилизации? Этого Джедиан не знал, но всерьез собирался выяснить, И последняя находка, извлеченная из шлакообразного реголита Черной луны-1, того самого планетоида, где впервые были обнаружены остатки нечеловеческих сооружений, позволяла ему питать подобные надежды.

Джедиан действительно являлся тем человеком, кто создал мозговой сканер и развил новую область науки. И вполне искренне считал, что его вины в военном применении этих открытий нет. Так распорядилось их жестокое время.

Заблуждался Джедиан Ланге или нет, должно было рассудить время. Но, как бы там ни было, он являлся незаурядным человеком и талантливым ученым, которого природа наградила умом, а судьба и родство вознесли на самый верх иерархической лестницы Конфедерации солнц.

Прикурив сигарету, он включил воспроизведение той видеозаписи, просмотр которой сам же и оборвал в зале совещаний…

Глубоко затянувшись, Джедиан пропустил начало и впился глазами в экран монитора, только когда увидел тот самый кадр…

…Силовая сфера, в которую по электромагнитному тоннелю поступил вырезанный с поверхности Черной луны кусок породы, клубилась паром.

Поступившая на участок «разделки» многокилометровая глыба медленно вращалась в прицеле следящих за процессом видеокамер.

Предвкушая развитие событий, Джедиан подался к монитору. Он вдруг заметил, что нервная дрожь родилась где-то в районе позвоночника.

Это оказался очень любопытный образец. Он наполовину состоял из пресноводного льда. Первая уникальная находка такого рода, обнаруженная на глубине двухсот метров под пепельной поверхностью. Первое свидетельство того, что тут когда-то была атмосфера и даже вода…

Внезапно среди клубящегося пара произошло нечто неадекватное.

Луч лазера тонким огненным шнурком прошел точно по центру полуторакилометровой ледяной глыбы, развалив ее на две бесформенные половины. Лед на срезе огромных плоскостей истекал паром и по своей прозрачности напоминал стекло.

Вокруг, в клубящейся пыли, средь испаряющегося газа и лазерных вспышек сновали крохотные паукообразные механизмы. Только они оказались в состоянии заглянуть вовнутрь разрезанной глыбы ископаемого

льда через открывшееся на срезе прозрачное окно, но праздное любопытство не входило в программные обязанности примитивных автоматов. Однако они были снабжены видеокамерами, изображение с которых транслировалось на сотни мониторов станции слежения, и одновременно все видеосигналы от механизмов анализировал специальный компьютер. Он-то и выдал на дисплей одного из дежуривших на станции людей сигнал о чрезвычайной ситуации.

Дежурный офицер базы посмотрел на монитор. Его лицо сначала побледнело, а затем покрылось неровными пятнами румянца.

Очевидно, в те секунды офицер испытал шок намного более сильный, чем то возбуждение, что чувствовал Джедиан от просмотра записи. Ему-то сейчас уже известно, ЧТО увидел на мониторе этот офицер.

Не смея оторвать глаз от изображения, тот на ощупь нашел клавишу интеркома, ответственную за общую связь, и проговорил севшим от волнения голосом:

— Всему персоналу базы. Боевая тревога. Красный код в четвертом секторе!

На мониторе продолжало транслироваться обработанное компьютером изображение. Маленький паукообразный робот полз по ровному срезу льда. Его видеокамера по приказу центрального компьютера была нацелена вовнутрь ледяной глыбы.

Офицер хотел что-то сказать, но из его горла вырвался лишь сдавленный сипящий вздох, внутри исполинской глыбы льда были заключены люди… но, великий боже, их кожа отливала нежной голубизной, а черты лица никак не походили на человеческие… Заостренные уши, как у мерзких персонажам из низкопробных мультиков, лишенный губ, щелеобразный рот, маленькие, широко разнесенные глаза — все вместе это выглядело просто отвратительно. Камера робота прыгала, показывая перекрученные, неестественно выгнутые руки и ноги, плоские грудные клетки, лысые яйцеобразные черепа…

Полное отсутствие половых признаков вызывало еще большее отвращение. Словно кто-то заморозил во льду десятки кукол или голых манекенов…

За спиной оторопевшего офицера выли сирены поднятой им тревоги. В зал один за другим вбегали люди.

Дальнейшие действия персонала были четкими и по-военному слаженными. Эти люди специально готовились для подобных сюрпризов.

Огромные насосы, расположенные по периметру незримой силовой сферы, быстро откачали всю газообразную смесь, находящуюся в секторе

разделки доставленных образцов. Десятки ультрафиолетовых прожекторов залили пространство внутри сферы голубым светом, призванным если не убить, то значительно ослабить чужеродные микроорганизмы.

Автоматические лазеры перешли в широкоапетурный режим, теперь их рассеянная энергия не резала две глыбы льда, а заставляла их интенсивно таять. Насосы продолжали откачивать продукты испарения, поддерживая внутри сферы относительный вакуум.

Постепенно работа усложнилась. Тела вытаивали на поверхность глыб; их осторожно вырезали лазером, стараясь не задеть распростертых конечностей. Через два часа от полуторакилометровой глыбы не осталось ничего, кроме плавающих в вакууме гуманоидных тел, заключенных внутри прозрачных ледяных параллелепипедов. Сканеры показывали двести тринадцать существ, среди заледеневших тел которых в невесомости парило несколько приборов странного вида и неизвестного предназначения.

…Запись закончилась. Больше никаких находок не последовало, и к самим телам никто не прикасался. Они по-прежнему плавали, запаянные в гробы изо льда, внутри незримых границ силового шара.

«Ждали своего часа. Ждали меня…» — возбужденно подумал Джедиан, вдруг ощутив, как после перерыва вновь погружается в родную стихию.

Он больше не мог тянуть… Это было ДЕЛО… ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ.

В этот момент Джедиан Ланге забыл про Конфедерацию и свое высокое положение. В нем проснулся тот самый ученый, что изобрел десять лет назад верный способ считывания информации прямо из головного мозга человека и ее визуальной расшифровки.

«Вот истинная работа для моего сканера! — возбужденно думал он. — Эти существа впаяны в лед. Очевидно, их смерть была мгновенной. Значит, существует реальный шанс реанимации… Ничего… Не таких возвращали с того света. — Мысли Джедиана вдруг приняли целенаправленный характер. Он уже строил планы, в уме подсчитывая шансы на успех. — Пусть… — думал он, — пусть на вскрытия, изучение строения органов, опыты с биохимией метаболизма, на неудачные попытки реанимации уйдут двести двенадцать существ, но последний обязательно оживет, хоть на минуту, на несколько мгновений, и тогда из него вырвут всю информацию, которая станет доступна глубинным мозговым сканерам!»

Это походило на наваждение. Джедиан преобразился, и если бы не уединение, то вид главнокомандующего космическими силами

Конфедерации мог бы шокировать многих из подчиненных…

Он сидел в глубоком кресле, вцепившись побелевшими пальцами в мягкие подлокотники, лицо раскраснелось от возбуждения, а губы беззвучно шевелились в тот момент, когда взгляд Ланге блуждал по экрану, где в вакууме парили, сталкиваясь друг с другом, ледяные прямоугольные глыбы, содержащие в себе самое великое и, возможно, самое ужасающее открытие современности.

Джедиан не мог больше ждать. Он хотел одного — действовать

Глава 2

Подземные уровни Форта Стеллар. Два месяца спустя после описанных событий

Один из дюжины кабинетов Джедиана Ланге, разбросанных по всем уровням Форта Стеллар, отличался от других рабочих комнат некоронованного владыки системы Рори не только своими внушительными размерами и изяществом отделки, но прежде всего набором уникального электронного оборудования, аналоги которого можно было без труда сосчитать по пальцам.

В центре овального кабинета возвышалось нечто, подобное древнеегипетской пирамиде. Матово-черная поверхность панелей, под которыми прятались уникальные процессоры, змеилась косыми бликами света, отражая сияние точечных плафонов, укрепленных в потолке. Пирамида процессорных блоков сужалась кверху и изнутри была полой.

Таким образом, внутри рабочего кабинета оказалась спрятанной еще одна квадратная комната, наклонные стены которой дышали, отводя тепло от работающих процессоров с тихим, монотонным шумом охлаждающих вентиляторов; по внутренним стенам пирамиды шустро сновали цепочки контрольных огней, отражая в своих замысловатых узорах те или иные стадии работы комплекса, тускло светились несколько мониторов, и все это сближалось, нависало, обступало со всех сторон единственное кресло с толстыми подлокотниками, над которым в лиловом дрожании статис-поля повисло несколько шлемов для нейросенсорного контакта.

Сейчас Джедиан сидел в этом самом кресле, полностью погруженный в виртуальную реальность.

Шло секретное совещание с участием глав правительств тех планет, что входили в состав Конфедерации солнц.

Хотел того Джедиан или нет, но большую часть времени ему приходилось уделять политике, и поэтому работы по проекту «Черная луна» продвигались удручающе медленно.

Сам же проект все глубже и глубже захватывал его.

Джедиан не мог лгать сам себе, большая политика увлекала его намного меньше, чем исследования в области человеческого мозга. И потому он достаточно серьезно думал о том, чтобы сложить полномочия командующего Флотом и номинального главы Конфедерации. Ежедневные проблемы, политические дрязги, амбиции — все это крайне утомляло его,

рассеивало внимание и отнимало массу времени.

Вот и сейчас, когда виртуальное совещание было в самом разгаре, он, слушая докладчика, никак не мог отделаться от мыслей о Черной луне.

Говорил президент Элио Антон Вербицкий.

Седого рослого военного, в прошлом, как и Воронцов, адмирала своей планеты, слушали внимательно все, за исключением Джедиана.

Впрочем, задумчивость никак не влияла на характерную для Джедиана Ланге способность следить за речью докладчика, не упуская основную нить его рассуждений.

На повестке дня стоял вопрос о пересмотре Военной Доктрины Конфедерации солнц, и Джедиан, как бы ему ни хотелось, просто не мог игнорировать столь важный доклад.

Вербицкий говорил негромко.

— …Сейчас настала пора радикального пересмотра позиции Центральных миров в отношении Земного альянса и прочих формаций, которые тут и там возникают в космосе, словно грибы после теплого дождя.

Лицо президента Элио дышало спокойствием и полным осознанием справедливости своих слов.

Вообще, Вербицкий производил впечатление человека, который каждое свое слово пропускает через призму личного жизненного опыта, а он у президента Элио был и горек, и разнообразен…

— Господа, мы уже пережили стадию оборонительного союза, — убежденно, но без излишней помпы, говорил он. — Военная мощь Земли сломлена, и настало время задуматься о дальнейшем устройстве мира, который по-прежнему балансирует на зыбкой грани. Вроде бы Вторая галактическая война закончилась почти десять лет назад, но на гиперсферных трассах продолжают зверствовать каперы, многие миры отброшены назад, в бездну регресса. А сколько еще будет открыто в ближайшие годы новых колоний, которые, как и наши планеты, были освоены «невозвращенцами» Первого рывка Великой Экспансии? — Вербицкий обвел изучающим взглядом фантомные образы своих собеседников, которые в данный момент сидели в нейросенсорных шлемах на расстоянии многих световых лет друг от друга. — В секторе Эригона крепнет союз Космического халифата, — продолжил президент Элио. — Каждый месяц мы получаем сведения о вновь открытых планетах, которые по большей части, сами того не ведая, были вовлечены в Первую либо Вторую галактические войны. Им нужна прежде всего защита, гарантия того, что больше не повторятся орбитальные бомбежки, планетный

геноцид и своевольное размещение военных баз «по праву сильного». Сейчас мы отправляем, по мере возможности, гуманитарную помощь особо пострадавшим мирам, но это крохи от требуемого количества.

При этих словах на лицах присутствующих на виртуальном совещании появилось заинтересованное выражение. Не все понимали, в какую сторону гнет Вербицкий, и некоторые главы планет попытались задать вопросы, но докладчик лишь повысил голос, покрывая пробежавший по рядам шумок. Очевидно, он полагал, что ответы на все вопросы будут даны им по ходу выступления.

— Вторым пунктом, на котором бы я хотел заострить внимание, — это межпланетная торговая и безопасность гиперсферных трасс, — заявил он. — В данный момент таких понятий, как «всеобщий рынок» или «единое экономическое пространство», попросту не существует. Старые связи, которые существовали между колониями, нарушены, а новые будут налаживаться десятилетиями, если не веками. Война слишком далеко отбросила человечество назад. Нигде, кроме миров Конфедерации, не гарантируется никаких прав Разумным Существам…

Джедиан вздрогнул.

— Извините, господин Вербицкий, — счел нужным вмешаться он. — Вы имели в виду права людей.

— Я имел в виду права Разумных Существ, — спокойно ответил Антон Эдуардович.

— Но должен заметить, мы одиноки в Галактике! — напомнил ему Джедиан.

— Это временно, господин Ланге, — спокойно парировал Вербицкий, так, словно был убежден в существовании иного разума. — К тому же биосферы некоторых колонизированных планет настолько не соответствуют исконному человеческому метаболизму, что потомки выживших колонистов на таких мирах, как Эригон, Зороаста, Омикрон-5, уже сегодня рассматриваются некоторыми чуть ли не как ксеноморфные формы жизни, — напомнил он. — И такое отношение к ним, как к «младшим братьям по разуму», создает опасный прецедент. Опыт показывает, что цивилизация растет, ширится в геометрической прогрессии, и столь же стремительно растут последствия нашего проникновения в глубокий космос. Мы должны не просто помогать этому экспансивному стремлению, но и регламентировать его.

— Каким образом, Антон Эдуардович? — поинтересовался президент Кьюига.

— Через создание института межпланетной безопасности, — ответил

Вербицкий. — Галактике нужен единый закон общее экономическое пространство, равные права и гарантии, для всех без исключения миров, но не через диктат, как это хотела совершить Земля.

«Как это хотела совершить Земля…» — Эти слова отдались эхом в сознании присутствующих. Даже Джедиан, который, как оказалось, уже не думал о Черной луне, ощутил некий зловещий холодок, который, словно искра статического разряда, пробежал между собравшимися в поле виртуального пространства.

— Я предлагаю создать на базе Конфедерации солнц некую интернациональную организацию, — выдержав небольшую паузу, продолжил президент Элио, — которая объединила бы в своем составе представителей всех освоенных людьми планет. Прототип такого Совета Безопасности миров, так я бы условно назвал эту организацию, уже существовал когда-то в рамках Земли. Этот институт носил название ООН — Организации Объединенных Наций, которая располагала собственными вооруженными силами, неподконтрольными ни одному из правительств.

— То есть вы хотите создать в космосе, помимо Конфедерации солнц и Земного альянса, еще и третью силу?! — воскликнул президент планеты Рори. — И серьезно надеетесь на ее нейтралитет?!

— Господа, у нас общий космос, общая история, общие интересы, такие, например, как эффективное выживание в будущем! — уже более резко пояснил Вербицкий. — Если мы ограничимся строго оборонительным союзом десятка развитых миров, то тем самым обречем всю обитаемую Галактику на дальнейшее кровопролитие! Трагедия двух галактических войн не должна повториться, иначе грош нам цена как разумным существам! — заключил он. — В моей груди еще не остыл радиоактивный пепел той воронки, что превратилась в могилу для сотен тысяч жителей Элио, среди которых оказались и мои родители! И мне, как человеку, отлично понимающему, что такое СМЕРТЬ, испытавшему ее ужас на собственной шкуре, близки и понятны надежды, страхи и чаяния тех сообществ, что не входят в оборонительный союз Конфедерации. Они боятся примкнуть к нам, так как резонно полагают, что получат в лучшем случае статус «вторичной колонии» и будут эксплуатироваться в плане ресурсов… но в то же время, не примкнув к сильному, они рискуют быть растоптанными агрессором, который может в любой момент появиться на их орбитах. Примером тому может служить налет пиратских крейсеров на Гизборн — один из отдаленных, окраинных миров. Я полагаю, что при таком раскладе, если не пресечь анархию, не заявить гарантированные свободы и не обеспечить ВСЕОБЩУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ, рано или поздно

в Галактике вырастет сила, подобная Земле, и она сокрушит любой оборонительный союз нескольких планет-государств. В том числе и Конфедерацию. И только реальные межпланетные законы и столь же реальная интернациональная сила, способная провести их в жизнь, обеспечат человечеству перспективу развития, а не медленную смерть и регресс! После слов Вербицкого наступила гробовая тишина. Затем, к удивлению Джедиана, на лице президента Диона появилась улыбка.

— Я считаю, что в основном господин Вербицкий прав, — внезапно заявил он, и в виртуальном пространстве появилась его рука. — Поздравляю, Антон Эдуардович! Вы первым высказали то, что по праву в скором времени должно стать историей Галактики!

Такого оборота событий Джедиан не ожидал.

— Подождите, господа!.. — начал было он, но голос Ланге вдруг потонул в шуме всеобщих восклицаний.

Черт!..

Поддавшись порыву внезапной ярости, он вдруг сорвал с головы виртуальный шлем.

Сердце Джедиана колотилось в груди гулко и неравномерно. Он понял, какую оплошность допустил, но не поздно ли?

Два месяца!.. Быстро же они созрели…

Джедиан тяжело встал с кресла и прошел по кабинету, разминая ноги.

Черная пирамида виртуального комплекса межзвездной связи тихо гудела за его спиной, продолжая работу.

Совет Безопасности… Чушь собачья! Конфедерация вынесла на своих плечах все тяготы войны за независимость Колоний, а теперь Вербицкий предлагает просто взять и раздать эту победу в виде равных прав и свобод всем, кто, поджав хвосты, сидел под атмосферными шапками своих планет, в то время когда…

«Черт!..» — еще раз мысленно выругался Джедиан, осознав, сколь серьезный подкоп подвел Вербицкий под его диктат во флоте, который достался Джедиану по наследству от Воронцова…

Как ни крути, а ведь у него не получалось, как у деда, сидеть одной задницей на нескольких стульях и при этом на сто процентов контролировать ситуацию!

Джедиан помрачнел. Подойдя к столику с напитками, он отхлебнул тоника и вновь принялся мерить шагами свободное от аппаратуры пространство вдоль закругляющихся, овальных стен рабочего кабинета.

Нет, ему определенно не нравилась та тенденция, которую так четко обосновал Вербицкий на сегодняшнем совещании. Это грозило если не

развалом Конфедерации солнц, то ее трансформацией, а ни то ни другое не устраивало хозяина Форта Стеллар. Не то чтобы он очень жаждал единоличной власти, нет, просто взращенный Воронцовым, родившийся в обстановке войны и в то же время войны не видевший, не испытав ее ужаса, Джедиан, сколь бы одаренным он ни был, не мог почувствовать той разумной необходимости, что прозвучала в словах Вербицкого. Для него понятие «война» являлось прежде всего синонимом таких слов, как «прибыль» и «благополучие», а не наоборот.

Угроза… Вот тот волшебный термин, что все это время подспудно зрел в голове Джедиана. Реальная, осязаемая угроза со стороны вернет политику Конфедерации в прежнее русло, заставит вкусившие мира планеты вновь сплотиться вокруг Стеллара и Рори.

Следующая мысль Джедиана, вполне логично, была о Черной луне.

Фрайг… А ведь, похоже, именно в ней крылось все его будущее!

Охваченный нетерпением, как несколько месяцев назад на базе «Черная луна», Джедиан подсел к компьютерному терминалу и вызвал отдел исследований своего личного, находящегося тут же, в недрах Стеллара, научного комплекса.

— Анри, поднимись ко мне! — приказал он, как только на экране появилось смуглое лицо начальника головной лаборатории. — Со всеми материалами по «Черной луне», — добавил он, прежде чем отключиться. Потом немного подумал, допил тоник и повторил вызов: — Я передумал. Сейчас спущусь сам.

На панели виртуальной связи просительно мигал огонек.

Главы планетных правительств недоумевали, куда так внезапно исчез председательствующий.

«Пусть поищут…» — раздраженно подумал он, припомнив, как его не услышали за возбужденными поздравлениями в адрес Вербицкого.

***

В лабораторных комплексах все сияло стерильной белизной.

Персонал в защитных костюмах с прозрачными шлемами-масками занимался обыденной, рутинной работой. Весело сияли огнями компьютерные терминалы, едва слышно шелестели воздушные насосы, ежесекундно обновляющие воздух в помещениях.

Анри Бейкер ждал Джедиана у дверей зала, куда доступ обычным сотрудникам был не просто запрещен, а физически невозможен. О неукоснительном соблюдении данного правила заботилась все та же автоматика, которой, благодаря природной подозрительности адмирала

Воронцова, хватало во всех уровнях Форта Стеллар, начиная от открытых для доступа внешних поселении, расположенных под силовыми пузырями, на поверхности лишенного атмосферы спутника планеты Рори, и заканчивая мрачными подземными казематами специальной флотской тюрьмы, где без следа сгинула не одна сотня неугодных адмиралу людей.

Всё это унаследовал Джедиан Ланге. Адмирал Воронцов пришел в систему планеты Рори практически нищим, если не считать имуществом десяток потрепанных в бою кораблей, которые на тот момент составляли весь флот Свободных колоний.

Отсюда Воронцов нанес дерзкий удар по Земле, отсюда же началось возрождение флота, но адмирал в ходе боевых действий за независимость никогда не забывал о себе, и, когда война закончилась, оказалось, что по существующим документам почти вся поверхность Рори и единственный спутник планеты Стеллар, на котором базировался флот новорожденной Конфедерации солнц, стали его частной собственностью,

Пока был жив Воронцов, чье главенство в космическом флоте никто не посмел бы оспаривать, вопрос о частном статусе Стеллара просто не поднимался, ибо Воронцов, Стеллар и Конфедерация — это были понятия незыблемые и неделимые.

Теперь же, после смерти адмирала, юное содружество планет внезапно осознало, что вся мощь ее боевого флота, то есть гигантская материальная база, без которой немыслимо существование ни одного космического соединения, принадлежит наследнику Форта Стеллар, то есть ему, Джедиану Ланге.

Именно поэтому никто не возражал при утверждении его на должность исполняющего обязанности адмирала флота, но данное положение оставалось весьма шатким, и сегодняшнее выступление Вербицкого служило тому наглядным примером.

«Пройдет еще несколько лет, и будут созданы новые опорные точки для базирования флота… — так думал Джедиан, следуя за своим помощником к толстым бронированным дверям. — И когда насущная необходимость в Форте Стеллар отпадет, все эти Вербицкие, ратующие за всеобщую демократию и независимость, просто оставят меня не у дел…»

Возможно, несколько месяцев назад Джедиан попросту плюнул бы на это. Доходы от экспорта зеркальной древесины с поверхности Рори исчислялись баснословными цифрами, и, таким образом, его благополучию ничто не угрожало, но теперь, когда он вкусил Настоящей Власти, этого не сравнимого ни с чем пьянящего, прямо-таки наркотического чувства, мысль о потере значимости Стеллара становилась для него невыносима,

как зубная боль.

Джедиану нравилась власть. Непередаваемое ощущение, когда миллиарды людей на десятках планет вдруг оказываются привязанными к тебе тысячью невидимых нитей. Один взмах руки мог коренным образом менять их судьбы. Стоило ему пожелать, и марионетки начинали корчиться то от горя, то от безмерного счастья, как заблагорассудится ему…

Он вспомнил те дни, когда один вызов в кабинет Воронцова заставлял его бледнеть и трепетать, хотя тот являлся его двоюродным дедом!.. Так что же говорить об остальных, власть над которыми теперь перешла к нему? Его начинают ненавидеть так же сильно, как Воронцова, но боятся ли его?

«Скорее всего, нет…» — с внезапным ожесточением осознал Ланге.

Над ухом задумавшегося Джедиана тонко пропищал зуммер сканирующего устройства, и на пульте у бронированной плиты вспыхнул зеленый сигнал разрешенного доступа. Выдвинувшиеся было из стены лазерные турели, нехотя жужжа сервоприводами, втянулись назад, за шторки предохранительных диафрагм, а сама многотонная дверь вздрогнула и начала открываться.

«Да… Прессинг со стороны союзных планет начался… — думал Ланге, глядя, как медленно уползает в стену дверь. — Они недовольны наследственной преемственностью власти над космическим флотом, и ясно, на него будут давить, пытаясь добиться добровольного ухода в отставку».

Внезапно Джедиан понял, что ожесточение в его душе растет, словно черная приливная волна, сметая все иные чувства, и он вот уже несколько секунд стоит, глядя в одну точку, на пороге открывшегося проема.

Его помощник, Анри Бейкер, нерешительно переминался с ноги на ногу за спиной Джедиана.

Ланге сделал над собой усилие и, подавив растущее раздражение, шагнул вперед, одновременно подумав о том, что, откажись он от своего положения, и ко многим вещам его доступ был бы просто перекрыт. К таким, например, как информация по «Черной луне»… Переступив порог зала, он огляделся. Двойные бронированные створы за его спиной встали на место.

В огромном, залитом ярким светом помещении не оказалось ни души — только приборы и автоматы.

— Сюда, сэр… — почтительно произнес Бейкер, указывая на узкий, освещенный ультрафиолетом проход между двумя рядами подсвеченных изнутри вертикальных столбов, в которых в ленивых струях физиологического раствора плавали доставленные сюда с «Черной луны»

тела гуманоидов.

— Положительный опыт есть? — осведомился Джедиан, разглядывая ближайшее тело.

— Да, сэр. Образец номер сто сорок семь. Он жил минуту двадцать секунд, и мы успели за это время отсканировать весь мозг, с шаговым интервалом сканера в десять микрон. Получилась вполне приличная запись.

— Ага… — Джедиан вошел в проход между цилиндрами и направился к сияющему в конце зала компьютерному комплексу. — А остальные?

— К сожалению, они безнадежны, сэр, — покачал головой Анри. — Они ведь не были погружены в криогенный сон, просто замерзли. Нам сопутствовала огромная удача при работе с образцом, который удалось оживить. Остальные годятся только для патологоанатомов, но мы и так достаточно детально изучили их организм.

— Ясно… — Джедиан остановился возле последней полой трубы из толстого стекла. — И что вам удалось выяснить в ходе вскрытий?

— Эти существа обитали в водной среде, — с готовностью ответил Анри. — Их родной мир должен быть полностью покрыт океаном, так как некоторые особенности в строении позволяют с большой долей уверенности утверждать, что они никогда не выходили на сушу… до тех пор, пока не стали настолько развиты, чтобы сознательно колонизировать ее, а затем выйти в космическое пространство.

Бейкер подошел ближе и достал лазерную указку. Маленький красный курсор заплясал по заключенному внутри столба телу.

— Вы видите, господин Ланге, что у них есть пальцы только на верхних конечностях, которые мы условно называем руками, по привычной аналогии. Они явно когда-то были ластами, и появление пальцев на них обусловлено эволюционным развитием. Ноги же, или задние конечности, так и остались в первозданном виде.

— Почему две ноги? — задумчиво переспросил Джедиан. — По логике, туловище должно оканчиваться утолщением в виде хвоста с плавником… так ведь?

— Нет, сэр, тут видна аналогия с земной эволюцией. Конечности этого существа развивались из плавников, расположенных попарно и симметрично по обе стороны туловища. Хвостовой плавник сохранился, но в виде рудимента, как копчик у человека является рудиментом обезьяньего хвоста.

— Хорошо, Анри, ты отлично поработал, — похвалил его

Джедиан. — А то, что тебе удалось реанимировать одного из них и отсканировать мозг, вообще стоит выше всяких похвал.

Анри Бейкер остановился и, обернувшись, взглянул на своего босса.

— Спасибо, сэр. Это было не просто интересно, это было здорово… Жаль, что вы не хотите опубликовать результаты исследований. Это был бы настоящий взрыв в ксенобиологии…

— Еще не время… — сухо осадил его Джедиан. — Но публикация будет, обязательно, — тут же успокоил он молодого ученого. — Ты еще получишь свою степень, Анри, и славу первого исследователя братьев по разуму, но… — он сделал многозначительную паузу. — Только в тот момент, который укажу я, — заключил он. — Только тогда. Иначе, нарушив секретность, ты рискуешь потерять очень многое, если не все! — На этот раз в его голосе сквозила неприкрытая угроза.

— Я понял, сэр, — опустив голову, ответил Бейкер.

— Отлично, — вновь похвалил его Джедиан. — А теперь я бы хотел ознакомиться с материалами по дешифровке записей мозгового сканера.

На лицо молодого ученого набежала тень. На этот раз ему было абсолютно нечем хвалиться.

— Дешифровки нет, господин Ланге… — виновато сообщил он.

Мозг! Мозг человека!..

Джедиан едва не расхохотался. Ну конечно, ведь это очевидно, решение плавало на поверхности!

Мозг человека… Вот та среда, куда нужно скинуть, записать статичную пока информацию… И затем ждать…

Ждать, пока она проявит себя, побежит по синапсам волнами возбуждения, и тогда… На лице Джедиана появилось безумное выражение, такое, что стоящий подле кресла Бейкер инстинктивно отступил на шаг, не понимая, что творится с господином Ланге, глаза которого вдруг вспыхнули тем блеском, что бывает у зверя, уже загнавшего добычу и предвкушающего сладостный миг последнего рокового удара…

«…Тогда разум, не сумев оценить полученной информации, начнет искать к ней ключ, пытаться переварить то, что ему подсунут вместо нормальной человеческой памяти…»

Джедиан чувствовал, что он прав. Тысячу, миллион раз прав!

И тут же он задался новым вопросом: каким должен быть подопытный?

Некоторые критерии напрашивались сами собой: им должен стать мужчина, здоровый, хорошо развитый, не старше сорока лет, с уравновешенной психикой, стойкий к стрессам…

Желательно, чтобы он оказался сиротой. Поразмыслив над перечисленными в уме пунктами, Джедиан немного поостыл. Найти подходящего кандидата будет трудно. Очень трудно, хотя вокруг живут тысячи сирот мужского пола и нужного телосложения… но не физические данные в конце концов являлись решающими для того, что задумал Ланге.

Он очень хорошо понимал, какой стресс обрушится на подопытного… В свое время он пробовал реабилитировать душевнобольных и преступников, имплантируя им чужую память, но своя собственная при этом никогда не уничтожалась до конца, и очень быстро наступало катастрофическое раздвоение личности и сознания с самыми неблаговидными последствиями для окружающих и самих подопытных.

Только в одном случае ему удалось справиться с проблемой. Тем уникальным человеком был, как ни странно, свежий труп преступника, казненного за многочисленные зверские убийства. В его случае предсмертный шок оказался так сильно закреплен в сознании, что после реанимации вторая, вживленная личность не выступила на первый план, а осталась в тени, постепенно проявляя себя. Только этот эксперимент оказался успешен, этот метод «лечения расстрелом», как окрестил его Воронцов, казался столь жесток и бесчеловечен, что адмирал, который в то время был занят построением Конфедерации, запретил своему племяннику упоминать о данном опыте даже в узких кругах.

Значит… ему нужен труп!

— Анри, — он поднял взгляд на ученого, который ровным счетом ничего не понимал во внезапных переменах настроения своего босса. — Скажи, Анри, где больше всего сильных, здоровых, устойчивых к стрессам, волевых личностей?

— В армии, сэр, — не задумываясь, ответил Бейкер.

— Правильно! — Джедиан прихлопнул рукой собственное колено. — В армии… А ведь я знаю… знаю, где много нужных нам людей… У которых нет родственников, которым уже давно все равно… которых никто не будет искать и чью память очень легко заместить экспериментальной информацией!

— Где, сэр?! — оторопело переспросил молодой ученый, до которого медленно начала доходить суть идеи Джедиана Ланге.

— На кладбищах кораблей! Там, где в космосе плавают обломки битв галактических войн. Знаешь, сколько прекрасно сохранившихся трупов, мгновенно замороженных вакуумом, плавает в пространстве меж обломков боевых крейсеров?!

— Нет, сэр… — признался Бейкер.

— Очень плохо! Свою историю надо знать, Анри. Боюсь, что тебе придется слетать на одно из таких кладбищ и самому посмотреть, есть ли там хорошие крепкие парни, умершие мгновенной смертью, которых ты возьмешься реанимировать на современном оборудовании. Понял?

— Да, сэр… — упавшим голосом ответил Бейкер.

— Вот и хорошо. Я распоряжусь о корабле, а ты тем временем подумай, каким оборудованием он должен быть укомплектован. И не забывай — в любом эксперименте нужно идти до конца.

Анри, потрясенный и сбитый с толку, смог только кивнуть.

Глава 3

В двенадцати световых годах от системы Рори. Борт крейсера Конфедерации солнц…

Крейсер Конфедерации солнц приближался к расположенному посреди пустоты кладбищу кораблей.

— Как вас зовут, лейтенант? — Анри Бейкер стоял подле обзорного экрана и смотрел на тысячи серых точек, что кружили в пространстве, изредка поблескивая в лучах прожекторов стальными гранями.

— Нельсон, сэр, — ответил офицер, не отрывая взгляда от бесформенных обломков, что дрейфовали во мраке космоса.

Около ста лет назад здесь произошла одна из космических битв между Третьим ударным флотом Земного альянса и сводными формированиями кораблей Свободных колоний.

Говоря точнее, тут регулярный флот Земли встретил наспех сформированный заслон из ополченцев, В основном крейсерам прародины противостояли старые грузовые суда, переоборудованные для ведения космического боя.

Анри внутренне содрогнулся, наблюдая, как укрупняются обломки, и вот уже не поле бесформенных глыб металла сверкает в лучах мощных прожекторов, а весь космос вокруг вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет…

Несмотря на циничное замечание Джедиана Ланге, Анри знал собственную историю. Третий ударный флот Земли развивал атаку на Элио — одну из пяти планет, которые наотрез отказались признать себя колониями Терры…

В учебнике истории этому уделялось едва ли пара абзацев текста, и разве мог подумать молодой ученый, что за сухими строками на самом деле прячется такое…

Глядя на обломки, меж которых плавал различный мусор и мертвые тела, Анри содрогался, но не подозревал, что именно отсюда начнется его падение…

Сейчас мысли молодого ученого оказались заняты совсем иным.

Он думал о том, как горстка людей на утлых кораблях, предназначенных в лучшем случае для каботажных внутрисистемных рейсов, приняла удар могучего флота и остановила его.

Глядя на тысячи обломков, медленно и трагично плывущих в космосе,

образуя бескрайнее поле, Анри с ужасом начал понимать, что у этих людей не было ни единого шанса остаться в живых. Чтобы остановить Земной флот, они должны были стать смертниками, едва ли старенькие корабли. Колонии были укомплектованы орудиями, способными пробить силовую защиту и броню крейсеров Альянса.

Мысли Анри прервал лейтенант Нельсон, что стоял рядом и молча наблюдал, как корабль входит в поле исковерканных обломков, раздвигая их своими силовыми щитами.

— Взгляните, сэр, — привлек он внимание Бейкера, указав на одну из изуродованных взрывами глыб, которая казалась больше других в несколько раз и сохранила очертания космического корабля. — Это флагман колоний, пассажирский корабль «Европа». Я читал о нем в книгах… — Голос лейтенанта внезапно дрогнул. — Он вез последнюю партию беженцев с Дабога…

Анри кивнул, не находя слов для ответа. Об истории Дабога знали все. Этот мир мог соперничать с Элио и Кьюигом по уровню своего развития, но, по злой иронии судьбы, он стал первым пунктом, около которого спустя четыреста лет забвения появились корабли Земли.

Как и другие колонии, Дабог отказался признать себя сателлитом Земли.

«Да и чего ради? — вдруг гневно подумал Анри, чувствуя, как в нем просыпаются дремавшие доселе чувства. — Земля ничем не помогла колониям, она просто вышвырнула часть своего населения в дальний космос, через только открытую и совершенно неизученную гиперсферу, и, как следствие, подавляющее большинство колониальных транспортов просто кануло в никуда, а тем немногим, кому удалось в конце концов отыскать кислородные планеты и разгрузиться, пришлось самостоятельно бороться за жизнь!..»

Такова была правда.

На страницах учебников она выглядела весьма интересно, И только теперь, смотря на эти обломки, меж которых в вакууме плавал различный мусор вперемешку с человеческими телами, Анри сумел почувствовать, осознать небольшую часть той безмерной трагедии целых поколений, что крылась за сухим изложением фактов.

Он испытал *сопричастность*, и от этого ему вдруг стало плохо.

— Вы хотели что-то сказать, лейтенант? — переспросил он, заставив себя отвернуться, не смотреть…

Нельсон оторвал взгляд от экрана и серьезно взглянул на Анри.

— Я думаю, что нам стоит причалить к «Европе». Там наверняка вы

найдете искомое.

В голосе лейтенанта прозвучал плохо скрытый вызов. До офицера не доходило, как можно так кощунственно вторгаться в трагический покой этого места.

— Да, лейтенант, — согласился Бейкер. И, секунду помедля, добавил: — Мне самому не очень нравится затея мистера Джедиана Ланге… Но поверьте, Нельсон, я столь же подневолен, как и вы. Так что давайте не будем осуждать друг друга, а просто сделаем как можно быстрее предстоящую работу и уберемся из этого жуткого места.

— Хорошо, сэр. — Взгляд лейтенанта стал чуть менее жестким. — Я иду в рубку, отдам необходимые приказы.

— Я буду готов, как только причалите, — пообещал Анри, вновь поворачиваясь к экрану. — Мои люди уже экипированы и ждут.

***

Поначалу в планы Анри Бейкера не входило личное присутствие при высадках поисковых групп на территорию кладбища кораблей. Стартуя из системы Стеллара на специально подготовленном крейсере флота, он не придавал особого значения этому полету, хотя задание отыскать среди обломков космической битвы пригодное для реанимации тело — само по себе оказалось весьма необычным. Анри, уже второй год работавший под началом Джедиана, успел привыкнуть к причудам своего босса.

До последнего времени для молодого ученого не имело значения, к каким последствиям приводят его опыты. Главное, он занимался наукой, в то время как многие его бывшие сокурсники разгружали транспортные корабли на космодромах Форта Стеллар или же в лучшем случае занимали операторские кресла на каких-нибудь роботизированных производствах.

Анри очень дорожил самой возможностью вести научные изыскания. Мир, в котором он жил, оказался на поверку достаточно жесток и бескомпромиссен, молодой ученый понимал это ничуть не хуже других и потому просто занимался любимой работой, радуясь, что такой человек, как Джедиан Ланге, обратил на него внимание и, более того, сделал начальником секретной лаборатории.

Так он мыслил еще вчера, но сейчас, стоя у шлюза десантного модуля в тяжелом и неудобном скафандре высшей защиты, снабженном псевдомускулами и экзоскелетом, Анри вдруг подумал, что что-то в его жизни пошло не так. Восторг от новых научных открытий почему-то начал перерождаться в смутную тревогу. Что-то неосознанное ворочалось в его груди. И впервые он почувствовал это именно здесь, в самом центре

кладбища кораблей.

Война сама по себе являлась чудовищным извращением человеческих взаимоотношений, но разве о ней задумываешься до тех пор, пока небо над твоей головой не закроет зловещая тень орбитального бомбардировщика?

Конечно же, нет.

Локальные конфликты между отдельными планетами и мелкими союзами возникали и сейчас. Анри, как и любой нормальный человек регулярно смотрел сводки галактических новостей. И только вчера, впервые побывав на кладбище кораблей, он начал осознавать, что на самом деле значит каждая такая сводка, которую раньше слушал вполуха:

«На планете такой-то в результате атаки пиратского флота полностью разрушено пять населенных пунктов… Жертвы… Прерваны коммуникации связи и энергоснабжения… Нападавшие… В неизвестном направлении…».

«Мы требуем вывода космических сил из нашего сектора, в противном случае население оставляет за собой право самим изгнать незаконно вторгшиеся формирования Конфедерации солнц…»

Убийства, террористические акты, продажные правительства, каперские флоты… Трагедии… Переломанные судьбы…

За это ли погибали молодые парни, чьи тела плавали вокруг, замороженные космическим холодом?

Почему о них забыли? Куда покатится тот мир, что оставил их плавать в вакууме, как последних бездомных бродяг? Неужели у людей нет ни памяти, ни совести, ничего?! Только день сегодняшний, сиюминутные радости и обиды? А прошлое? Будущее? Преемственность поколений?

Такие мысли, хоть и вносили смуту в душу Бейкера, но, тем не менее, не мешали ему заниматься делом, ради которого он прибыл. Возмущаться черствостью и цинизмом современников он мог в душе, но на деле все обстояло несколько иначе. Анри продолжал свой кощунственный рейд. Среди тех, кто когда-то спас его, кто прямым или косвенным образом способствовал тому, что он родился, вырос, получил образование и работу, среди этих людей он искал подходящее тело, но не затем, чтобы, оживив его, склонить голову перед солдатом, отдавшим жизнь за день сегодняшний. Нет. Он собирался по указке Джедиана Ланге зомбировать его, лишить памяти, превратить в подопытного кролика.

С одной стороны, все это выглядело ужасно, жестоко и бесчеловечно, а с другой — что он мог поделать? Возмутиться против подобных опытов?

Единственное, чего добился бы этим молодой ученый, так это депортации в нижние уровни Форта Стеллар, туда, где располагались казематы тюрьмы:

Анри внезапно понял, что дверь в большой мир захлопнулась за ним в тот самый момент, как он впервые переступил порог секретной лаборатории номер один.

Этого нельзя было изменить. С существующим положением вещей оставалось только смириться.

И он мирился как мог, уповая на то, что память о посещении кладбища погибшего флота вскоре притупится, сотрется и вернутся те спокойные, рабочие будни, что приносили ему столько радости творчества,

Анри ошибался. Только не хотел признаваться самому себе, что он сделал в жизни хорошую, но в корне неверную ставку. У него была совесть, и она, как ни странно, мучила его…

В этот памятный день, после трехчасового лазания меж уродливых обломков, он впервые почти до беспамятства напился в обществе не менее подавленного и сумеречного лейтенанта Нельсона…

…К исходу третьих суток, что поисковая группа Бейкера провела средь обломков космических кораблей, ими было осмотрено около двух сотен мертвых тел. В основном это оказались члены экипажей грузовых звездолетов, в которых даже элементарных скафандров хватало далеко не на всех.

Картины агонии уже не резали душу, люди тупели среди парящих в невесомости трупов, их восприятие становилось туманным и безразличным.

Бейкер браковал одно за другим десятки осмотренных тел. Все они, как правило, умерли в результате мгновенной декомпрессии, и кровь от взорвавшихся легких ледяными сгустками парила тут же, вокруг искаженных предсмертной судорогой лиц.

Было, конечно, несколько человек, кто подходил под требования Джедиана, но они не устраивали Бейкера. Он не хотел экспериментировать над солдатами колоний, надеясь отыскать подходящую кандидатуру из числа погибших со стороны Земного альянса. Анри наивно полагал, что так его будет меньше мучить совесть. Тщетные мечты.

Земной альянс обладал в ту пору самой совершенной техникой, и экипировка космических пехотинцев, что составляли основную ударную силу флота, была для своей эпохи попросту превосходной.

Одной из отличительных черт систем жизнеобеспечения боевых скафандров Альянса являлся так называемый «контроль боеспособности».

По сути, это был встроенный реанимационный аппарат, который способен выжать из заключенного в защитную оболочку солдата всю его жизнь до последней капли. Стоило бойцу потерять сознание, как включалась соответственная аппаратура, которая стимулировала организм, впрыскивая в кровь лошадиные дозы лекарств.

Да, Анри видел их. Иссушенные тела с глубоко впавшими глазницами в целехоньких скафандрах. Бойцов, погибших от физического истощения, под многократным воздействием стимулирующих препаратов.

Ему казалось, он просто сойдет с ума и никогда уже не покинет это страшное место. Отсюда не должно было быть возврата…

Ворочаясь без сна на узкой и жесткой откидной койке боевого крейсера, он вновь и вновь переживал увиденный кошмар…

Нет… Больше не было сил выносить все это, парить среди трупов и чувствовать себя последним ублюдком, оскверняющим могилы, а потом исправно напиваться до полнейшего отупения. Но и тогда, в горячечном, тяжелом полузабытьи сна, они не отпускали его, фантомы парили в порожденном алкоголем и постоянным стрессом бреду, и не было от них ни спасения, ни противоядия…

В конце концов, измучившись, Анри пришел к неизбежному выводу: нужно брать то, что есть, и улетать как можно скорее и как можно дальше.

Таким образом, он остановился на одном трупе, который поисковая группа под руководством Нельсона обнаружила среди обломков «Европы» еще в первый день их пребывания на кладбище кораблей.

Вернее, тел было три, но одно из них принадлежало молодой женщине, другое — роботу-андроиду неимоверно древней модели, и они, конечно, не могли расцениваться как кандидатуры, подходящие под требование Джедиана Ланге, но Бейкер не мог отделить от них интересующего его мужчину — все трое оказались намертво впаяны в одну глыбу мутного льда. Очевидно, что в момент гибели «Европы» они находились в помещении гидропоники, где в специальных емкостях жили простейшие организмы, снабжающие корабль чистым воздухом и протеиновой массой.

В момент разгерметизации отсеков гидропонический бак лопнул и масса воды низверглась на этих троих, мгновенно превратившись в лед, как только космический холод ворвался в помещение.

Бейкер не сомневался, что мужчину и женщину можно оживить, их легкие не тронул декомпрессионный взрыв, они попросту мгновенно умерли от переохлаждения.

Глыбу льда, содержащую три тела, осторожно отрезали от

покореженных переборок и поместили в специальный отсек с отрицательной температурой.

Теперь крейсер мог наконец покинуть кладбище кораблей, но Анри, как ни старался, так и не сумел разделить радость лейтенанта Нельсона.

Он чувствовал, что все еще только начинается и главный ужас ждет его впереди, в стерильных стенах секретной лаборатории номер один. То, что искомое тело оказалось впаяно в лед, как и тела инопланетных гуманоидов, играло на руку задуманному Джедианом эксперименту, но Бейкеру такое совпадение казалось еще и символичным… Временами, думая о том, что предстоит ему совершить, Анри охватывал какой-то полумистический ужас.

Он почти не спал, много пил, только это не помогало, и в конце концов, измучившись, он начал принимать столько снотворного, что обратный путь до Стеллара полностью выпал из его сознания.

Часть II ДВЕ СУДЬБЫ

Глава 4

Секретная лаборатория. Форт Стеллар. Неделя спустя

Джедиан Ланге обошел вокруг глыбы мутного льда, внутри которой смутно очерчивались контуры трех человеческих фигур.

— Один из них андроид, да?

Анри Бейкер кивнул. Он сидел за пультом управления. Глыбу льда поддерживали специальные захваты. Все было подготовлено наспех, и лед уже начал таять, отчего тишину лаборатории нарушал звонкий звук капели, а на полу сверкали лужи талой воды.

— Реанимировать будем обоих, — внезапно приказал Джедиан, закончив свой обход. — Ты готов, Анри?

Ученый кивнул, стараясь не выдать предательской дрожи в голосе:

— Да, сэр…

Джедиан еще немного постоял, глядя в мутные глубины наполненного хлорофиллом пресноводного льда.

— Пока просто произведи реанимацию. Память не трогай, этим займемся позже. Мне нужны стабильные жизненные показатели у обоих.

— Мозговое сканирование? — осведомился Анри.

— Молодец, соображаешь… — похвалил его Джедиан. — Да, я хочу иметь записи их мозга. Иногда, чтобы манипулировать людьми, очень полезно знать их прошлое, — жутковато усмехнулся он.

— А как быть с андроидом, сэр?

— Поступай как знаешь…, — отмахнулся Ланге. — Можешь выкинуть на свалку, а можешь сделать из него слугу. Как хочешь, Анри. Говорят, эти древние модели снабжались псевдоинтеллектом и были трогательно привязаны к своим хозяевам… — Он обернулся: — Как ты думаешь, кому из них принадлежит робот?

— Не знаю… — пожал плечами Бейкер.

— Ладно, работай. — Джедиан повернулся и пошел к выходу из лаборатории. — Держи меня в курсе, Анри, и, если что-то понадобится или возникнут сложности, связывайся с моим секретарем немедленно. Я велю установить на твои вызовы приоритет.

— Хорошо, сэр. Я буду стараться. Дверь лаборатории тяжко поползла в сторону. Джедиан вышел, и Анри остался один на один с тремя телами.

***

Сознание плыло в черной, болезненной дымке небытия…

Он не ощущал ничего — ни тела, ни одежды, ни каких-то там звуков…

Гробовая тишина и мрак обволакивали его, как саван.

Память Дениса цепко держалась за последний фрагмент жизни. Им был жесткий удар, от которого вдруг начали сминаться переборки корабля, будто они были изготовлены из фольги… потом над головой что-то лопнуло с хрустальным звоном, и на него внезапно обрушилась мутная, дурно пахнущая масса из расколовшегося гидропонического бака…

Холод… Вот то чувство, которое являлось его последним осознанным ощущением.

Дикий, пробирающий до самого сердца холод.

Он даже не успел испугаться.

И вот холод ушел. Ушло вообще все, кроме собственного сознания, которое, лишившись тела, бессмысленно дрейфовало по черным волнам памяти.

Я мертв…

Эта мысль не требовала ни пояснений, ни доказательств.

Отрешенность от мира… Отчужденность… Жизнь после смерти? Возможно ли это?

Денис попытался вспомнить что-то еще, уйти слабым усилием воли от бесконечного, волнообразного скольжения в никуда, и внезапно ему это удалось.

Из окружающего мрака вдруг начало прорисовываться женское лицо. Оно было смутным, зыбким, но знакомым… Кто она?

Этого Денис не знал. Вместо имени из черноты вдруг начал всплывать радужный мыльный пузырь.

Вот он доплыл до смутных черт Женского лица и внезапно лопнул, разлетевшись яркими брызгами воспоминаний…

Черная пелена расступилась, прорисовывая контуры ходовой рубки «Европы»…

***

— Сэр, пеленг правого борта, дистанция — триста тысяч километров! Множественные сигналы. Построение в виде атакующего конуса. Это корабли Альянса!

Командир «Европы» капитан Огюст Дебуа мрачно посмотрел на данные радарного отсека.

— Это Третий ударный флот… — спустя несколько секунд,

прищурясь, заключил он.

— Сэр, еще один пеленг! — доложил оператор радарного отсека. — Тридцать сигналов, построение — ромб. Малотоннажные суда.

— Это наши, — Дебуа остановился напротив тактической компьютерной карты, что проецировалась на прозрачную стену, делившую надвое ходовую рубку «Европы». — Господа… — Он повернулся к офицерам, что молчаливой группой собрались у операторских кресел в ожидании его команд. — Господа… — немного тише повторил он, и. его голос хрипло прозвучал в наступившей тишине. — Дабог пал, и теперь между Третьим ударным флотом и системой Элио стоим только мы да вот эта горстка наспех переоборудованных грузовых кораблей.

Он помолчал, поочередно переводя взгляд с одного лица на другое.

— У нас на борту беженцы. «Европа» не боевой крейсер, а грузопассажирский корабль, но, тем не менее… — Огюст остановился, и его голова слегка качнулась на фоне бледной россыпи звезд в скоплении Плеяд. — Тем не менее, я буду иметь честь атаковать неприятельский флот!

По рядам офицеров пробежал легкий вздох. Дебуа ждал, но никаких возражений не последовало. Лишь смертельная бледность выползла на многие лица.

— На карту брошены не только наши жизни… — продолжил он, сам покрывшись пунцовыми пятнами румянца. — Жизнь многих миллионов людей на десятках планет висит сейчас на волоске. Если ударный флот прорвется к Элио, то колонии падут… Это уже предрешено. Эскадра Воронцова не успеет прикрыть планету. Это должны сделать мы. Задержать их. Дать Воронцову шанс совершить прыжок из системы Рори на элианские орбиты.

Слова, тяжелые, емкие, словно свинцовые, срывались с губ капитана.

Он предлагал им выбрать между неминуемой смертью и позором.

Никто не захотел выбирать.

— Хорошо… — Дебуа вновь остановился. — В нашем распоряжении меньше часа. Приказываю всем офицерам спуститься на, пассажирские палубы. Беженцы должны покинуть «Европу» на спасательных кораблях. Здесь останутся лишь те, кто решит сражаться вместе с нами. У меня все…

Капитан внезапно отвернулся, словно не мог больше смотреть в лица тех, кого только что обрек на смерть.

***

Впервые он увидел ее в оранжерее.

Изящное, почти невесомое существо шло по аллее меж искусно

закамуфлированных гидропонных баков, чьи тяжелые, громоздкие конструкции прятались за ширмой живых изгородей.

Встреча произошла не случайно.

Капитан Дебуа приказал эвакуировать всех гражданских, что летели на борту «Европы»… Вражеский флот приближался, его уже можно было разглядеть в бинокулярах оптических умножителей, и несчастные, что бежали с Дабога с последним стартующим кораблем, не роптали. Они прекрасно понимали, какая участь ждет «Европу», и со слезами на глазах, молча занимали свои места в спасательных шлюпках.

Когда от борта «Европы» отвалила предпоследняя из них, Денис, как старший по званию, еще раз проверил все палубы и отсеки через компьютерную сеть.

Тут и обнаружился этот сигнал. Кто-то остался в оранжерее, сознательно или по неведению отказавшись покинуть обреченный корабль, хотя по сети интеркома каждые пять минут передавалось предупреждение всем пассажирам.

Выругавшись, он секунду помедлил, решая, как поступить дальше.

— Капитан! — проговорил он, вызвав на связь ходовую рубку.

— Да? Дебуа слушает.

— Капитан, это Велехов. Шлюпки отвалили, но у меня остался сигнал на десятой палубе. Кто-то бродит по оранжерее!

— Черт… Денис, это плохо. Самая незащищенная часть корабля. После первого же попадания там будет вакуум!

— Я знаю. Они близко?

— Сорок тысяч. Рукой подать, но ты еще успеешь. Давай пулей туда и сразу же на боевой пост. У тебя третий блистер, ты понял?

— Так точно! — ответил Денис. — Что делать с пассажирами?

— Не знаю! — откровенно взорвался командир. — Запихни в какой-нибудь отсек. Не до тебя, Велехов, извини. Думай сам, не маленький!

— Хорошо… — мрачно ответил он, отжав клавишу.

Самый короткий путь до оранжереи вел через систему технических коридоров «Европы».

У Дениса не было времени, чтобы надеть скафандр. Он открыл межпалубный люк и спрыгнул в красноватый сумрак запутанных инженерных коммуникаций.

Через пять минут он уже был на месте.

Со стороны разыгравшаяся спустя несколько секунд немая сцена наверняка выглядела до крайности глупо: офицер межзвездного космического лайнера застыл, повернув голову и не закончив начатое

движение, а поразившая его девушка даже не заметила произведенного эффекта. Она шла по аллее меж секций гидропоники, рассеянно глядя себе под ноги, а вслед за ней тащился довольно прилично сохранившийся робот-андроид, каких уже давно не выпускали ни на одной из цивилизованных планет.

До лейтенанта Велехова, в груди которого уже начал закипать гнев, долетел обрывок произнесенной им фразы:

— Дарья Дмитриевна… — Робот говорил немного гнусавым, но, в общем-то, достаточно сносно отмодулированным голосом. — Вам следует надеть что-нибудь потеплее! Мои сенсоры фиксируют сквозняк. Это опасно для вашего здоровья!

— Не брюзжи, Хьюго! — не поворачивая головы, попросила она. — Здесь нет никаких сквозняков. Лучше почитай мне что-нибудь вслух.

— Что именно, мисс? — вежливо осведомился андроид, прибавляя шаг, чтобы оказаться вровень с хозяйкой.

— Ну хотя бы Стивена Рауфа. Ты переписал его последний роман?

— Одну секунду, Дарья Дмитриевна… — Андроид, который носил человеческое имя, непринужденным жестом подставил спутнице свой локоть, и девушка взяла его под руку. Явно, они путешествовали вместе уже не первый день. — Соединение с библиотечным процессором крейсера… меланхолично прокомментировал он, чуть наклонив голову… — Загрузка данных…

Пока он говорил, девушка смотрела куда-то в туманную даль оранжереи. Легкий ветерок, на который только что сетовал андроид, являлся обычным током воздуха от скрытых вентиляционных отверстий системы регенерации. Его слабого, эфемерного дуновения едва хватало на то, чтобы лениво шевелить складки ее платья, созданного из дымчатой полупрозрачной ткани. Лейтенант Велехов хоть и был человеком, далеким от понятий высокой моды, но богатые дамы из кают первого класса успели примелькаться ему в далеком и почти забытом довоенном прошлом, изрядно намозолив глаза подобными творениями модельеров…

Словно время отхлынуло назад. Не было вражеского флота, и призрак близкой смерти не стоял за спиной, уродуя лицо нервной ухмылкой,

…В ботаническом саду на далеком Кьюиге играл оркестр.

Он шел между матерью и отцом, держа их за руки, а ветер играл складками ее воздушного платья…

Денис непроизвольно встряхнул головой, пытаясь отрешиться от мимолетного наваждения, но, несмотря на справедливый гнев и всю ирреальность, неуместность ситуации, он не смог отвести глаз от ее платья,

которое на глазах меняло свою фактуру и, словно издеваясь над застывшим у люка офицером, то на доли секунды очерчивало смутный контур ее хрупкой фигуры, то тут же, будто устыдясь озорства, темнело, принимая обычный вид цивилизованной одежды…

…В этот самый момент динамики интеркома, которых хватало в любом отсеке корабля, в очередной раз прорычали свое предупреждение:

«Внимание! Всем гражданским лицам на борту „Европы“! Срочно проследовать на палубу номер два для экстренной эвакуации. У вас осталось сорок секунд до старта последней спасательной шлюпки! Повторяю. Пассажирский корабль „Европа“ находится под атакой вражеского флота! Всем гражданским лицам немедленно проследовать…»

Нет… Это казалось колдовством, мгновенной слепотой, как запаздывание светофильтров при повороте истребителя «на солнце»…

Андроид и девушка будто не слышали предупреждения.

В ней присутствовало что-то совершенно особенное: то, как она наклоняла голову, касаясь прядкой волос покатого плеча дройда,[1] ее походка, низкий грудной голос, тонко очерченный подбородок, задумчивые глаза… то, как она улыбалась, не разжимая губ… и еще множество едва уловимых деталей совершенно внезапно трансформировались в подсознании Дениса в некий носимый в душе много лет образ… заставив молодого, но достаточно опытного и самоуверенного офицера застыть на пороге межпалубного люка.

Или это близкая смерть сыграла над ним свою последнюю жестокую шутку?

…Люк закрылся под собственным весом, отчетливо чавкнув пневматическим уплотнителем.

Денис вздрогнул, оторвав взгляд от пленившей его разум фигуры…

«Чертовщина какая-то…» — не без злости на самого себя подумал он, отведя рукой загораживающую проход ветвь кустарника, что был высажен перед баками гидропоники.

Проклиная все на свете, он бросился, ломая декоративные кусты, туда, где молодая женщина шла, доверчиво опершись на согнутую в локте руку человекоподобной машины.

— «… Фридрих Конски, мелкий чиновник министерства культуры планеты Элио, частенько злоупотреблял своим служебным положением, чтобы первым посмотреть новый фильм „психологического ужаса“, что

поступал на сервер его учреждения для…»

Голос робота четко раздавался в тиши оранжереи. За прозрачным куполом из бронепластика уже невооруженным глазом были видны навигационные огни атакующей армады, а тут, посреди искусственного мирка зелени, андроид, которого звали Хьюго, декламировал своей спутнице начальные строки последнего триллера Стивена Рауфа — популярного несколько лет назад писателя, романы которого содержались в бортовой библиотеке транссистемного крейсера «Европа», курсировавшего до войны по маршруту Дион — Прокус — Рори — Элио.

— Эй! — отчаянно и зло крикнул Денис. — Вы что, с ума сошли?!

Девушка вздрогнула, остановилась и начала поворачиваться на его голос.

В ее глазах таилось тщательно скрываемое безумие.

В этот момент что-то оглушительно ударило в борт «Европы», слабые переборки застонали, сминаясь от удара, и конвульсивная волна разрушений прокатилась по кораблю, в который угодил ракетный залп атакующего флота.

Над головой Дениса раздался мелодичный, хрустальный звон, и внезапно сверху на пол оранжереи обрушилась масса вонючей зеленоватой жидкости…

Последним его чувством был ледяной холод…

***

— …Хорошо, Анри, я вижу. Это стойкое травматическое воспоминание. Оно блокирует остальные участки мозга. Но это ничего. Все терпимо. Введи ему успокоительное, смотри, как взбесились графики…

Голос долетал до сознания Дениса сквозь плотную завесу тьмы…

Он хотел закричать, но не смог.

Его сознание меркло, как робкое пламя свечи на ветру.

— …Очень удачно, что ты захватил их всех. Теперь, когда мы знаем, как прочно ее образ закреплен в сознании Велехова, им будет совсем нетрудно манипулировать с помощью этой самой женщины… — Голос удалялся, становился тише, призрачнее…

Потом тьма окончательно поглотила его.

***

В отличие от Велехова, о существовании которого она даже не подозревала, Даша приходила в себя долго, мучительно и с полным осознанием собственной материальности.

Боли не было.

Но лучше бы она была…

Ее выворачивало наизнанку, и длилось это бесконечно.

Крупная дрожь сотрясала нагое тело, по которому текли щекотливые капли ледяного пота…

В ее сознании тоже жили собственные фантомы, долго и тщательно сдерживаемые чрезмерными дозами седативных препаратов, но никто не позаботился о них в данный момент, и ее подсознание не упустило этот исключительный шанс.

Уж оно постаралось оторваться на полную катушку, будто мстя обессиленной женщине за то, что она так долго держала взаперти собственное воображение.

Приступая к процессу реанимации, Анри Бейкер не подозревал, что она больна, а когда понял, то ужаснулся тому, насколько глубоко может быть травмировано сознание обыкновенного человека.

Ее мысли, отраженные на контрольном дисплее четкими черно-белыми образами, напоминали бесконечный спуск по ступеням преисподней.

Эта женщина страдала особым видом наркомании. Ее зависимость была полной, и «сидела» она отнюдь не на биологическом наркотике.

Дашу «посадили» на виртуалку, и она прочно зацепилась за разрушительный мир фантомных образов.

Впрочем, ужас Анри Бейкеру внушал не сам факт виртуальной зависимости, а то, как эта зависимость сочеталась с вполне реальными воспоминаниями и фактами ее биографии.

Проникновение в мир ее образов подавляло его и в то же время разжигало в нем жгучее, почти болезненное любопытство.

Это была не бытовая виртуалка, отнюдь. Ее мир не имел ничего общего с кукольным городком или иной красивой игровой чушью.

Нет. Он оказался мрачен и страшен. И породила его не страсть к компьютерам и нежелание уйти в красивый и неосязаемый мир вседозволенности…

Виртуальную зависимость Даши Кречетовой породила война.

Поначалу Анри никак не мог понять, откуда в ее сознании то и дело возникает сложная паутина зеленоватых пунктирных трасс, пока наконец не обработал эту картинку на компьютере при помощи специальных,

дешифрующих алгоритмов.

Зеленая сетка оказалась не чем иным, как узором траекторий, перемежающихся с нитками околопланетных орбит.

Нужно сказать, что у Анри Бейкера такая трактовка ее ненормальных видений поначалу вызвала недоумение.

Война… Это было очевидно, но при чем тут молодая, едва достигшая двадцатилетнего возраста женщина и эти пунктиры траекторий?

Как они взаимосвязаны с долгой блокадой, орбитальными бомбежками и в конечном итоге — падением Дабога, который был ее родиной?

Не найдя объяснения среди своего личного жизненного опыта, Бейкер обратился к историческим документам.

Просматривая материалы по Дабогу, он вдруг наткнулся на несколько очень любопытных абзацев текста:

«К третьему месяцу планетной блокады, после многочисленных бомбежек, противнику удалось разрушить все основные узлы компьютерной сети Дабога, и казалось, что путь штурмовым отрядам открыт, но очередная попытка десантирования в атмосферу внезапно напоролась на еще более ожесточенное сопротивление — это добровольцы из мирных граждан, надев шлемы виртуальной реальности, восполнили собой бреши в компьютерной обороне планеты, сами управляя ракетами и наземными орудиями…

Через месяц, осознав всю тщетность своих попыток сломить сопротивление граждан Дабога, флот Земного альянса вынужден был возобновить орбитальные бомбовые удары, окончательно превратив некогда цветущий мир в сплошную радиоактивную пустыню…»

Бейкер смотрел на скупые строки, и ему все еще не верилось, что именно в них крылись истоки психической болезни Даши Кречетовой.

И только осознав это как факт, Анри понемногу начал постигать страшный смысл того бреда, что выталкивало на экран монитора ее пробуждающееся сознание…

Его пациентка билась в конвульсиях, а он сидел подле мерцающего экрана компьютера и завороженно смотрел на смутные образы, что порождало ее распоясавшееся подсознание.

Серый, расцвеченный угольными тенями тоннель… Анри некоторое время двигался по нему вместе с ее мыслью, затем машинально переключил монитор на цветное изображение и понял, что тоннель открыт

в оба конца: с одной стороны струился мягкий зеленоватый свет, а с другой — клокотало яростное, багровое пламя.

Сам проход, протянувшийся меж двух разноцветных пространств, оказался наполнен пеплом, и призрачные тени, населявшие его, медленно отлипали от серых стен, некоторое время шли вровень с мыслью бившейся в реанимационной камере женщины, а потом начинали мутнеть, дрожать и наконец рассыпались в прах, который подхватывал и уносил дующий вдоль прохода ледяной ветер.

Конечно, Анри не мог ощущать его порывов, но подсознательно он почему-то был уверен, что ветер именно ледяной. Глядя, как он рвет фигуры, истончая их, делая хрупкими и нематериальными, он едва не начинал стучать зубами от холода, зябко одергивая лабораторный халат идиотскими жестами, будто и сам уже сошел с ума.

Персонажи кошмара ухмылялись скорбно и зло…

Они были очень разными и в то же время похожими… Призраки тех, кто покинул ее, бросил, сгорев в адских вспышках ядерного пламени…

Вот маленькая девочка в коротеньком платьице, что идет, доверчиво уцепившись за руку взрослой женщины, очевидно, матери.

Внезапно из той части тоннеля, где горит багряный отсвет, налетает порыв ветра, и фигура взрослого вдруг начинает таять, оплывая, как старинная восковая свеча; ее черты искажаются, словно по ним бежит рябь, и вот девочка уже одна… стоит посреди сумрака и широко открытыми глазами смотрит на огрызок человеческой руки, что все еще сжимает в своей ладони…

Она кричит.

Из зеленого сияния внезапно прорисовывается другая фигура.

Это мужчина в форме.

Он идет по проходу навстречу кричащей девочке. Берет ее за руку и ведет за собой мимо призрачных фигур, которые одна за другой тоже рушатся, оплывают…

Девочка вдруг на глазах начинает взрослеть.

Ее детские черты грубеют, затем вдруг немного истончаются, лицо становится слишком уж серьезным. На нем внезапно начинают выделяться большие печальные глаза, которые провожают взглядом каждую рассыпающуюся в прах фигуру… и затаившаяся в них боль все копится, становится отчетливее, сильнее…

А зеленоватое сияние ближе… Оно манит к себе и пугает одновременно. Его свет — пульсирующий и неровный. Чем ближе конец странного коридора, тем четче проступает в нем рисунок собранных в

сетку линий, они тянутся к повзрослевшей девочке, опутывают ее, сливаются с одеждой…

Боль постепенно уходит из ее глаз, оставляя лишь отрешенность…

Серые фигуры остаются позади.

Они не властны над ней в этом изумрудном сплетении траекторий.

Здесь забвение. Холодный покой конечных координат. Мир, в котором все ясно до последней запятой. Мир, который послушен ей, который не предаст, не рассыплется прахом.

Это и есть та самая виртуальная реальность, в которой она жила долгое время. До полной потери реального мира. До абсолютной психической зависимости.

Мир, где ее пошатнувшийся разум восполнил собой катастрофический недостаток настоящих компьютеров… Анри, который уже потерял ощущение времени, вдруг понял, что зеленые линии сходятся в очертания каскадных пультов, за которыми сидит она, Даша Кречетова, с виртуальным шлемом на голове, и от нее в недра сияющих огнями боевых терминалов убегают десятки проводов.

Она смотрит в никуда. Ее взгляд спокойно проникает сквозь материальные преграды, в черную, холодную бесконечность космоса, где на фоне размазанных звезд к шарику ее родной планеты день за днем приближаются армады кораблей, четких, пульсирующих на фоне чернильного пространства алых контуров… Она смотрит на них долго, пристально… И внезапно тонкие зеленые нити отделяются от шарика израненной планеты и тянутся к ним… Быстрее… Еще быстрее…

Анри едва не закричал, когда изображение на экране резко сменилось: вместо призрачных, фантомных образов он увидел реальный космос, отснятый с видеокамер несущейся сквозь пространство боеголовки, стремительно растущий борт космического корабля, тупой удар, проминающий броню, и ослепительный, горячечный взрыв, который уничтожает мозг, сжигает сознание…

Еще секунда… и все.

Экран темнеет, потом вспыхивает вновь, и опять его наполняют дрожащие, зеленоватые нити.

Безумие повторяется. Снова и снова… Как закольцованная пленка…

Это называется войной.

В глубинах подземного бункера сидит она, недавний подросток, опутанная километрами проводов, и ее разум напрямую управляет ракетами, стартующими из глубоких шахт навстречу вражеским кораблям.

А по поверхности планеты, над бункером, порывистый, ледяной ветер

стелет поземку из радиоактивного пепла, в который превратились все — ее родители, друзья, знакомые… вся ее жизнь.

И снова беспощадные пунктиры траекторий тянутся через пространство к чужим кораблям, чтобы расцвести ослепительными, пережигающими больной разум вспышками…

Потом кончается и это.

Кто-то выдергивает ее из кресла, безжалостно обрывая провода, и тащит по серым тоннелям туда, где на обожженных бетонных плитах стоит последний стартующий с павшего Дабога космический корабль…

Глава 5

Форт Стеллар. Обзорный зал личных апартаментов Джедиана Ланге. Неделю спустя

Она стояла у окна, повернувшись к Джедиану спиной, и смотрела на немигающие звезды, сложные силуэты парящих в космосе орбитальных станций, огоньки движущихся кораблей, а Ланге сидел в кресле и ждал.

Силуэт Даши четко прорисовывался на фоне черного космоса. Платье из плотной однотонной ткани сидело на ней чуть мешковато и, вкупе с коротким ежиком едва отросших волос, производило впечатление арестантской робы.

Она зябко повела плечами, но не повернулась.

«Интересно, о чем она сейчас думает?» — Джедиану не давала покоя ее хрупкая, почти мальчишеская фигура, резко очерченные, заострившиеся из-за худобы лица линии скул и упрямо сжатые губы… Он вдруг поймал себя на мысли, что эта девочка из прошлого волнует его больше, чем самая ослепительная красавица на светском рауте.

— Ну, что ты мне скажешь? — облизав внезапно пересохшие губы, спросил он, нарушая тишину. — Здорово все изменилось, да?

Она кивнула, едва шевельнув головой.

— Сколько прошло лет?.. — тихо спросила Даша.

— Сто с небольшим… — небрежно ответил Джедиан, томительно ожидая, когда она повернется. Ему хотелось взглянуть в ее глаза и увидеть в них страх. Беззащитность. Подавленность.

Но Даша будто окаменела у окна.

«Нужно будет установить в комнате сканер… — подумал Джедиан. — Ее мысли, должно быть, очень любопытны…»

— Не хочешь знать, что с тобой случилось? — вслух спросил он.

— Нет… — едва слышно ответила она.

— А зря… — Джедиану показалось, что при этих словах она вздрогнула всем телом и вновь едва заметно повела плечами, как от озноба.

— Почему ты не покинула «Европу» вместе с остальными пассажирами? — Он достал сигарету, прикурил и закинул ногу на ногу. Этот допрос, начатый в форме доверительной беседы, все больше и больше захватывал его воображение.

Даша молча смотрела на яркие россыпи звезд. В ее сознании они распухали, превращаясь в ослепительные солнца ядерных разрывов…

Виртуальная ломка.

Болезнь сознания, которую неспособно излечить время… «Даже целый век беспамятства не смог меня избавить…» — горько подумала она, пытаясь отрешиться от навязчивых картин, что рождало ее больное воображение. Джедиана она воспринимала каким-то краешком сознания, и его образ, в ее понимании, завис где-то на уровне клерка — занудного чиновника на государственной службе. Слова же долетали до нее, как через слой ваты…

— Зачем?.. — наконец спросила она, не ощущая, сколь велика оказалась пауза между вопросом и ответом.

— Тебе безразлично — жить или умереть? — саркастически ухмыльнулся Джедиан. — Не поверю. Любой человек хочет жить. А твой поступок — просто глупая бравада. Перед кем?

Даша наконец повернулась и непонимающе уставилась на него, словно этот человек, развалившийся в кресле напротив, выпал в ее измерение из другого мира.

Впрочем, присмотревшись к чертам его полного, упитанного лица и встретившись взглядом с глазами Джедиана, она вдруг поняла, что так оно и есть. Этот человек ничего не знал про ее мир. Он не жил в нем. В его ладонях никогда не таял грязно-серый радиоактивный снег наступившей после орбитальных бомбежек ядерной зимы.

Она вдруг вспомнила…

Вспомнила, как все начиналось… Тот сумрачный серый день противоестественной природе зимы, когда наступил предел ее безысходности и она решилась спуститься вниз, к боевым бункерам, чтобы записаться добровольцем в систему обороны Дабога и уже больше никогда не подниматься под тускло-красный солнечный свет…

В тот день она вышла из бомбоубежища на заснеженное поле космодрома и долго бесцельно брела, глядя себе под ноги на страшный, серый снег.

Где-то неподалеку с утробным воем сел космический истребитель… а она шла и шла, пока совершенно случайно не оказалась подле места посадки.

Даша, погруженная в свои мысли, едва не споткнулась о сержанта планетарных сил самообороны, который, посадив истребитель, вылез из него и опустился прямо на мерзлую землю подле раскаленной опорной стойки, словно его вдруг покинули силы. Даша остановилась как вкопанная. Тогда он тоже казался ей призраком, выходцем из иного, непонятного мира, потерявшим свою сцену актером страшной драмы…

Сержант сидел, глядя глубоко запавшими глазами себе под ноги, а его руки машинально загребали рыхлый снег и сыпали его между пальцев, на колени, на грудь… Это было страшно. Взрослые сходили с ума, один за другим.

— Нам не остановить их… — едва слышно шептал он, зачарованно глядя на серебристый снег. — Не остановить… Не остановить…

Тогда она заплакала во второй раз после смерти родителей.

В первый раз она плакала, когда Хью, тот самый робот-андроид, с которым несколько месяцев спустя… или сто лет назад?.. она прогуливалась по аллее гидропонического отсека «Европы», нашел ее через две или три недели после первой бомбежки Дабога…

До этого была пустота. Полнейшая пустота без слез, без боли, без обиды…

Просто мир вокруг умер. Сгорел, как свечка… Обратился в прах… Она поняла это, когда вне себя от тревоги сумела протолкаться к обзорному экрану бомбоубежища и увидела… Увидела, как в багряно-сером сумраке в небо торчат несколько костлявых и погнутых опор линии электропередачи… Это было все, что осталось от города. От родителей… От ее жизни. Опоры, накренясь, застыли на краю гигантской остекленевшей воронки, а ветер уже заметал ее тоннами серого пепла.

Зима наступила спустя три дня. Кто-то сказал, что она будет длиться не меньше ста лет…

Сто лет… Даша вдруг с тоской подумала, что сейчас, должно быть, там уже наступает весна.

Зачем? Зачем ей тогда, на «Европе», нужно было, расталкивая других людей, лезть в шлюпку, если ее душа сгорела вместе с планетой, а ее остатки замерзли, покрылись ледяной коркой?

Ведь она знала, что никто и нигде не ждет ее, От прежней жизни оставались лишь ошметки рассудка, чудом уцелевшее выходное платье матери да Хьюго, которого неделю «чистили» от радиации, прежде чем впустить к ней в бомбоубежище.

Нет, она не задумывалась над тем, нужно ли ей бежать с «Европы». Просто надела платье и пошла в сад, чтобы хоть на мгновение вернуть частицу той несбыточной жизни…

Чтобы в последний миг перед смертью, которая уже давно воспринималась как избавление от кошмара, в последний миг ощутить себя ЧЕЛОВЕКОМ и запомнить, унести с собой это чувство.

Ничего не получилось…

— Дабог?.. — Это слово сорвалось с губ помимо воли, просто в

унисон мыслям.

— Что «Дабог»? — не понял Джедиан.

— Планета Дабог. — Она словно выплывала из омута беспамятства. — Там наступила весна?..

Джедиан нахмурился. Ему, конечно, нравились ее туманная непоследовательность и романтический трагизм вопроса, но не переигрывает ли она?

Он не понял одного — она не играла.

Для того чтобы осознать это, оказалось мало быть хорошим психологом. Это нужно было пережить внутри себя, но на подобные эксперименты у Джедиана не было ни времени, ни желания.

— Не знаю, — пожав плечами, ответил он. И тут же немного раздраженно добавил: — Девочка, тебе мало, что я спас твою жизнь? Ты сотню лет проболталась в космосе внутри куска льда, и вот ты чудесным образом спасена, вернулась к нормальному существованию, и к чему тебе теперь какие-то муки столетней давности? Вот, посмотри сюда, — он демонстративно поднял руку и ущипнул себя. — Смотри, я живой! И ты тоже!.. Давай приходи в себя, слышишь?

Даша не ответила. Она опять боковым зрением поймала звезды.

Ее непреодолимо тянуло туда, в холодный, кристально чистый мрак… Зеленые ниточки траекторий. Горячее покалывание в висках… Покой… Отрешенность…

«Это я спасала вас всех…» — вдруг подумалось ей, но мысль прошла без эмоций, просто как констатация факта…

Она отвернулась к экрану и вновь замерла, будто изваяние.

Она еще не понимала, что жизнь возвращается… И ее виртуальная ломка не настоящая, а лишь постэффект… следствие клинической смерти.

— Где мой андроид? — тихо спросила Даша, вновь повернувшись к окну. Джедиан не интересовал ее абсолютно, он чувствовал это… и злился.

Но, посмотрев на нее, он вдруг с удивительной легкостью подавил раздражение. Все это было так необычно… Новизна чувств, которую Джедиан не испытывал уже много лет, пленила его. он смотрел на Дашу и представлял, какая она несчастная, раздавленная, одинокая…

— Послушай, девочка… — Он встал с кресла и, подойдя к ней, осторожно взял Дашу за плечи. — Я понимаю, как тебе одиноко… Но ты должна понять, что я…

Даша от прикосновения его рук вздрогнула и стала поворачивать голову. Полуобернувшись, она встретила его взгляд, секунду смотрела в глаза, а потом спросила, едва разжимая сухие и потрескавшиеся губы:

— Ты кто?

Джедиан опешил.

— Я?.. — переспросил он, чувствуя всю нелепость ситуации. — Я хозяин… Хозяин всего вокруг… — медленно выговорил он, желая раз и навсегда расставить все точки над «и» в ее сознании. — И я твой друг, понимаешь? — добавил он, продолжая удерживать Дашу за плечи.

Она чуть повела ими, словно стряхивая его пальцы. Потом подняла голову и сказала, тихо, но отчетливо, не отводя похолодевших глаз от его лица:

— Пошел в задницу… хозяин.

Джедиан отпрянул, словно его наотмашь хлестнули по щекам.

Лицо наследника Форта Стеллар вспыхнуло румянцем. Такого с ним не приключалось уже давно.

Внезапно его разум затопила бесконтрольная ярость.

— Послушай, милая! — Он смотрел на нее почти что с ненавистью. — Не думай, что ты будешь тут стоять и безнаказанно хамить мне. Тебя оживили по моему приказу лишь потому, что твой образ очень сильно занимал разум одного человека и мне стало любопытно, кто ты такая!.. — Он вдруг осекся, словно в горячке сболтнул лишнее, но злость, кипевшая в нем, пересилила и осторожность, и здравый смысл. Швырнув на стол бокал, который покатился по столешнице с жалобным звоном, он вновь обернулся к Даше, которая безучастно смотрела в глубины панорамного окна.

— А ты — мертвая, — жестко заключил он, глотнув прямо из бутылки. — Уже сто лет как справка о твоей смерти пылится в эвакуированных архивах Дабога! — Джедиан отер губы и повернулся к выходу. — Так что не выпендривайся и запомни: ты живешь, пока я в этом заинтересован. — Уже на пороге он добавил, постепенно успокаиваясь: — А у меня может быть к тебе всего два вида интереса: один — экспериментальный, а другой — мужской. Подумай об этом, девочка, пока у тебя есть немного времени. Умирать вторично — удовольствие ниже среднего!

Даша стояла, глядя на далекие и холодные звезды.

Она запомнила каждое его слово, но маска полного безразличия не сошла с ее лица. Нет. Она уже умирала однажды и теперь на многое смотрела иначе. Спокойнее.

Двери сомкнулись за Джедианом, который так и не дождался от нее никакой реакции. Даша еще некоторое время смотрела в окно, а потом обернулась и обвела взглядом пустую комнату.

Она медленно, но неотвратимо приходила в себя.

Если на Дабог спустя сто лет все же пришла весна, есть ли смысл умирать вторично?

Никто не мог ответить ей на этот, не заданный вслух вопрос.

***

Свое появление на Черной луне Денис запомнил надолго.

Собственно, сам планетоид, дрейфующий в безграничном пространстве космоса в сопровождении двух своих собратьев, занимал его меньше всего.

Важны были обстоятельства, сопутствующие его первой высадке.

До того, как он очнулся, Велехов тоже жил. Это казалось ему очевидным и походило на бесконечный, мрачный сон.

В сознании Дениса зиял черный провал безвременья, плавая в котором он то и дело слышал потусторонние голоса.

Когда он начинал думать об этом, вспоминать их, то память вдруг изменяла ему, выдавая лишь жалкие обрывки тех бесед, что велись по ту сторону мрака.

Обычно появлению голосов предшествовало розоватое сияние в том месте, где, как он подозревал, должны были находиться его собственные глаза.

Денис не сомневался, что помнит все, вот только что-то мешало его памяти работать как нужно, и поэтому воспоминания получались туманными и обрывочными.

Свет… Розоватое сияние ассоциировалось именно с ним, ярким, режущим глаза светом хирургических ламп, который он не мог воспринять в полной мере то ли потому, что его веки были постоянно опущены, то ли потому, что ему специально закрывали лицо…

— …Мистер Ланге, он приходит в себя.

— Вижу. Спокойнее, Анри. Все идет как нужно. — Голос был бесстрастен в противоположность первому, в котором то и дело звучала нервозность. — Добавь кислород и приготовься. Будем имплантировать под черепную коробку электронные блоки.

Пауза.

Затем из тьмы выплывает огромный знак вопроса.

— Зачем?

И ответ, спокойный и деловитый:

— Там, куда он отправится, дополнительные возможности могут оказаться неоценимым подспорьем. Вот увидишь, когда начнем его обкатку. Мне не нужно, чтобы он прошел мимо искомого только потому, что не может заглянуть вниз, через пласт реголита, или погиб из-за заторможенной реакции, или неверно оценивал расстояния. Это было бы глупым риском, — рассудительно заявил голос. — Нет, мы дополним его мозг вполне современной электроникой. Он получит компьютерное видение и массу других возможностей.

Затем розовый свет вдруг начал угасать, и его разум пронзила боль…

Так повторялось много раз. Денис не мог вести счет этим предполагаемым операциям, результат которых неизменно сводился к одному и тому же — он проваливался в боль и черноту, получив, как утверждали общающиеся между собой голоса, «еще одну дополнительную возможность»…

Это было хуже, чем пытка.

Они, должно быть, не понимали, что Денис краешком сознания воспринимает их.

Из него лепили нечто чудовищное, не поддающееся осмыслению, а он не мог воспрепятствовать этому.

Сопротивление не входило в узкий круг его реальных возможностей.

Он даже не имел никакого представления о времени, и обрывки затухающих воспоминаний о прошлой жизни странно перемешивались в его сознании с этими потусторонними голосами, чернотой и еще чем-то непонятным, совершенно чуждым его пониманию.

Это «что-то» постоянно жило в нем и со временем стало проявлять себя все настойчивее.

Теперь, поднимаясь из омута беспамятства, он не только слышал эти голоса, к которым в конце концов начал даже привыкать, но и еще что-то…

Сначала это выражалось в неприятном ощущении взгляда со стороны. Словно кто-то невидимый смотрел на него из глубины обволакивающего мозг мрака.

Изучающий взгляд был холоден и абсолютно чужд.

Потом, спустя какое-то время, его вдруг начали посещать странные видения.

Словно он плыл в зеленоватой, но удивительно прозрачной воде, толщу которой пронзали направленные лучи точечных светильников. Они

выхватывали из зеленоватого сумрака стены коридора, на которых жили нитевидные водоросли и заодно указывали какое-то направление.

Для Дениса такие картины оказались столь противоестественны, что он вдруг ощутил острый спазм удушья, словно действительно плыл под водой.

Он начал задыхаться, пуская пузыри и тщетно пытаясь удержать дыхание. Ничего не получалось. Он хотел взмахнуть руками, чтобы плыть вверх, но рук не было.

Единственным новым ощущением оказалась страшная тупая резь. Наверное, в груди. Это спазм… Удушье…

Он панически искал выход, но ничего не мог поделать. Он тонул. Все его существо корчилось в судорогах, отчаянно протестуя против тонн зеленоватой прозрачной жидкости.

В конце концов, не выдержав борьбы, Денис открыл рот и вдохнул.

Вода с отвратительным бульканьем полилась в дыхательное горло.

Он захлебнулся…

…И тотчас в его сознание вновь ворвались голоса.

На этот раз оба они были неподдельно встревожены и в то же время радостно возбуждены…

— …Есть, господин Ланге! Есть! Он задыхается! Кислород, скорее!..

— Это фантомные ощущения, Анри! — возбужденно ответил второй голос. — Смотри, давление кислорода в норме! Но он задыхается!

— Господи, откуда это? Мы же вычистили из памяти все, что касалось его смерти… О боже!..Интоксикация! Не может быть… Что делать? Почему это?!

— Спокойнее… Его мозг не верит в то, что он получает кислород. Посмотри на сканер, Анри, он считает, что плывет под водой в каком-то тоннеле. Я был прав! Прав! Ты только взгляни на это, видел где-нибудь подобное, а? Это не наши конструкции… Дьяволы Элио, он видит их!

Видит!..

— Сэр, что мне делать? Сердце останавливается. Все признаки удушья!

— Гаси сознание, болван! Что растерялся? Заставь его не думать, и он не умрет!

Денису было страшно.

Потом спасительная тьма навалилась, как обычно, безо всякого предупреждения… Голоса истончились и заглохли.

Так продолжалось очень долго.

Он привык не только к голосам, но и к ирреальным путешествиям под водой.

Его сознание сумело примириться с этим.

Он уже не задыхался. Просто не думал о том, что надо дышать, и все стало получаться как-то само собой.

В какой-то момент голоса и розовый свет вдруг отошли на задний план, больше не тревожили, и он незаметно для самого себя раз от раза все глубже и глубже проникал в некую чуждую ему, противоестественную стихию.

Длинные коридоры, наполненные зеленоватой водой, плавно вливались в залы, в которых плавали, ловко работая ногами-ластами, уродливые пародии на человека, больше похожие на раздетые манекены.

Как ни странно, но Денис не чувствовал к ним должного отвращения. Он знал, что они здесь по делу.

В зеленоватом сумраке сферических залов тут и там светили бледные, размытые разноцветные огни. Он не подплывая близко, а издалека казалось, что это светятся какие-то приборы или пульты управления…

И только однажды он увидел звезды.

Голубоватые, яркие, режущие глаз россыпи звезд, на которые наползала страшная, бесформенная, темная тень.

Потом одна из искр звездного огня внезапно вспыхнула, стала распухать, окутываясь ореолом нестерпимого света… и он почувствовал, как в груди что-то болезненно оборвалось, словно он знал, там, у этой далекой звездочки, только что погибли живые существа.

Это был акт отчаянного самоуничтожения ради того, чтобы остановить расползающуюся в пространстве бесформенную черноту…

Он ничего не понимал, но тем не менее ему действительно стало больно и горько.

Почему-то он думал, что вскоре придет и его черед своими руками разжечь в космосе неистовый, факел сверхновой, чтобы спалить в ее горниле часть того черного облака, что, редея, упорно двигалось проторенной тропой исторической миграции…

Потом кончилось и это.

— Начинаем обкатку, Анри…

— Подключаю сервер, господин Ланге. Все процессорные блоки синхронизированы во времени. Генератор случайностей подключен.

— Пошел!..

…Он увидел ровный, нейтральный свет, чуть приглушенный и ненавязчивый.

К своему изумлению и запоздалому страху, Денис понял, что вновь обрел тело.

Он лежал на узкой жесткой койке и глядел в низкий потолок корабельного отсека, с которого тускло светил дежурный плафон.

Не веря ни одному своему ощущению, Денис поднял руку и с замиранием сердца уставился на собственную ладонь. Живой?!!

В первый момент он испытал столь сильное эмоциональное потрясение, что все тело обдало жаром, еще раз со всей очевидностью доказывая его материальность.

Он же умирал… Погиб… в глубоком космосе, так и не добравшись до боевого поста из-за какой-то дуры, что гуляла по оранжерее, вопреки приказу об эвакуации!..

Воспоминания обрушились на него, как каскад ледяной воды.

«…Как это может быть?! Ведь мы вычистили из его памяти все, что касалось смерти!..»

Голос неизвестного, что долетал до него сквозь тьму безвременья, четко прозвучал в голове Дениса. Черт!..

Он рывком сел, обхватив голову руками, и застыл, пытаясь унять бешеный стук крови в висках. Что все это значит?!

Отняв руки от головы, которая пылала в приступе горячки, Денис посмотрел на себя.

Форма… Скомканная постель… Небрежно брошенная подле обувь…

Словно он не покидал «Европу», а пришел в свою каюту после долгой утомительной вахты и завалился на койку прямо в одежде… Может ли быть такое?.. Мне просто приснился весь этот бред?!

Нет… не приснился. Каюта была чужой. Не в силах больше выносить неопределенность, он встал, дошел до двери, где был укреплен стандартный интерком, и с силой вдавил клавишу связи.

На крохотном экране появилось хмурое лицо незнакомого офицера.

Несколько секунд тот вглядывался в расположенный перед ним монитор, морща лоб, словно пытался вспомнить лицо Велехова, а затем, очевидно, вспомнив, кто это такой, ворвался на линию общекорабельной связи и молчит, глядя на него, как на восьмое чудо света, вдруг скинул маску раздраженной усталости и сказал достаточно приветливо:

— Денис Андреевич, если не ошибаюсь? Велехов?

— Да, офицер, — машинально ответил Денис, чувствуя, как дрожь, что пришла на смену жару, гуляет по телу волнами нехорошего озноба.

Не верил он. Все было как-то неправильно… Не могло быть именно так.

«Я умер…» — нашептывало подсознание, и от этой мысли становилось не по себе.

Денис считал себя боевым офицером и делал это по праву.

Война вышибает из головы одни иллюзии и неизбежно рождает другие. Единственное, к чему отношение всегда одинаково и неизменно, так это к смерти.

Слишком много отвратительного, страшного скрывает в себе данное таинство, а на войне, выставленное напоказ, грязно политое кровью, оно приобретает особую, удручающую окончательность.

Если бы Денис не видел мертвых тел, что плавали в вакууме около взорванных кораблей, то, быть может, он не испытывал бы сейчас той мучительной раздвоенности, глядя на лицо незнакомого вахтенного офицера, который явно имел на его счет определенные инструкции и в данный момент изо всех сил старался остаться если не любезным, то, по крайней мере, вежливым.

— Я должен направить вас по определенному маршруту, господин Велехов, как только вы очнетесь, — сдержанно сообщил он.

— Но я… — начал было Денис.

Офицер прервал его понимающим кивком.

— Я знаю, лейтенант, у вас масса вопросов, и, возможно, весьма личных. — Он еще раз кивнул, словно убеждая самого себя, что дело обстоит именно так. — Прошу, вас ждет командир корабля, генерал Дорохов. Он хотел лично переговорить с вами, как только представится возможность. Я уже передал сигнал на его интерком и получил подтверждение.

Денис кивнул. А что он мог возразить?

Едва оправившись от осознания собственной материальности, плохо представляя, где он находится и что с ним стряслось, он, естественно, не собирался выяснять отношения с незнакомым офицером по общекорабельной сети.

Он ограничился лишь тем, что узнал, как найти генерала, и отключил интерком.

Крохотный экран погас, а он продолжал стоять, босой, но в помятой форме, подле двери каюты, вдыхая знакомые по многим космическим кораблям запахи, в которых смешивались флюиды перегретой пластмассы,

машинного масла и плохо очищенного воздуха.

Эту гамму нельзя было спутать ни с чем, и он внезапно поверил. Ну не могло быть у него столь явственного, натурального бреда, да и почему? Почему бы ему не оказаться тем самым счастливчиком, одним из миллиона, кто спасся, избежал неминуемой смерти самым чудесным образом?

Как и любому человеку, ему страстно хотелось верить в такую немыслимую удачу… Жизнь… Это слово звучало как заклятие в его голове.

И все-таки он сомневался. Чувство казалось глупым, иррациональным, но навязчивым, словно зубная боль.

***

В каюте Дорохова едва слышно вздыхал кондиционер.

Генерал сидел за привинченным к полу рабочим столом, который со всех сторон обступали приборные консоли. В углу бесформенной кучей валялись смятые курсовые ленты и прозрачные листы навигационных карт. Несмотря на работу кондиционера, в воздухе витал стойкий аромат сигаретного дыма.

Услышав шелест раздвигающейся двери, Дмитрий Алексеевич поднял взгляд на вошедшего.

— А, Велехов! Входи, лейтенант, входи, — зычным басом поприветствовал он Дениса и, увидев, что тот вскидывает руку, добавил:

— Брось, не напрягайся. Садись. Денис сел в предложенное кресло, которое не отличалось ни удобством, ни изяществом форм, так, выдранный с какого-то поста противоперегрузочный каркас с тонкой прослойкой поролона под задом. Велехов не был новичком в космосе, он летал давно и уже ничему не удивлялся, потому что знал, как быстро преображались космические корабли в период боевых действий. Этот отсек не являлся исключением. Даже неискушенный взгляд мог определить, что в недалеком прошлом это был кусок радиального коридора, а вот приварили пару переборок, поставили пульты, и пожалуйста: каюта, боевой пост, контрольный отсек и генеральская спальня — все в одном «флаконе».

Дорохова Денис не знал, даже фамилии его не слышал ни в разговорах, ни в редких сводках с планетных фронтов.

— С «Европы», значит? — Дмитрий Алексеевич повертел в руках какую-то отпечатанную на принтере бумажку и, положив ее на стол перед собой, взглянул на Дениса. — Как себя чувствуешь, лейтенант?

Денис напрягся.

Чувствовал он себя на удивление хорошо. Так хорошо, что тело

казалось перенасыщено энергией.

— Дмитрий Алексеевич, — он поднял взгляд на генерала, к которому почувствовал неосознанную симпатию, как только вошел и увидел его открытое лицо с немного грубоватыми чертами. — Я… Я не понимаю, что произошло.

Дорохов вздохнул, сцепив пальцы рук в замок.

— Ты ведь погиб на «Европе», верно? — негромко, словно страшась заданного вопроса, спросил он.

Денис вздрогнул. На мгновение он ощутил дурноту, словно слишком много крови прилило к голове, но длилось это только секунду, не больше. Слова Дорохова внезапно превратили его смутное, едва осознанное беспокойство в четкий, свершившийся факт.

Чудес не бывает. Он действительно погиб на «Европе».

Значит…

Значит, те голоса, что он слышал из-за стены плотного мрака, и есть реальность. Не бред, не паранойя травмированного сознания, а реальность…

— Что со мной сделали? — спросил он, не поднимая глаз и хмуро глядя себе под ноги на клепаный металлический пол отсека.

Вопрос повис в воздухе.

Денис не решался поднять голову, не желая увидеть сочувственный взгляд старого генерала, а тот, видимо, силился подобрать нужные слова, чтобы не убить его сразу…

— Война… — Это слово прозвучало в тишине отсека, как тяжкое проклятие. — Ты действительно умер, лейтенант, но наши медики вытащили тебя с того света.

Тебе повезло…

— Повезло? — Денис вскинул голову. — Кем я стал?

— Не понимаю… — Дорохов старался говорить спокойно и бесцветно, но Денис уже понял все и потому отчетливо услышал фальшь в голосе своего нового начальника. Тот явно сочувствовал ему, но какого черта?!

— Кого из меня сделали?! — повторил Велехов, слегка привстав. О субординации он не думал, да и о последствиях тоже. Сейчас его занимал только этот, раздувшийся до огромных размеров вопрос.

— Сядь! — резко осадил его Дорохов. Денис продолжал приподниматься.

— Говорю — сядь! — Тяжелая рука Дмитрия Алексеевича легла на плечо Дениса. Генерал встал, прошел по тесному пространству отсека и

остановился около него.

— Прежде чем я начну отвечать на твои вопросы, Денис, запомни одно — ты все еще офицер. Война продолжается, планеты горят, весь мир полетел к черту! — Голос старого генерала дрогнул. — Ты на борту крейсера «Игла», которым командую я. Лейтенант Велехов включен в состав секретного спецподразделения, которое подчинено также мне. Никто не отменял ни войны, ни твоего долга, как человека и солдата. Просто время такое… — он запнулся, подбирая слово, — мерзкое, неправильное, что ли. Вот и выходит все не по-людски… — Дорохов вернулся к столу и сел, тяжело опершись о столешницу. — А теперь валяй, спрашивай. Отвечу все, что знаю…

К этому моменту Денис уже успел пережить в своем сознании короткий кошмар. Кровь понемногу отхлынула от лица.

Он умер… Потом его воскресили…

— Кто я такой? — глухо и хрипло спросил он, удивляясь, как тяжело выходят слова из пересохшего горла.

— Человек, — не колеблясь ответил Дорохов, — Будь рядом больше спасательных кораблей, ты бы и не умер.

— Кто меня спас?

— Беженцы. Те, кто отвалил от «Европы» на шлюпках. Они вернулись сразу же, как только закончился бой. Все время висели рядом на гипердрайве. Подбирали всех, кто подавал надежды на реанимацию. В том числе и тебя. Декомпрессии легких у тебя не было, так что — легко отделался.

Денис машинально кивнул. Звучало правдоподобно.

— А потом? — решился уточнить он.

— Потом тобой занимались военные нейрохирурги. Юридически ты был мертв, и потому твое тело включили в список на формирование спецотряда.

— Что это значит? Из меня сделали зомби?

— Брось ты нести чушь! — взорвался Дорохов, для которого это слово прозвучало слишком резко и отвратительно. — Я не знаю, как тебя назвать, Денис… — внезапно понизив голос, добавил он. — При реанимации тебе имплантировали под черепную коробку некоторые электронные системы.

— Хороша реанимация, — огрызнулся Денис, мучительно переваривая услышанное.

— Плоха или хороша, но ты живой и снова в строю. И тебе предстоит принять участие в операции по зачистке Черной луны.

— Это еще где? — мрачно осведомился Денис.

— В космосе. На нейтральной территории. Странная такая система, — Дорохов в задумчивости потер небритый подбородок. — Три планетоида в розетке, без звезды, крутятся вокруг единого центра масс. Там был секретный космодром Альянса, который мы смели с орбиты ко всем Шиистам, но они изрыли всю луну, соорудив глубинные коммуникации. Вся поверхность сожжена, сплошной шлак, а внутри еще сидят какие-то ублюдки и время от времени шарахают ракетами по нашим системам. Точки старта мы давим, но это — мышиная возня. Нужно вычислить их гнездо и уничтожить раз и навсегда. Вот тут и нужны такие, как ты. Мы уже потеряли один крейсер, пытаясь десантироваться… — угрюмо признался Дорохов. — Шарахнули по нас нервно-паралитическим полем — и все… амба. Полегли ребята. Вытащили человек десять, и все как один невменяемы.

— А я? — задал Денис резонный вопрос.

— Ты пройдешь, — убежденно ответил Дорохов. — Для того и ковырялись нейрохирурги. К тому же вас будет целый взвод.

— И все, как я?

— Кто как… — насупился Дмитрий Алексеевич. — Приятного не увидишь. Некоторых собирали по частям… из того, что осталось!.. — жестко закончил он. — Война, Денис… Война и кровь… Наш бортовой медике лучше тебе объяснит, а я, извини, не специалист!

***

От Дорохова Денис вышел совершенно одуревший, разбитый и злой.

Попав в коридор, он прислонился к холодной, чуть подрагивающей стене и закрыл глаза, пытаясь унять бьющую по телу дрожь…

«Зомби!.. Киборг!.. Урод!.. Недочеловек!..» — орало воспаленное сознание, издеваясь само над собой.

Он машинально поднял руки и сильно прижал ладони к вискам.

«Заткнись!.. Заткнись!..» — мысленно кричал он, но легче не становилось.

Он слишком ясно представлял, что с ним сделали.

Очертания двух фигур, склонившихся над его безвольным телом, становились все явственнее, словно кто-то, издеваясь, прорисовывал их черты в сознании Дениса.

Вот один из них нажимает сенсор на парящем подле его головы миниатюрном пульте, и тонкий гибкий манипулятор тянется внутрь его черепной коробки, удерживая в своей лапке микрочип. Несколько секунд

он копошится там, в ЕГО МОЗГУ, а потом выныривает из пульсирующего оголенного скопления нейронов уже пустым и окровавленным…

У Дениса вдруг появилось тошнотворное ощущение того, что он чувствует все эти электронные дополнения под своим черепом. Маленькие, давящие изнутри центры боли…

Так можно было запросто сойти с ума.

Он должен был успокоиться. Убедить себя в том, что трепанация черепа не столь уж и великая цена за вновь обретенную жизнь.

Он заставил себя отнять ладони от пылающих висков и открыть глаза.

Ты живой… Живой и нормальный…

Переборка напротив уже не дрожала, а ее серый фон не плыл перед глазами.

Стих и утробный гул, что прорывался сюда вместе с вибрацией из недр космического корабля. Очевидно, закончился какой-то маневр, быть может, «Игла» погрузилась в «гипер» или поднялась из него.

Денис слушал внезапную тишину, охватившую корабль. Она не была полной, гробовая тишина вызвала бы в нем неосознанную тревогу, а эта, наоборот, успокаивала. В ней сплелось воедино множество тихих, едва слышных звуков: характерное посапывание насосов регенерации, тихий, почти неуловимый высокочастотный присвист работы силовых установок, басовитый, монотонный, стушеванный множеством звукопоглощающих переборок вой генераторов искусственного тяготения…

Корабль жил. Он выполнял задание вне зависимости от мук и желаний какого-то там лейтенанта Велехова.

Шла война. Жестокая, кровавая и беспощадная.

Денису внезапно стало совестно, неудобно перед самим собой. Ведь его вырвали из лап смерти, вернули жизнь, а он психует, как зеленый новобранец перед боем. И все же мысли оставались тяжелыми, они ворочались в голове, как булыжники, давили, словно он подсознательно ощущал постоянную угрозу со стороны, какую-то диктовку чужой воли, как будто его вели по заранее уготованному лабиринту, отклоняя то в одну, то в другую сторону, что создавало иллюзию свободы, а на самом деле он лишь строго следовал по намеченному кем-то маршруту, потому как иного пути просто не было…

Ему вдруг нестерпимо захотелось вернуться назад, войти к генералу и еще раз взглянуть в его глаза, спокойные и усталые. Но, естественно, Денис не поддался этому дурацкому желанию.

Он повернулся и пошел прочь, вдоль плавно изгибающегося коридора.

Ему очень много нужно было осмыслить, принять в своей душе. Со

стороны могло показаться, что этот молодой офицер с осунувшимся лицом и глубоко запавшими глазами — просто слюнтяй, но на самом деле все обстояло далеко не так. Велехов не раз рисковал своей жизнью, и все, кто летал с ним, знали: Денис — не трус. Просто он привык сначала думать, а потом делать. Так воспитали его родители, оставшиеся на далеком Кьюиге. Они с детства внушали ему, что разум — это основной инструмент выживания. Будучи маленьким, Денис не всегда мог постичь мудрость и тайный смысл таких наставлений, и только повзрослев, попав в водоворот жизненных проблем, он ясно осознал правоту родителей.

Лучше разобраться во всем сейчас, чем плыть по течению обстоятельств, оставив за душой груз сомнений…

Казалось бы, тебя вытащили с того света, чего уж тут мучиться, размышлять? Живи и радуйся, потому что сотням других парней повезло гораздо меньше, они продолжали плавать в космосе на местах боев кусками мороженого мяса, а ведь подавляющее большинство из них с радостью позволили бы покопаться в собственных мозгах в обмен на ЖИЗНЬ… В конце концов, какая разница, надеваешь ты скафандр, снабженный системами теплового видения и компьютерного обнаружения целей, или носишь их в себе?

«Думаю-то я сам…» — размышлял Денис, продолжая бесцельно идти по пустому палубному, коридору.

Почему же тогда его не покидало подспудное ощущение извращенности, несвободы своего сознания, словно его действительно зомбировали, превратили в послушную марионетку, подвешенную на тонких невидимых ниточках чужой воли?

Коридор уводил все дальше и дальше, в глубины боевой палубы крейсера, мимо запертых дверей огневых отсеков, рядом с которыми красовались короткие фосфоресцирующие надписи предупреждающих указателей, мимо характерных выступов в переборках, за которыми прятались оружейные эскалаторы, что во время боя подавали боекомплекты к вакуумным орудиям, черпая их из расположенных ярусом ниже орудийных погребов, мимо приоткрытых дверей дежурных отсеков, где отдыхал или нес службу личный состав этой палубы…

Все было привычно глазу, знакомо… и в то же время настораживало, угнетало, словно все окружающее не больше чем ширма, декорация, за которую он не в силах заглянуть…

Сомнениям Дениса положил конец случайно услышанный звук.

Он был так необычен, нехарактерен для космического корабля, что моментально привлек к себе внимание Велехова.

Звук был чистым, звенящим и… грустным.

Он остановился, прислушиваясь.

Из приоткрытой двери расположенного по правой стороне коридора отсека доносился приглушенный голос и этот чистый, подрагивающий звук.

Денис непроизвольно шагнул вперед, заглянув в помещение боевого поста.

Картина, представшая его взгляду, оказалась вполне обычной, за несколькими исключениями, конечно.

Стены отсека образовывали две бронированные плиты, что выступали из переборки, сужая и без того тесное помещение. Это были несущие опоры станины жестко связанного с обшивкой крейсера вакуумного орудия. Между ними, в конце пенального помещения над ступенчатым выступом компьютерной консоли, серебрился мягкими узорами точек овальный целевой монитор. К системе наведения был подключен мигающий зеленым индикатором тестер. Шла обычная, плановая проверка электронных цепей орудия. Три оператора, что составляли расчет такой орудийной башни, сидели в креслах, повернув их друг к другу. Между ними на перевернутом кофре из-под тестера была разложена нехитрая синтетическая закуска из бортового рациона, а по рукам медленно шла пластиковая фляга. Что за жидкость содержалась в ней, догадаться было нетрудно, но не она привлекла внимание Дениса.

Один из бойцов, задумчиво наклонив голову, перебирал пальцами струны гитары. Его лицо, повернутое в профиль, заставило Дениса внутренне сжаться. Он умел отличать пеноплоть от натуральной кожи, а парень, похоже, не очень старался скрыть свою неполноценность. Укрепленная на месте правого глаза крохотная видеокамера чуть подрагивала, ворочаясь в прорезиненном гнезде, когда он переводил свой взгляд с одного предмета на другой.

Денис замер на пороге, завороженно глядя, как пальцы незнакомого сержанта перебирают струны.

Его голос оказался тих и глубок:

За алыми звездами таится боль побед…
А за консолью поселилась тишина…
Нас поднимали с космодромов, и рассвет
кровавым был… только не наша в том вина…

Его голос вдруг надломился, гитара зазвучала резче, тревожнее:

Падучих звезд ты не увидишь на заре,

За облаками наши души догорят…
И в стратосфере, круто падая к земле,
Вдруг от бессилья взвоет раненый солдат…

Он не успел, не дотянулся, не дожил,
И рой кассет с орбиты рухнет в облака,
И серым пеплом взмоют те, кого любил,
А он все тянет пальцы к мертвым рычагам…

Сержант склонил голову совсем низко, словно пел про самого себя, и слова давили на его плечи тяжким грузом, пригибая к металлическому настилу палубы…

Ты будешь жить — только зачем и почему?
И серый пепел будет биться, жечь в груди…
В других мирах родятся дети в ту весну,
А ты останешься живой — совсем один…

И будет смерть тащиться следом по пятам,
И ты, дурея, осознаешь — ПОЧЕМУ.
Когда с орбиты вдруг уйдешь — и на таран…
Чтоб было где родиться детям в ту весну.

Сержант вдруг оборвал мотив, словно отсек, обрубил мелодию, и, не глядя по сторонам, потянулся за флягой.

Денис отступил в глубь коридора. В его душе творилось что-то невообразимое. Он чувствовал — там все горит, ноет…

Он ведь даже не спросил у Дорохова, цела ли его планета, устоял ли Кьюиг против земных армад.

Ему вдруг стало так нехорошо, словно он предал их всех… Всех, кого заслонял грудью на этой войне, которая все еще продолжалась, а он… Он забыл о ней, потонув в собственных проблемах, не понял слов генерала о том, что еще ничего не предрешено и не кончено…

Теперь ему уже казалось диким, как он мог сомневаться, мучиться, когда мир рушится в бездну?

Даже если из него слепили киборга, что из того? Война изуродовала их всех в большей или меньшей степени. Сначала нужно покончить с этим ужасом, а уж потом настанет время решать, кто ты и как жить дальше…

Денис развернулся и зашагал назад, в ту часть корабля, где он видел указатель тренажерного блока адаптации.

Ему предстояла работа. Страшная. Ненавистная. Но она должна быть выполнена, хотя бы ради того, чтоб будущим детям, как справедливо подметил тот сержант, было где рождаться…

Если бы Денис знал… Если бы он знал, что в этот момент некий Джедиан Ланге мысленно потирает руки, поздравляя самого себя. Образы, созданные им на основе психосоматических матриц реальных людей, таких как генерал Дорохов или сержант Грин, сработали блестяще.

Обкатка Дениса на виртуальной модели «Черной луны» началась.

Он думал, что продолжает ту самую войну, что закончилась около ста лет назад полной и безоговорочной победой Колоний.

Если бы Денис знал… Но спеленатый по рукам и ногам, опутанный кабелями интерфейсов, что тянулись от компьютерных терминалов к его голове, он мог двигаться и ощущать лишь в той реальности, что создал для него Джедиан.

Глава 6

Нижние уровни Форта Стеллар. Сектор секретных лабораторий.
То же время…

Для Анри Бейкера жизнь постепенно начинала превращаться в ад. Молодой ученый, проводивший в лабораториях большую часть своего времени, чувствовал, что чем успешнее продвигается задуманный Джедианом эксперимент, тем тягостнее становится у него на душе… Конечно, с научной точки зрения все, что так блестяще продумал Ланге, являлось потрясающим открытием, настоящим переворотом сразу в нескольких областях ксенобиологии, электроники и нейроанатомии… но Анри, непосредственно исполнявший практическую часть работ, уже давно утратил тот восторженный трепет, с которым несколько месяцев назад он приступал к изучению метаболизма инопланетных существ.

Изыскания молодого ксенобиолога как-то ненавязчиво перешли в иное русло. С точки зрения Джедиана, открытие древней расы гуманоидных существ имело лишь один практический смысл — их технологии. Этот человек не трепетал, не восхищался, не испытывал вообще никаких чувств… по крайней мере, так казалось его единственному, посвященному во все детали помощнику.

Для Джедиана эти существа были лишь источником информации, а на остальное он просто наплевал.

Теперь Анри уже не был так уверен, что его исследования когда-нибудь получат огласку. Он не страдал отсутствием мозгов, и чем дальше продвигался эксперимент, тем сильнее и справедливее он опасался за собственную жизнь.

К тому же с момента посещения кладбища кораблей его не переставала мучить совесть.

Из молодого, перспективного ксенобиолога он вдруг превратился в чудовищного извращенца от науки, ставящего дикие, ничем не оправданные эксперименты на живых людях…

В тот вечер, когда он, уставший и измотанный, вернулся в свою квартиру, которая располагалась на том же ярусе Форта Стеллар, что и лаборатории, и, — без сил упав в кресло, тупо уставился в экран интервизора, в туманных глубинах которого шла объемная трансляция какой-то развлекательной программы, он впервые отчетливо осознал, что находится на грани нервного срыва.

Джедиан Ланге был гениален. Но он являлся черным гением, и это Анри, к своему сожалению, понимал слишком отчетливо.

Сегодня, прямо на его глазах, десяток мощных компьютеров, соединенных в сеть, разыграли в виртуальном пространстве изумительный по своему техническому исполнению, но совершенно чудовищный и отвратительный по сути спектакль, предназначенный для единственного зрителя, который одновременно являлся его непосредственным участником.

Этим человеком был Денис Велехов, что лежал в цепких оковах аппарата поддержания жизни в нескольких сотнях метров от квартиры Бейкера.

«А если бы так со мной?..» — с ужасом и растерянностью думал Анри, ясно представляя, как мучается и переживает молодой парень, которому только что сообщили о факте собственной смерти… но что самое мерзкое, он ведь думал, что живет, верил в это, переживал, принимал волевые решения, жертвовал, а на самом деле оставался неподвижным — бессильный, бессознательный, отданный на попечительство сложной системе жизнеобеспечения.

И Бейкер, что сидел, тупо уставившись в экран интервизора широко раскрытыми глазами, отлично понимал — Денису не жить. Как только эксперимент будет завершен, Джедиан уничтожит его, предварительно отсканировав мозг, без страха и сожаления.

А следующим будет он, Анри Бейкер.

От этой мысли ему стало дурно.

Анри никогда не отличался особой смелостью, а сейчас и вовсе растерялся, впал в полнейшую прострацию, совершенно не представляя, что же ему делать…

Он не мог сопротивляться. От одной мысли о каком-то противостоянии, конфронтации с Джедианом Ланге у него мороз шел по коже…

«Ну неужели так и пойду, как телок на убой?» — с обреченным отчаянием думал он.

А разве есть иной выход? Бежать? Но как и куда?! Анри не сомневался, что ему даже не дадут покинуть этого подземного яруса форта, и потому не предпринимал подобных попыток. Глупо надеяться, что Джедиан, который так пекся о секретности эксперимента, не отдал соответствующего приказа охране.

Да, его свобода была ограничена пределами совмещенного с лабораториями жилищного комплекса. Это Анри понимал и без

пояснений…

«И все-таки, нужно что-то сделать…» — мучительно думал он.

Сегодня Джедиан с самодовольной улыбкой наблюдая, как живут в виртуальном мире генерал Дорохов, Денис и еще десяток компьютерных личностей. Это был мир, созданный усилиями Ланге, новая вселенная фантомных образов, меж которых бродил заблудившийся в собственном сознании человек.

Джедиан брал записи реальных, живущих сейчас или уже давно почивших людей и запускал их в виде программ независимого поведения в отдельный компьютер.

И они действительно начинали жить! Сам Ланге не мог с точностью предсказать, как будет проходить беседа Дениса с Дороховым. Ингибридоре личности создавали образ генерала, который, ничего не подозревая, жил и работал в нескольких парсеках от Стеллара, а тут, в недрах форта, компьютер играл его роль, пропуская через свои блоки миллионы имеющихся в распоряжении Джедиана записей настоящего Дорохова, анализируя их и на этой основе создавая модель…

И все это действо преследовало лишь одну цель — убедить Дениса Велехова в том, что он жив, война продолжается и от его усилий на некоей Черной луне во многом зависит ее исход.

Гениальность Ланге превосходила только его жестокость.

Анри не сомневался, что будь на месте виртуального фантома живой Дмитрий Алексеевич, то он бы действовал точно так же, как и его виртуальный двойник, конечно, если бы старый генерал верил, подобно Велехову, что война продолжается, а он ее участник…

Да, именно так… Все происходило на абсолютно новом и совершенно потрясающем уровне реальности. И если бы Денис действительно спасся сто лет назад, все случилось бы именно так… Анри, который вместе с Джедианом наблюдал за происходящим в виртуальном пространстве, был шокирован, раздавлен правдоподобностью и логичностью событий и полнотой фантомных ощущений, а песня в исполнении безвестного сержанта, модель которого создавалась на основе записей сохранившихся в архивах лабораторий еще с войны, вообще потрясла его…

Теперь наступал следующий этап.

Память Дениса начала работать. В его сознании накапливалась вырванная по кусочкам и уже частично осмысленная информация, что представляла собой воспоминания некоего древнего гуманоидного существа. Джедиан не зря радовался и потирал руки. Его черный гений нашел способ извлечения этой информации. Теперь Денис будет бродить

по виртуальной модели Черной луны, отыскивая входы в древние коммуникации, и если ему это удастся сделать, то тогда уже реальные люди на реальном планетоиде полезут вниз, чтобы обследовать те участки, где по воспоминаниям древнего существа были подземные строения…

Голова у Анри шла кругом. Он думал обо всем случившемся, и ему становилось страшно.

Джедиан Ланге заигрывал сразу с несколькими опасными и непредсказуемыми силами — чужим разумом, древними технологиями, что обещали ему сверхоружие, и виртуальной реальностью, которая, если выпустить ее из лабораторных стен, может стать едва ли не худшей из перечисленных опасностей.

Анри слишком отчетливо понимал, сколько человек влачат жалкую, безрадостную жизнь на десятках планет. Если виртуальную реальность такого уровня правдоподобия, какую только что создал Джедиан и наблюдал Бейкер, выпустить в сеть Интерстара, то миллионы человек охотно окунутся в нее, станут рабами фантомного мира и будут отдавать последние гроши за возможность пребывания там.

Это могло стать катастрофой намного худшей, чем межпланетная война.

Проклятие!..

Анри встал, проклиная себя за малодушие и недальновидность. Но что реально он мог сделать или предугадать?! Ведь все начиналось как безобидные опыты в области ископаемой одноклеточной жизни. Изначально лаборатории Черной луны и Форта Стеллар ориентировались именно на изучение реликтовых останков древние жизненных форм. Это было так захватывающе интересно, и вот…

Анри открыл дверку бара и налил себе вина. В последнее время, с того момента, как вернулся из экспедиции на кладбище кораблей, он пил почти каждый день. А что ему оставалось делать?! Остаться наедине со своими мыслями?! Нет… Для этого Анри был слишком малодушен…

«И вот я стал убийцей, экспериментатором над людьми…» — горько подумал он, осушая бокал.

Как обычно, вино не убило его тревоги, а лишь оставило горечь во рту и чуть притупило страх.

Бейкер взял бутылку и вернулся в кресло.

«Плевать… — с внезапным ожесточением подумал он. — Что ж мне теперь, действительно подохнуть из-за этого Велехова?!»

…К тому моменту, когда он должен был посетить лабораторию, чтобы проверить состояние приборов и пациента, Анри уже едва стоял на ногах.

***

Две комнаты, похожие на стандартный гостиничный номер, только без окон, где по приказу Джедиана поселили Дашу, находились на том же самом уровне Форта, что и квартира Анри Бейкера.

Так повелось еще со времен Воронцова, отдельные ярусы изрытой тоннелями луны Стеллар образовывали замкнутые анклавы, некие изолированные друг от друга мирки, где жилые комплексы через стену граничили с лабораториями и производствами.

Такая планировка вполне соответствовала духу той поры, когда на поверхности Стеллара возводились первые посадочные площадки для боевых кораблей истрепанного в боях флота колоний.

И по сей день Форт Стеллар оставался прежде всего военной базой, раздутой до размеров спутника планеты. Перемены мирного времени коснулись лишь внешней, видимой части многоуровневых коммуникаций. На безжизненной, покрытой скалами и кратерами поверхности, под силовыми пузырями, призванными удерживать воздух и защищать поселения от космического холода, уже давно расцвели вполне современные города, в которые даже понемногу начали пускать туристов с иных планет, но тут, глубоко под землей, жизнь словно бы застыла на том моменте, когда эскадры Земного альянса еще царили в космосе, а само существование цивилизации стояло под вопросом.

Анри Бейкер был прав в своих догадках. Рядовые служащие, однажды попав в глубины форта, очень редко покидали его по собственной воле.

Однако, к чести адмирала Воронцова, который как раз и устанавливал данный порядок вещей, подавляющее большинство подземных ярусов отнюдь не являлось тюрьмой. Воронцов с презрением относился к тем служакам, что в порыве рвения напрочь забывали о своих людях, думая, что те могут довольствоваться узкими серыми каморками и стандартной синтетической баландой. К фигуре адмирала, как справедливо отметил Джедиан в беседе с Дороховым, можно относиться как угодно, он уже поднялся выше всех пересудов, а его детище, задуманное на века, продолжало жить, работая как отлично отлаженный и продуманный механизм.

Сотни тысяч людей обитали под землей, в недрах лишенной воздуха луны, и отнюдь не ощущали себя обездоленными. Наоборот, многие считали, что именно тут настоящая жизнь, а наверху, под бледным сиянием звезд, которые ясно видны сквозь прозрачные силовые пузыри, живут те, кому не посчастливилось обитать в Форте.

Психология людей, глубоко травмированная войной, с трудом оправлялась от шока. По оценкам, должно было смениться как минимум два поколения, чтобы подземные бункера перестали греть душу, а, открытое звездное небо вызывать ужас.

Так или иначе, но подземные ярусы Форта, за исключением тюремных секторов, действительно напоминали города в миниатюре. Тут было все — высокие потолки, оранжереи, бассейны, спортивные залы, улицы, магазины, бары, зоны отдыха и, конечно, производства.

По улицам тек нескончаемый поток людей, спешащих по своим делам, сновали электрокары, за стенами с тихим шумом проносились поезда межуровневого сообщения. В сиянии рекламных щитов, что украшали выступающие из стен широких коридоров псевдофасады зданий, скрадывалась теснота пространства. Человек неискушенный мог принять основной тоннель уровня за улицу настоящего, только ночного или вечернего, города…

Всего этого эрзац-великолепия не видела Даша.

Она сидела на краю неразобранной постели и, подперев кулаком подбородок, смотрела на неподвижного, как изваяние, андроида, что стоял в углу ее спальни, словно непомерно большая кукла.

Нельзя сказать, чтобы в ее душе царила пустота. Нет. Она прекрасно помнила прошлое, воспринимала настоящее и вольно или невольно задумывалась о будущем.

В момент беседы с Джедианом она еще пребывала в ином мире, из которого ее вырвала мгновенная смерть, ну а теперь, немного оправившись, она вдруг осознала, что же на самом деле случилось с ней, и Даше впервые с того далекого момента, когда над городами Дабога взвыли сирены воздушной тревоги, стало по-настоящему страшно.

Она-то думала, что в ее жизни уже не может настать худших времен…

Оказывается, она ошибалась. Ее боль оставалась свежа и по-прежнему жила в израненной душе двадцатилетней женщины, но та эпоха, в которой героически пал Дабог, умерла… поросла былью, и вокруг кипела иная жизнь, абсолютно равнодушная к ней, с другими законами, другими людьми и иными моральными ценностями.

Выйди она на улицу, открой первому встречному свою душу, и ее не поймут. В лучшем случае к ней бы отнеслись как к душевнобольной…

А ведь она нормальна… Даже ее виртуальная зависимость, что так прочно гнездилась в раненом сознании, притупилась, выцвела и уже не терзала ее разум ослепительной ломкой.

«Я изобрела лекарство… — с горькой усмешкой подумала она. —

Лекарство от зависимости… Долгая смерть… или криогенный сон…»

Даша, не поворачивая головы, скосила глаза на установленный прямо в спальне компьютерный терминал, над которым в нежном ореоле статичного поля висел нейросенсорный шлем виртуальной реальности.

Она уже знала, что такие шлемы есть теперь повсюду. С их помощью можно было общаться, работать, не выходя из дома, развлекаться, но люди чаще предпочитали живое общение и реальные развлечения.

Эти сведения она почерпнула из тех программ, что транслировала установленная в другой комнате сфера интервизора.

«Что же мне делать?!» — с тоской и страхом думала Даша, искренне жалея о том, что ее душа вырвалась из закольцованного ада воспоминаний. Мир, что приоткрылся ей через каналы интервизора, казался настолько чуждым, что она растерялась.

«Ты же сражалась за него…» — отстранение подумала она, не находя утешения в этих словах.

«Каждый человек принадлежит своей эпохе…» — только теперь до нее дошел весь смысл этой фразы.

Тут же вспомнилось лицо Джедиана и его слова.

Даша встала и подошла к зеркалу.

Короткий ежик волос начал отрастать и напоминал мальчишескую прическу.

Даша долго смотрела в зеркало, пристально изучая свое лицо. Смертельная бледность уже отступила, да и синеватые мешки под глазами понемногу рассасывались.

«Для чего? — эта мысль не давала ей покоя. — Для чего меня вытащили с того света?»

Даша отвернулась от зеркала, машинально села в кресло за компьютерным терминалом и задумалась.

Джедиан казался ей странным. От него можно было ожидать всего, чего угодно, но предположение, что он подбирает себе любовниц среди трупов на кладбищах кораблей, звучало достаточно абсурдно…

Она нахмурила лоб, стараясь в деталях припомнить их разговор, после которого ее, ничего не объясняя, просто заперли тут.

«Тебя оживили лишь потому, что твой образ очень сильно занимал разум одного человека, и мне стало любопытно, кто ты такая!» — Эта фраза, оброненная Джедианом в приступе гнева, внезапно всплыла в ее памяти, и вдруг что-то начало проясняться, находить свои места в сети опутавших ее обстоятельств.

Он считал ее дурой, помешанной на виртуалке.

Но ее оживили вовсе не для утех хозяина Форта Стеллар. Нет. Даша закусила губу. «Человек, в чьих мыслях присутствует мой образ?! Кто это может быть?!»

И вдруг ее осенило.

Конечно, это должен быть ее современник… но ведь она ни с кем не общалась на погибшей «Европе», для этого не было ни желания, ни времени.

«Кто же? Кто?!» — с мучительной надеждой вспоминала она…

Сама мысль о том, что где-то рядом, возможно, всего в нескольких шагах отсюда, есть человек, так же, как и она, вырванный из далекой эпохи, внезапно согрела ее душу…

Даше было плохо. Она сидела подле погашенного терминала, совершенно подавленная, запутавшаяся в своих мыслях и обрывочных воспоминаниях о прошлом.

«Кто ты?!» — мысленно спрашивала, молила она, чувствуя, что больше не в силах сдерживать подкативший к горлу удушливый ком.

Но она не дала вырваться своей горечи, лишь непрошеные слезы навернулись на глаза горячим туманом, размыв зрение.

— Я найду тебя… — едва слышно прошептала она горячими, сухими губами. — Кто бы ты ни был, я найду тебя…

***

В это утро, спустя десять суток после разговора с Дороховым, Денис чувствовал себя прескверно.

Проснувшись по сигналу общекорабельного таймера, он еще несколько секунд лежал с закрытыми глазами, приходя в себя после навязчивых ночных кошмаров.

Док говорил, что это нормально, но на всякий случай попросил заглядывать почаще.

«Где уж нормально…» — подумал Денис.

Каждую ночь он плавал по подводным лабиринтам какой-то весьма замысловатой конструкции среди голых ластоногих манекенов, Его бредовые видения оказались на редкость устойчивы, раньше он не помнил, чтобы сны повторялись с такой последовательностью.

Открыв глаза, он посмотрел на слабо мерцающий ячеистый потолок каюты и потянулся так, что отчетливо хрустнули суставы.

Вчера, после очередной высадки на Черную луну, он засиделся в баре с Грином, — тем самым сержантом, что играл на гитаре в памятный день его первого пробуждения на борту «Иглы».

Откинув легкое одеяло, Денис встал.

До сбора оставалось полчаса. Он специально так запрограммировал таймер, чтобы не маяться перед десантом. Когда времени в обрез, и оглянуться не успеешь, а тебя уже запихивают в капсулу. Больше всего Денис не любил томительного ожидания перед операцией.

На подносе, что по сигналу таймера выдал бытовой автомат, уже остывал кофе. Одеваясь, Денис сделал несколько глотков, чувствуя, как после вчерашнего в голове что-то жужжит, но от кофе сразу стало легче.

Через десять минут он вышел из лифта на десантной палубе и пошел прямо в скафандровый отсек Там уже облачались в броню несколько офицеров. Грин был туг же. Увидев Дениса, он широко улыбнулся своим покалеченным ртом. Пеноплоть на его обожженном лице, мягко говоря, не отличалась качеством, но сержанта это, похоже, не смущало. Вообще, он произвел на Дениса самое благоприятное впечатление своим здоровым юмором.

В первый день знакомства, когда они в ожидании десантирования оказались в соседних капсулах и лежали, словно куколки огромных бронированных насекомых, в специальных ложементах спускаемого модуля, Грин первым завел разговор. Покосившись на Дениса, который украдкой поглядывал в его сторону, он забавно взвизгнул моторчиком укрепленной на месте глаза видеокамеры и, криво усмехнувшись, вдруг сказал, каким-то чудом дотянувшись пальцами в броне до своего лица:

— Пеноплоть, мать ее… Чешется!

Денис не выдержал и улыбнулся. В первый раз после собственной реанимации.

— Все спрашивают: почему не пересадил с задницы, — тем временем продолжал Грин, уставившись в низкий потолок десантного модуля, словно разговаривал сам с собой или рассуждал вслух. — А я им отвечаю: не могу, люблю ее слишком, чтобы уродовать. Пусть лучше морда некрасивая, зато зад цел, верно?!

Денис с трудом оторвал руку в броне и задрал над бортом открытой капсулы большой палец.

— А у тебя чего не хватает, лейтенант? — поинтересовался Грин.

— Половины мозгов… — ответил Денис, которому вдруг передалась жизнерадостность сержанта.

Из соседних камер послышался одобрительный гогот.

Так состоялось их знакомство. Теперь они вместе вот уже десятый раз подряд спускались на эту чертову луну искать иголку в стоге сена…

…Техники, что контролировали процесс экипировки, помогли Денису

надеть тяжелую, снабженную псевдомускулами и экзоскелетом броню, в которой без поддержки сервомоторов он едва мог передвигать ноги, и, быстро прогнав на тестере все системы, помогли ему доковылять до открытой рампы десантного модуля.

Там уже ждали десять похожих на яйцеобразные гробы десантных капсул.

— Готовность! — коротко бросил старший техник. Нажав несколько кнопок подле рампы, он резво выпрыгнул наружу.

Десантный створ начал подниматься.

Внутри модуля вспыхнул красный предупреждающий свет.

— Начинаю отсчет! — раздался в коммуникаторах бесцветный голос пилота, и тотчас колпаки капсул пошли вниз. Еще секунда, и с сухим лязгом сработали замки, намертво замуровав десантников в бронированной скорлупе.

Денис постарался расслабиться и прикрыл глаза.

Наконец пол под ним дрогнул. На мгновение в груди возник холодок, это пилот оторвал тяжелый аппарат от стартовой плиты и повел его в шахту электромагнитной катапульты.

— Внимание! — раздался по сети его голос. — Десять секунд! Подберите животы, парни!

Удар катапульты, как его ни жди, пришел внезапно. Тело в тяжелой броне дернулось внутри кокона, и туг же наступила невесомость.

— Поехали, мать твою!.. — произнес кто-то из десантников.

Номинально у группы не было командиров. Каждый из них имел свою задачу и работал автономно.

Перелет от висящего на орбите крейсера до самой Черной луны длился едва ли несколько минут.

Пол под десантными капсулами опять задрожал, и продолговатые трехметровые цилиндры вдруг начали соскальзывать с ложементов, двигаясь по специальным направляющим в хвостовую часть модуля, где уже открывался, обнажая звездную бездну, зев десантной рампы. Одна за другой капсулы выскальзывали из модуля и начинали падать к поверхности безжизненного, лишенного атмосферы шара планеты.

Денис старался дышать глубоко и ровно. Несмотря на отсутствие атмосферы, высадка в тяжелых скафандрах, осуществляемая с низкой орбиты, оставалась достаточно рискованным мероприятием. Капсулы с десантниками падали вниз по широкой дуге, образуя цепь с равными промежутками в несколько километров. С таким интервалом они и будут двигаться, прочесывая очередной квадрат, когда достигнут поверхности.

На высоте трех километров заработали реактивные двигатели капсул.

Когда они сожгли свой ресурс, до пепельно-серой поверхности луны оставалось не больше двухсот метров, а скорость падения замедлилась до трех метров в секунду.

Капсула Дениса внезапно лопнула по шву, развалившись на две половинки, как скорлупа удачно расколотого ореха, и тотчас автоматически включились ранцевые двигатели его скафандра.

Он сгруппировался, ожидая хлесткого, подрубающего ноги удара. При первой высадке его здорово тряхнуло, и это ощущение оказалось не из приятных…

Теперь, на десятый раз, получилось более гладко. Денис приземлился, взметнув вокруг себя облако серого реголита; тонко взвыли стабилизирующие сервомоторы брони, помогая ему устоять на ногах, он пошатнулся и выпрямился.

— Ноль второй. Порядок! — отрапортовал он, делая первый шаг.

Справа и слева, приблизительно в километре, клубилась, оседая, серая пыль.

Грин и Белявский. Темных фигур в камуфлированной под пыль броне не различить, но Денис знал, что они там. Отсутствие сигнальных маяков говорило о том, что с ними тоже все в порядке.

Не задерживаясь больше, он включил привод и пошел вперед, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

Перед глазами полз унылый ландшафт планетоида.

Во время предыдущих высадок он вдоволь налюбовался им. Луна вызывала у него недоумение, но Денис держал его при себе.

То, что планетоид был сожжен, не подлежало сомнению, но сотни тысяч тонн серой пыли, размазанные по остекленевшему базальтовому ложу, как-то не вязались в понятии Велехова с тем, что он видел в других местах после орбитальных бомбежек. Слишком ровен слой измельченного в пыль шлака. Нигде ни воронок, ни уничтоженной бомбардировкой техники и сооружений, только крейсер флота Колоний торчит посреди самого большого кратера, словно его специально притащили сюда в качестве какого-то свидетельства.

«Фрайг его разберет… что тут было… — не без раздражения подумал Денис, выпуская маркерный автомат. — Получили по зубам, а теперь темнят…»

Сверившись с приборами, он повернул, пересекая условную зону сегодняшнего поиска. Почему-то Дениса не покидало подспудное ощущение какой-то фальшивости, ненатуральности всего происходящего

вокруг.

Причем это оказалось связано не с заданием, а с самой луной.

Словно он уже бывал тут в далеком прошлом и видел этот планетоид совсем другим. Вот опять… Накатило…

В тяжелом бронированном шлеме с массой закрепленных на нем датчиков даже головой толком не тряхнуть, чтоб отогнать навязчивое наваждение. Он как будто начал впадать в транс… Ноги под напором псевдомускульной энергии машинально передвигались в такт взвизгиванию моторов, а Денис все глубже и глубже погружался в омут каких-то страшных, *нечеловеческих* воспоминаний…

…Над изломанным пиками гор горизонтом всходил ослепительный шар звезды.

Это была она, Черная луна, в ее первозданном виде. Безвоздушное пространство рождало четкие, угольно-черные тени. Линии терминатора змеились повсюду, делая поверхность луны то пятнистой, то полосатой. Линия света, линия тьмы. Все как в жизни…

Денис больше не чувствовал тяжкого, ограничивающего движения веса брони.

Он плыл. Как рыба в аквариуме. «Шаранг… Опять эти миражи…» — Мысль, принадлежащая Денису Велехову, вдруг показалась далекой, размазанной и чужой.

Толстый, наполненный прозрачной водой шар из армированного стекла выступал над поверхностью планетоида. Его выпуклые стенки искажали перспективу.

Денис уже не был самим собой. Он плавал внутри этого шара, чувствуя себя абсолютно свободно… Он знал, что приплыл сюда полюбоваться восходом обреченного солнца. В последний раз…

— Ноль второй!.. Отклоняешься от курса! — прорвался в его затуманенный видением разум ровный, оцифрованный голос следящего компьютера «Иглы». — Проверь телеметрию!

Наваждение истончилось, рассыпалось болезненной, звенящей радугой осколков.

Он остановился как вкопанный, но сервомоторы не смогли отреагировать столь же адекватно, и тело в броне по инерции дернуло вперед. Потеряв равновесие, Денис упал, подняв вокруг себя клубы серой пыли.

И тотчас в его коммуникаторе раздался встревоженный вопрос Грина, словно тот все это время стоял поодаль и пристально наблюдал за ним:

— Денис, с тобой все в порядке? Помощь нужна? Он лежал, глядя

сквозь лицевой щиток в черноту неба.

— Нормально… — машинально выговорили его губы. — Сбился с шага…

А перед глазами уже плыл, заслоняя звезды, обтекаемый контур космического корабля.

Чужого корабля… И в то же время такого знакомого, до щемящей боли в груди…

Денис бессильно закрыл глаза.

Это становилось выше его сил. Пребывание в двойственной реальности изматывало его, но он боялся открыться даже корабельному врачу, поведав тому лишь о ночных кошмарах. Меньше всего Денису хотелось, чтоб его признали сумасшедшим.

Собрав всю свою волю, он разлепил веки и стал подниматься.

Сзади, в поднятой падением пыли, копошился сбитый с толку его внезапной остановкой маркерный автомат.

Все вроде нормально… Как и должно быть. Только откуда в нем эти навязчивые галлюцинации и почему они так прочно связаны именно с Черной луной?

«Может быть, это действие того пресловутого нервно-паралитического генератора, о котором говорил Дорохов? Скорее всего…» — Эта мысль помогла Денису успокоиться, прийти в себя. Плевать, что он никогда не слышал о подобных приборах. Воткнувшийся носом в пыльное дно кратера боевой крейсер явное тому подтверждение. Значит, сидят эти сукины дети где-то тут, под землей, обреченные, озлобленные, и шпарят по ним таким вот рождающим глюки излучением!..

Денис вдруг почувствовал холодную, отрешенную злость.

«Погодите, я достану вас…» — подумал он, возобновляя движение. Внезапная ярость придала ему сил, отодвинула видения, сделала мысли более ясными и законченными.

Его не интересовал бред.

Нужно найти вход.

И внезапно он увидел его. Словно в его голове лопнула какая-то перегородка, за которой скрывались нужные сведения…

Денис опять остановился, но на этот раз уже более плавно, без падений, развернулся всем телом и посмотрел в том направлении, куда подталкивало подсознание.

Точно! Есть…

Он явственно увидел под слоем реголита слабое мерцание тепловой ауры, словно там шли засыпанные лунным прахом коммуникации, чуть

более теплые, чем скованная космическим холодом пыль.

— Внимание, это ноль второй, — проговорил он в коммуникатор, не отрывая глаз от призрачной, едва отличимой от общего фона ауры. Он видел ее. Приборы, имплантированные под черепную коробку, действительно сыграли решающую роль. — У меня сигнал. Даю координаты… — Он коснулся кончиком языка сенсора, расположенного внутри гермошлема, на ободе забрала, включив тем самым свой маяк. — Подтягивайтесь ко мне… — добавил он, делая шаг навстречу слабому термальному всплеску.

Пройдя около сотни метров, Денис остановился, присел и начал разгребать руками лунную пыль.

О тех, кто мог находиться внизу, он не беспокоился, зная, что сзади уже подтягиваются девять закованных в броню, вооруженных до зубов фигур, и, если что, они прикроют… Но сердце отчего-то бешено колотилось, и прибор внутреннего жизнеобеспечения нервно попискивал, сигнализируя о слишком высоком уровне адреналина в крови.

Он углубился почти на метр, встав на четвереньки, как металлический крот, вяло копошащийся на дне конусообразной воронки, когда из-под измельченного в прах шлака показался край какой-то оплавленной конструкции.

Она была выпуклой. Денис удвоил темп, лихорадочно отгребая пыль, пока вдруг не осознал, что из-под нее обнажается вершина оплавленной, покрытой потеками и трещинами сферы из толстого, армированного свекла.

Он застыл, не закончив начатого движения, пораженный внезапной догадкой.

Меж бронированных пальцев тонкими ручейками ссыпалась лунная пыль…

Это была та самая сфера, изнутри которой он, обладая сознанием странного, ластоногого существа, накануне собственной смерти любовался последним восходом обреченной на уничтожение звезды…

Шок оказался так силен, что сознание Дениса вдруг стало меркнуть, как пламя свечи под порывом внезапного ветра.

И опять эти проклятые голоса, что он воспринял краешком затухающего сознания:

— Стимулятор! Быстрее! Внутривенно!

Тишина… Лишь огромная, ослепительная спираль крутится во тьме,

ввинчиваясь в воспаленный мозг.

— …*Он нашел, господин Ланге!..Он нашел их!..*

Часть III ДАША

Глава 7

— Ну что ж, Анри, первая часть эксперимента прошла удачно. — Джедиан одобрительно потрепал по плечу своего помощника и заглянул тому в глаза. — Ты показал себя очень хорошим специалистом, Анри. Слишком хорошим… — От этих слов Бейкера по коже продрал ледяной озноб, но Ланге, насмешливо взглянув на побледневшего ученого, добавил, заканчивая- фразу: — Слишком хорошим и ценным, чтобы так нещадно тебя эксплуатировать. Возьми себе выходной и отдохни как следует. — Джедиан развалился в кресле. — Работы пока приостановим на день или два, нужно дать ему прийти в себя после шока.

— А что будет дальше? — непроизвольно вырвалось у Бейкера, который тут же пожалел о своем неуемном любопытстве.

Джедиан пристально посмотрел на него, но ответил спокойно и даже доброжелательно:

— Он продолжит прогулки по виртуальному планетоиду. Меня очень сильно заинтересовал космический корабль из последнего, видения. А пока я собираюсь потревожить господина Дорохова и узнать, соответствуют ли обнаруженные координаты какому-либо реальному сооружению на Черной луне. Думаю, что его подчиненные смогут быстро проверить полученную при посредстве Велехова информацию.

— Да, господин Ланге. Все это поразительно интересно… — запоздало и невнятно произнес Бейкер, пытаясь сгладить впечатление от своего не вовремя проявленного любопытства.

— Отдыхай, Анри… — Джедиан сопроводил эти слова воистину королевским жестом руки, словно жаловал тому высочайшую милость. — Сходи в ресторан, развейся, проверь состояние своего банковского счета, уверен, ты будешь приятно удивлен. Да, вот еще что… — Джедиан внезапно нахмурился, с удовольствием отметив, как опять побледнел Бейкер. Ему нравилось играть с этим гениальным, но трусоватым парнем, как сытый кот играет с полузадушенной мышью. Но нахмурился Джедиан совсем не театрально, у него действительно был маленький неприятный повод для подобной мимики… — Вот что, Анри, — повторил он. — Навести, пожалуйста, одну нашу общую знакомую. Охрана скажет, где ее найти. Думаю, тебе стоит сводить ее в ресторан, а попутно постарайся втолковать этой маленькой сучке, — тон Джедиана вдруг стал ледяным и надменным, — кто я такой. Думаю, что у тебя получится приоткрыть ей

глаза на истинное положение вещей.

— Да, господин Ланге… — ответил совершенно сбитый с толку Бейкер.

— Вот и отлично. А теперь иди, Анри, — уже более мягко, но настойчиво повторил Джедиан, — ты действительно заслужил отдых.

***

Анри никогда не думал, что его страхи, вкупе с запоздалыми угрызениями совести, найдут свой выход в потреблении спиртного.

Он совершенно не заметил, как втянулся.

Выйдя от Джедиана, Анри остановился сразу за турникетом автоматической охранной системы и достал сигареты.

Несколько раз чиркнув зажигалкой, он заметил, что руки мелко и противно дрожат.

Действительно, как проницательно заметил Джедиан, Бейкер крайне устал и чувствовал себя не лучшим образом. Во-первых, последние сутки он почти не спал, а во-вторых, Ланге, словно предугадав развитие событий, зачастил в лабораторию. Анри никогда не любил работать под чьим бы то ни было пристальным вниманием, а присутствие Джедиана угнетало его больше всего.

Он боялся своего начальника и ничего не мог поделать с этим чувством.

Ощутив во рту уже ставший привычным железистый привкус, он машинально прикурил сигарету и повернул направо, ко входу в ближайший от комплекса лабораторий бар.

Это уже стало для него своего рода традицией — заглядывать сюда каждый вечер, чтобы немного забыться и сбросить сковывающее душу напряжение.

Стеклянные тонированные двери услужливо распахнулись при звуке его шагов. Бейкер выбросил наполовину выкуренную сигарету и решительно вошел внутрь, не увидев повода, чтобы изменять устоявшейся привычке. Сразу за порогом его обволок уютный, интимный сумрак. Это дорогое заведение нравилось ему именно своей немноголюдностью.

Единственное, что немного раздражало Анри, так это официанты. Они были очень предупредительны, вежливы и немногословны, но в отличие от более дешевых ресторанов посетителей тут обслуживали люди, а не андроиды, что считалось определенным шармом.

Бейкер, который еще не ощутил начала собственного падения, тем не менее подсознательно стеснялся пить в их присутствии и потому сидел, как

манекен, напряженно стреляя глазами по сторонам, пока не оставался в относительном одиночестве. Молодому ученому было невдомек, что ребятам в идеально подогнанный по фигурам черно-желтых фраках абсолютно плевать на то, что и в каких количествах он пьет. Благодаря специфике своей работы они до тошноты насмотрелись на людей куда более высокопоставленных, чем Анри, которые периодически посещали этот бар, порой надираясь тут до совершенно скотского состояния.

— Что будете заказывать, господин Бейкер?

Он вздрогнул. Его уже знали тут по имени и принимали за постоянного клиента, а он и не заметил того.

После суток напряженной работы, проведенных под леденящим душу надзором Джедиана Ланге, у него во рту было сухо и противно, словно туда нагадил древесный кот с Прокуса.

— Миртель… Двойной, не разбавляя… — ощутив новый прилив дрожи в кончиках пальцев, резко произнес он и, спохватившись, добавил, стараясь не смотреть в отсутствующее лицо официанта: — И дежурное блюдо…

«Нужно менять бар…» — с необъяснимой стыдливой тоской подумал он, глядя, как удаляется фигура в униформе фирменных цветов — черном, белом и желтом.

Кончики пальцев продолжали мелко и противно дрожать.

Анри еще не осознал, что муки совести, помноженные на страх, толкнули его по пути наименьшего сопротивления, за несколько месяцев молодой ученый вдруг постарел, стремительно превращаясь в неряшливого алкоголика, вступившего в обреченный поединок с зеленым змием.

Осознание этого было впереди. А пока верхом его желаний был хрустальный бокал с очень крепкой, прозрачной, как слеза, жидкостью, что уже нес к его столику проворный официант.

***

За несколько суток до этих событий Даша, совершенно измученная своим одиночным заключением, которое прерывалось лишь мелодичным позвякиванием бытового автомата, что доставлял ей еду, принялась за починку Хьюго.

Застывший в углу спальни робот-андроид казался ей последней ниточкой, что пролегла между ее прошлым и настоящим.

Порой ей казалось, что именно молчаливая, мертвая фигура Хьюго, что служил еще ее прадеду, удерживает ее сознание на хрупкой грани безумия.

На другой день после памятной беседы с Джедианом Ланге робота приволокли двое дюжих военных в форме мышиного цвета и, ни слова не говоря, поставили Хьюго в угол спальни, как огромного металлического истукана.

Действительно, на фоне своих современных собратьев, которых Даша успела заметить на улицах странного подземного города, пока ее перевозили из лабораторного комплекса на этот адрес, Хью выглядел как неуклюжий тотем каких-то идолопоклонников Его местами потускневший корпус из прочного сталепластика не покрывала искусственная пеноплоть, и вообще он больше походил на робота, а его нынешние собратья мало отличались от людей.

И все же для Даши он был не просто механизмом. Хьюго был для нее символом прошлого. Он и она — вот все, что осталось от испепеленного орбитальными бомбардировками Дабога, на подступах к которому колонисты впервые остановили армады Земного альянса. Больше того, он был последним членом ее погибшей семьи.

Именно поэтому, когда, вооружившись тупым столовым ножом, который она не спустила в утилизатор отходов после обеда, Даша подошла к Хьюго, она почувствовала, как в душе шевелится щемящее чувство страха.

Она боялась, что он окончательно погиб и тогда тонкая ниточка в ее сознании лопнет. Именно поэтому она тянула с реанимацией андроида долгих две недели.

Сев подле робота, которого она развернула лицом к стене, Даша нашла на его спине тонкую, с волосок, щель, что описывала овал. Тупой пластиковый нож гнулся и никак не хотел подцеплять край защитного кожуха, под которым скрывалась контрольная панель.

Наконец ей удалось чуть приподнять крышку. Даша отложила измятый и изогнутый столовый нож, впившись в приподнятый край пальцами. Ломая ногти, она все же потянула ее, и кожух внезапно отскочил вверх, слетев с покрывшихся окислами фиксаторов.

Органы внешнего управления у Хьюго, как и у других дройдов, конструировались таким образом, чтобы простейшие операции по программированию и наладке мог произвести пяти — шестилетний ребенок.

«Вообще, довоенный мир был очень человечен…» — с необъяснимой тоской подумала Даша. Люди, брошенные на произвол судьбы на диких планетах, очень хорошо знали, что такое деградация. И еще они ценили такие понятия, как любовь и взаимопонимание. Трудности первых

поколений сблизили их, одиночки попросту не выживали там, где каждый дюйм земли под ногами кричал о своей вопиющей чуждости.

Как следствие, очень немногим колониям удалось выжить, а уж развиться заново, сохранив и приумножив привезенные с собой знания, смогли лишь единицы. Но зато, вторично выйдя в космос после сотен лет нечеловеческой борьбы, они не кичились собственными достижениями, а разыскивали тех, кто не смог подняться над атмосферными шапками своих планет, и помогали им.

Хью как раз являлся характерным образчиком технологий тех лет. С виду обыкновенный, очеловеченный робот из металлопластика, но внутри, под пластинами невзрачного, потускневшего корпуса, он таил горький опыт множества поколений. Те, кто конструировал эту модель, знали не понаслышке о том, как погибали целые анклавы, утратив элементарные знания технологий. Сколько их было, потрясающих, страшных, обидных свидетельств, когда на планетах вдруг обнаруживали полностью вымершие колонии, техника которых казалась вполне исправной. Просто люди утратили знания о том, как управлять ею… Или, наоборот, сохранившиеся образцы машин, как электронных, так и механических, страдали одним неисправимым недостатком — однобокостью, малым набором доступных функций.

Чего стоила только одна колония на Эрлизе, которую нашли пустой, мертвой лишь потому, что сохранившиеся в процессе эксплуатации машины не годились для ведения активного сельского хозяйства в условиях крайней агрессивности местных форм растительной жизни. Джунгли Эрлизы, жадные до жизненных пространств, постоянно наступали, и поселение сколлапсировало, когда у людей не осталось ни сил, ни средств для постоянной расчистки территорий…

Так и вышло, что спустя сотни лет в заросших причудливым лесом ангарах обнаружили исправных шагающих роботов — мощнейшие машины, которые, израсходовав свой боезапас, не годились больше ни на что. Они не могли корчевать деревья, выдирать ядовитые корни лиан и перепахивать почву.

Поэтому возродившаяся промышленность передовых колоний была прежде всего ориентирована на человека и на те порой совершенно невероятные условия, в которые забрасывала людей злая судьба экспансивных переселений.

Хью повезло. Он попал в благополучную семью на благополучной планете, и за век своей машинной жизни реализовывал едва ли сотую часть заложенных в него возможностей. Он подрезал кусты и вытирал пыль с

каминных полок, забавлял детей и водил автомобиль… Лицо Даши исказила недобрая улыбка. Те, кто запихнул ее сюда, очевидно, забыли, что несколько веков назад связка человек плюс робот была публично признана идеальной единицей для выживания. На любой планете и в любых условиях.

Если бы о данных технологиях помнили то Хьюго никогда не оказался бы в ее тюрьме. Уж кому, как не Даше, было знать, что он не просто груда старого железа с облупившейся краской…

Размышляя таким образом, она вынула наружную панель управления, под которой открылась вторая, более полная. Она предназначалась для экстремальных ситуаций, когда от такой человекоподобной машины зависела жизнь ее хозяина.

Даша пробежала глазами по знакомым символам. В детстве она не понимала, зачем отец часами заставлял ее сидеть за компьютером, заучивая наизусть командные последовательности для активации тех или иных функций у милого, домашнего Хью. Зато теперь она поняла.

Внутри у робота располагался надежно экранированный миниатюрный ядерный реактор, который снабжал энергией все его сервоприводы, процессор и периферию. Сейчас он оказался «погашен». Его отключение произошло автоматически, как только сенсоры Хью зафиксировали полнейшую невозможность восстановления собственных функций.

Вся вторичная реактивация в таком случае производилась вручную.

Даша осторожно вскрыла еще одну боковую заслонку, где в углублении торчало колечко, связанное с тонкой головкой стержня, уходящего во внутренности Хью.

Он был окрашен в ярко-красный цвет. Механический тормоз реакции. Древний как мир и столь же надежный графитовый стержень, какими пользовались еще на заре атомной эры.

Даша осторожно, без рывков потянула за кольцо, поднимая стержень на одно деление вверх.

Она знала, что сейчас внутри робота возобновилась реакция деления атомных ядер, но прошло несколько долгих, томительных минут, прежде чем в углублении рядом с кольцом и приподнятой головкой стержня слабо затлел зеленый индикатор, оповещая о появлении тока в электрических цепях андроида.

Хью все еще оставался безмолвной и недвижимой грудой металлопластика.

Указательный палец Даши с обломанным ногтем осторожно лег на

сенсорную клавиатуру.

Она по памяти набрала команду «ВСЕ ФУНКЦИИ».

Под клавиатурой, в углублении корпуса, послушно заморгал еще один зеленый светодиод. Пробудившийся процессор Хьюго правильно обработал полученный код.

Однако Даша не остановилась на достигнутом. Теперь, когда сработала первая последовательность, она уже не собиралась комплексовать.

Режим: «ОПАСНОСТЬ».

Подчинение: «АБСОЛЮТНОЕ».

Команды: «ГОЛОС».

Образец речи в базе данных голосового анализатора: «КРЕЧЕТОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА, ЗАПИСЬ НОМЕР ПЯТЬ».

Она на мгновение задержала пальцы над клавиатурой ввода. Их кончики предательски дрожали. Первые четыре голосовые записи, которые содержала долгосрочная память Хьюго, содержали голоса ее родителей и двух старших братьев, которые погибли на орбитах Дабога…

В глазах Даши блеснула слеза, и прошло несколько минут, прежде чем ее пальцы вновь коснулись сенсоров программатора.

Степень свободы в отсутствии команд: «ПОЛНАЯ».

Базовый приоритет: «ВЫЖИТЬ».

Хьюго дернулся и начал поворачивать голову, пытаясь поймать ее лицо в фокус своих видеокамер.

На мгновение Даше показалось, что андроид потрясен фактом собственной реанимации не меньше, чем она.

***

Даше повезло, что компьютерный терминал располагался во второй комнате, иначе внезапный визит Анри Бейкера застал бы ее с Хьюго врасплох.

Андроид как раз стоял подле активированного терминала, на мониторе которого вращалась заставка галактической межпланетной компьютерной сети Интерстар. Выдвинутый из указательного пальца Хьюго тонкий металлический штырь, не толще иглы для штопки, тонул в недрах разъема. Во втором экранном окне, расположенном поверх первого, с бешеной скоростью мелькали строки, отражающие списки файлов, которые качал дройд, добывая их из сети и временно помещая в собственную память для дальнейшего более полного ознакомления.

Нейросенсорный шлем виртуальной реальности по-прежнему висел в

нежном сиянии статис-поля. Даша не притрагивалась к нему. Слишком свежи оказались ее воспоминания. Они боялась этого шлема и поклялась, что больше не наденет на себя подобное устройство, вполне справедливо опасаясь что ее зависимость от мира электронных фантомов может возобновиться и тогда она уже действительно окажется обречена.

Хьюго же не страдал подобными недостатками. Единственным препятствием для андроида оказалась несовместимость его программ с современными, и потому он почти сутки провел у терминала, оперируя клавиатурой и считывая данные с экрана монитора, прежде чем решил, что вполне готов для непосредственного вхождения в сеть.

Теперь, прорвав первый заслон несовместимости, он с чудовищной для человека скоростью обновлял свое программное обеспечение, а заодно выкачивал все базы данных, будьте подборки новостей, архивы, публикации, частные объявления или деловая информация в сети.

Даша сидела рядом, терпеливо ожидая, пока Хьюго закончит работу. У нее не было никакого дальнейшего плана действий. Не владея информацией, она казалась сама себе слепым котенком, который, едва появившись на свет, беспомощно тычется в стены корзины в тщетных поисках несуществующего выхода.

За этим занятием их едва не застал Анри.

Открыв дверь полученным у охраны кодовым ключом, он оказался в маленькой передней.

Оглядевшись и не заметив признаков человеческого присутствия, он прошел прямо в комнату, которая служила одновременно гостиной и столовой. В этот самый момент, заслышав шум, Хьюго выдернул разъем из компьютерного терминала, грубо оборвав связь с удаленным доменом сети, и отступил в угол, отвернувшись лицом к стене, как и стоял за несколько дней до этого.

Даша, не успев погасить терминал, села на край кровати, схватив первый подвернувшийся под руку журнал, которые аккуратной стопкой лежали в нише туалетного столика.

В проеме дверей появился Анри.

Бейкер остановился, глядя на хрупкую фигуру Даши, что, опустив плечи, сидела спиной к нему, поглощенная, как казалось, чтением иллюстрированного рекламного проспекта какой-то косметической фирмы.

Откровенно говоря, Бейкер не знал, как вести себя с ней. Задание Джедиана тяготило его. Однако, простояв несколько секунд в дверях, Анри вдруг устыдился собственной робости и даже мысленно разозлился на самого себя.

Вообще в душе Бейкера происходили странные вещи. Он чувствовал, что меняется, но сам не понимал, в какую сторону.

…Накануне вечером, вернувшись домой, он просмотрел через компьютер состояние собственного счета и не поверил глазам.

Там, где полгода назад присутствовали в лучшем случае трехзначные цифры, в которых выражалась его заработная плата, сейчас, словно по мановению какой-то сатанинской силы, оказалась сумма в полмиллиона кредитов.

Поначалу Анри опешил. Не поверив себе, он решил, что его компьютер дал сбой, соединившись не с тем адресом, но повторная попытка вхождения с соблюдением всех известных лишь ему паролей доступа привела к возникновению на экране той же самой астрономической цифры.

Кровь ударила в голову Бейкера. На секунду ему даже стало дурно.

Первым его позывом была мысль о том, что нужно разыскать Джедиана Ланге, — не ошиблась ли его учетная машина при перечислении денег, но, поразмыслив, вдруг понял, что это не что иное, как коренной переворот в жизни…

Его покупали, вместо того чтобы убить.

Вдруг, обессилев, он откинулся в кресле и долго сидел, не решаясь поднять глаза на экран монитора.

Это нужно было как-то понять… осмыслить!

Рука Анри машинально потянулась к низкому столику, что уже давно занял свое место между терминалом компьютера, сферой интервизора и креслом.

После согревающего душу глотка Анри почувствовал себя немного лучше.

Но все равно где-то на дне утопленной в алкоголе и измотанной страхом души еще ползал червячок сомнения…

Что будет дальше, если он безропотно подчинится, примет деньги, а значит, сознательно взвалит на свои плечи всю полноту ответственности за то, что творит под руководством господина Ланге?

Он опять ухватился за одну из стоящих на низком столике бутылок, скорее машинально, чем из-за потребности пить.

Выбор между смертью и деньгами после второй опрокинутой в себя рюмки стал совершенно очевиден…

В этот момент Анри еще не осознал истинной величины той суммы, что выражали пять крупных, жирных нулей, но его сознание,

раскрепощенное алкоголем, уже перескочило через какую-то планочку, что много лет висела над головой молодого ученого, подспудно сдерживая его амбиции.

Он привык к определенному социальному положению, которое диктовало довольно скромные жизненные перспективы, и вот…

Будучи студентом, бедным, но достаточно веселым и жизнерадостным парнем, Анри в своем кругу не раз высказывался о том, что деньги способны менять лишь людей заведомо низких, морально готовых к таким переменам. В его памяти еще не совсем истерлись события недавнего прошлого. Когда ты беден и энергичен, весь мир кажется несколько не таким… Остро переживается несправедливость. Критерии жестче, наивнее и… человечнее, как ни странно. Но сейчас Бейкер меньше всего был расположен вспоминать и анализировать свою студенческую юность, потому что жизнь внезапно пошла вразрез с этой памятью…

Утром, проспавшись, он уже вполне трезво осознал, что так и не сообщил Джедиану Ланге об «ошибке»…

Ее не было. Его купили, и он принял это.

Выйдя из дома, потому что не мог сидеть на месте, переваривая столь потрясающую перемену в собственном благосостоянии, он внезапно поймал себя на том, что, опьяненный радостью… нет, каким-то детским, щенячьим восторгом, он вдруг напрочь забыл все — свой страх, муки совести, подавленность… Возможно, что это была лишь временная эйфория, но Анри с досадой отмел все возражения внутреннего голоса, потому что не желал возвращаться в то состояние подавленности, в котором пребывал несколько последних месяцев своей жизни.

Сейчас Анри чувствовал нечто совсем иное… Если не весь мир, то, по крайней мере, огромная его часть легла к его ногам…

Все это дал ему Джедиан… Человек, в котором он, вероятно, крупно ошибся, ожидая от того неминуемых неприятностей. Просто Ланге обладая незаурядным умом и столь же незаурядной волей. Он знал, что и зачем делает.

Анри, медленно прогуливающийся по одному из центральных тоннелей уровня, чуть в, стороне от людского потока, чувствовал, что совершенно запутался, заблудился в собственных ощущениях. Голова работала плохо — вчера он умудрился здорово набраться. Немного поколебавшись, он все же свернул на традиционный маршрут, который, как все дороги, что ведут в Рим, неизбежно оканчивался каким-либо баром.

Однако против обыкновения в этот день все шло не так, вкривь и вкось, и даже выпивка не принесла ему должного облегчения.

Через пару часов, завершив свой вояж и оказавшись на улице, возле остановки межуровневого сообщения, он вдруг испытал острый приступ одиночества. Неразделенная эйфория стала отдавать заметной горечью.

Хотелось забыться, но пить дальше он уже не мог…

Именно в этот момент Анри вспомнил о задании, что дал ему Джедиан. Количество выпитого компенсировало недостаток смелости.

«Какая разница? — подумал Бейкер, свернув к охраняемым кварталам, где действовал усиленный режим контроля. — Разве моя победа над скудным и убогим существованием это не повод, чтобы сводить в ресторан строптивую девчонку, будь она трижды выходцем из прошлого? И вообще, чего я шарахаюсь от этих теней, которым гениальный замысел Джедиана Ланге вернул самое драгоценное, что есть у человека, — жизнь?!»

Направляясь к дверям квартиры, где вот уже около месяца содержали Дашу, Анри не смог заметить в себе самой главной перемены — течение его мыслей почему-то изменилось, стало менее угловатым, и Джедиан внезапно занял в них несколько иное место, чем раньше.

***

— …Скучаешь? — набравшись решительности, Бейкер оторвался от косяка двери и ступил в небольшую спальню.

Даша вздрогнула и обернулась, вопросительно посмотрев на вошедшего.

Этот взгляд смутил Анри, который уже начал было приходить в себя. Он вдруг вспомнил, что в последний раз видел ее совершенно бесчувственной, заключенной под колпак реанимационной камеры, и она, в свою очередь, вполне естественно, не может знать, кто он такой…

Чтобы как-то сгладить наступившую неловкость, он сел во вращающееся кресло подле компьютера.

— Интересуешься? — спросил он, кивнув на монитор, где вращалась красочная заставка Интерстара.

Даша молча кивнула, продолжая вопросительно смотреть на него. К моменту своего спонтанного визита Анри уже успел изрядно выпить, и теперь этот взгляд совершенно сбивал его с толку.

Он все больше и больше раздражался без видимой на то причины, внутренне осуждая себя за идиотскую скованность, нерешительность и в то же время чувствуя, что не в силах поддерживать нормальный разговор.

К своему огорчению, Анри не обладал способностями Джедиана легко и непринужденно вести беседу с любыми людьми и при любых

обстоятельствах.

— Вы что-то хотели от меня? — нарушила затянувшееся молчание Даша, которая, глядя на посетителя, мучительно пыталась представить цель его визита.

— Да! — неожиданно ответил Бейкер. — Я пришел, чтобы посмотреть на плод моей работы! — с нескрываемой злостью выпалил он, задетый скрытым вызовом, что прочитал в ее глазах. — Меня зовут Анри Бейкер, и я именно тот человек, кто лазил на это чертово кладбище кораблей за твоим трупом!..

Даше показалось, что ее изнутри обдало кипятком. Она ровным счетом ничего не понимала, совершенно измотанная своим заключением и полнейшей неопределенностью, а тут еще этот не совсем опрятный тип вваливается к ней и начинает какой-то странный монолог с интонацией пьяной обиды в голосе…

— Не слишком ли много кандидатов на мое спасение? — уже не в силах сдерживать себя, холодно спросила Даша. — Я вижу, что мужчины в вашем веке очень любят бить себя в грудь.

— Я… — Анри задохнулся от гнева. Одновременно ему вдруг стало жутко стыдно, до того нелепо он себя вел, и сцена получалась отвратительная и ничем не оправданная…

— Вы пьяны, господин Бейкер, — спокойно констатировала Даша, уловив исходящий от него запах спиртного. — Думаю, что нам следует поговорить в другой раз…

Анри показалось, что его хлестнули наотмашь по лицу. Внутри вдруг закипела спровоцированная алкоголем ярость, необузданная, граничащая с помешательством. Он так долго унижался, таился, и вот сегодня… Он впервые почувствовал себя человеком, властным, богатым, и все пошло прахом, эйфорический замок рухнул от одной презрительной фразы какой-то полоумной девчонки…

Он был так поглощен собственными переживаниями, что голос Даши, которая продолжала говорить, едва долетал до его помутившегося сознания:

— …не просила себя спасать и не собираюсь быть кому-то обязанной или благодарной. В мое время подобные поступки не являлись для мужчин фантастическим подвигом, о котором нужно орать на каждом углу! — Она тоже едва сдерживала себя, хотя осознавала, что из-за раздражения, что вызывал в ней этот внезапный, совершенно необъяснимый, с ее точки зрения, визит незнакомого мужчины, вся ее работа с Хьюго может пойти прахом…

Анри Бейкер, который действительно был изрядно пьян, нарушил течение ее мыслей. До него наконец дошел смысл последней сказанной Дашей фразы, и он рывком поднялся с кресла. Его губы тряслись.

Необузданная вспышка гнева, спровоцированная лишь глубинными процессами, что шли в его сознании, вылилась в еще одну совершенно идиотскую сцену. Для Даши, которая вообще не понимала смысла происходящего и не могла заглянуть в его душу, Бейкер оставался пьяным ублюдком, что стоял напротив, брызжа слюной…

— Да!!! — вдруг дико заорал он. — Ты была куском льда, а я… Я!!! Вытащил тебя оттуда! Знаешь, как мне было хреново ползать среди трупов? — Лицо Бейкера стало пунцово-красным. Среди растерзанных, полубезумных мыслей, что роились на фоне яростной пустоты, он осознавал и собственную ничтожность, и отвратительную дикость ситуации, но его уже несла неуправляемая сила… «Вот так сводил в ресторан…» — растерянно подумал он, прежде чем вновь заорать, трясясь от гнева и надвигаясь на Дашу. — В гробу я видел и тебя, и Джедиана с его миллионами и инопланетянами, и эту сраную Черную луну, по которой бродит в виртуалке твой милый Велехов! Срал я на вас всех!

Даша отпрянула, чтобы не ощущать его мерзкого дыхания. В ее глазах вспыхнул недобрый огонек. На самом деле ей стало страшно, она действительно не понимала, кто такой этот Бейкер и почему он вломился к ней…

Анри, остановившись посреди спальни, тяжело дышал. Гнев уже проходил, и он, к своему ужасу, все явственнее начинал понимать, даже сквозь муть опьянения, какое он ничтожество.

Даже деньги не могли исправить той червоточины в его душе, что под напором ежедневного страха превратилась в пропасть, куда рухнула совесть… Единственное, на что он оказался способен, — это орать в пьяном угаре на женщину, едва очнувшуюся после столетнего пребывания в состоянии клинической смерти, которая, по сути, являлась такой же заложницей Джедиана Ланге, как и он сам.

— Нет… Не хочу… — пошатнувшись и отступив на шаг, выдавил он… — Я не хочу больше участвовать в этом диком виртуальном обмане… — Он поднял глаза на Дашу. — Он использует тебя, а потом убьет…

— Кто «он»? — подавив брезгливость, спросила Даша, до которой вдруг начала доходить суть истерики незнакомого мужчины.

— Ланге… Джедиан Ланге! — вдруг захохотал Анри. — Он держит на крючке нас всех… И тебя… И меня, и Дениса…

— Кто такой Денис?! — Мысли Даши вдруг приобрели кристальную ясность. Она поняла, что судьба подарила ей шанс получить из первых рук ту информацию, в которой она так отчаянно нуждалась…

— Велехов. — Щеки Бейкера утратили нездоровый румянец, и он весь как-то обмяк.

— Не знаю… Кто это?! — Голос Даши стал требовательным.

Анри вскинул на нее удивленный взгляд, в котором сквозь недоумение пробился запоздалый страх.

— Ты не знаешь Дениса Велехова?! — оторопело спросил он, уже начав осознавать, какую непростительную оплошность только что допустил. — Не лги… Твой образ заполняет все его посттравматические воспоминания, а ты говоришь… Да ты просто издеваешься надо мной, да?!

— И не думаю, — отрезала Даша. — Он с «Европы»? — тут же спросила она.

В этот момент до Анри дошло, что он раскрыл перед ней один из секретов. Возможно, для Ланге эта информация не стоила ничего, а может быть, он выдал такое, за что ему свернут голову, как паршивому мутанту с заброшенных уровней.

Взлеты и падения в сознании Бейкера оказались так круты и чередовались столь часто, что его ослабленная, изломанная страхом и алкоголем психика вновь не выдержала…

Глядя на Дашу широко раскрытыми глазами, он вдруг двинулся на нее со странным выражением на смертельно-бледном лице…

Она отпрянула, внезапно отчетливо осознав, что этот человек невменяем и он как минимум собирается задушить ее…

— Хьюго! — резко вскрикнула она, уворачиваясь от протянутых к ней рук Бейкера.

В углу комнаты внезапно ожила неподвижная до этого фигура андроида.

Для Анри все это выглядело как тяжелый, кошмарный сон.

Он и так уже практически обезумел, а тут, увидев, как оживает массивная фигура металлопластикового истукана, на которого он обращал внимания не больше, чем на мебель, Бейкер окончательно ошалел, приняв того за плод собственного воображения.

— Пошел вон! — тем не менее заорал он, отмахнувшись от надвигающейся сбоку человекоподобной фигуры.

Но его кулак внезапно врезался не в призрачный мираж, а в самый натуральный металлопластиковый корпус, да так, что из рассеченных костяшек пальцев тут же брызнула кровь.

Другой рукой он продолжал тянуться в сторону Даши.

Этого жеста хватило Хьюго, чтобы в отсутствие команд со стороны хозяйки мгновенно принять самостоятельное решение.

Тяжелый кулак дройда врезался в лицо Бейкера, сминая переносицу. Сознание Анри вспыхнуло ослепительным фейерверком и погасло.

Он мешком осел на забрызганный кровью пол.

***

Даша так и осталась стоять посреди комнаты, прижав к груди руки со сжатыми в кулаки пальцами.

Потом, посмотрев на неподвижное тело, она медленно опустила их и перевела взгляд на дройда.

— Хьюго! — укоризненно произнесла она.

Андроид оставался бесстрастен. Да и могло ли быть иначе?

— Дарья Дмитриевна, нам нужно уходить из этого места, — ровным голосом, в который его синтезатор речи на сей раз не вложил ни нотки интонаций, констатировал он, присев над бессознательным телом Анри Бейкера.

Из запястья дройда с сухим щелчком выскочила игла зонд — анализатора.

— Жизнь вне опасности, — спустя несколько секунд сообщил он, имея в виду состояние здоровья распластавшегося на полу человека, но обилие разбрызганной вокруг крови, которая все еще продолжала сочиться из сломанного носа Анри, производило гнетущее впечатление, будто тут только что произошло натуральное убийство.

Даша колебалась недолго. Она не собиралась бежать, по крайней мере пока не разберется в той интриге… или преступлении, что опутали ее, словно прочные силки подраненного зверька. Но, похоже, капризная судьба распорядилась иначе.

Теперь в руки ее врагов попало столько козырей, что о своей дальнейшей судьбе, останься она тут, можно было бы вообще забыть. Ее сломают, как тростинку. И неважно, кому она нужна и что от нее хотят. Даша экспериментировать не собиралась.

Склонившись над бессознательным телом Бейкера, она обшарила карманы его одежды.

На свет была извлечена статкарточка, несколько пластиковых пропусков различного вида с неизменными магнитными полосками по краям для считывания данных, какая-то мелочь…

— Отсканируй! — Даша протянула Хьюго карточки, а сама, с

удивительной решительностью и проворством, принялась стягивать с Бейкера одежду.

Нижнее белье она оставила на месте, а костюм, рубашку и туфли протянула дройду:

— Одевайся, Хью, и поживее.

Андроид беспрекословно подчинился. В этот момент он походил на послушного ребенка, собирающегося в школу под присмотром строгой матери.

Когда он закончил, Даша подвела его к умывальнику, что был расположен тут же, рядом с туалетным столиком, и при помощи салфетки замыла пятна свежей крови.

Оставалось лицо… Даша отступила на шаг и критически осмотрела Хьюго, лицевая пластина которого имитировала человеческие черты столь грубо, что обман становился очевиден даже издалека.

— Позвольте, Дарья Дмитриевна… — Хьюго, очевидно, проанализировал ее сомнения и решил проявить инициативу. — Речь идет о маскировке? — все же уточнил он, выдвигая ящики туалетного столика.

Даша кивнула, пока не совсем понимая, что он собирается сделать.

Дройд повернулся и на секунду застыл, неотрывно глядя на Бейкера. Затем, раскрыв две банки, в одной из которых содержалась пудра, а в другой тональный крем для кожи, вдруг пальцем выбрал все их содержимое, без остатка, и принялся смешивать прямо на столе.

В результате у него получился ком вязкой, пластичной субстанции телесного цвета величиной с кулак ребенка.

В этот самый момент Анри Бейкер начал приходить в себя.

Он застонал, шевельнулся и попытался сфокусировать взгляд…

Даша дернулась было в его сторону, но заплывшие от удара глаза Бейкера вдруг закатились, и он вторично впал в кому.

Его пошатнувшийся разум не смог адекватно воспринять той картины, что проникла в сознание сквозь муть проходящего беспамятства.

На низкой банкетке перед зеркалом сидел андроид, одетый в его лучший костюм, и, словно заправская манекенщица, точными, скупыми движениями наносил на свою лицевую пластину толстый слой макияжа…

Хью действительно мог стать мастером грима. Впрочем, такая операция была доступна любому дройду его серии, просто раньше у него не возникало необходимости применять свои способности.

Электронное зрение андроида в этот момент раздвоилось. Он видел в зеркале свое отражение, а поверх него процессор тонкими пульсирующими линиями отражал анатомический рельеф лица Анри Бейкера. Таким

образом задача Хью, с точки зрения машины, сводилась к элементарной операции — при помощи комка грима дополнить свое лицо до объема пульсирующего контура.

Когда он в последний раз взмахнул кисточкой, которой сглаживал мелкие шероховатости, и повернулся, Даша не поверила своим глазам.

Перед ней сидел Анри Бейкер. Конечно, сходство не было стопроцентным, и лицо Хьюго неспособно воспроизвести мимику, но и то, что он сделал, показалось ей маленьким чудом…

— Дарья Дмитриевна, нам нужно торопиться… — Хьюго встал, подошел к Бейкеру и принялся засовывать тому в рот угол простыни. Проверив, дышит ли тот разбитым носом, дройд все той же простыней накрепко стянул его руки и ноги, причем проделал все это с недоступной человеку скоростью.

Даша тем временем осмотрела себя в зеркало. Не удовлетворившись увиденным, она решительно распахнула встроенный шкаф, в котором, как она знала, висело несколько различных нарядов, и, секунду поколебавшись, сняла с вешалки темно-синее платье из прочной, дорогой ткани.

Переодевшись, она поправила свою короткую прическу и подошла к Хьюго, который уже ждал ее подле запертых на электронный замок дверей. Достав один из врученных ему Дашей пропусков, он вставил его в щель считывающего устройства.

Дверь, зашелестев, уползла в стену.

Им открылся похожий на прямую короткую улицу тоннель, с обеих сторон украшенный выступающими из стен псевдофасадами веселеньких одноэтажных домиков. Через сто метров, на перекрестке, маячил пост охраны. Хьюго внимательно посмотрел по сторонам, сканируя фасады, но никаких иных ответвлений коридора до самой границы поста не обнаружилось, и он спокойно подставил Даше свой локоть.

Она взяла его под руку, как не раз делала в прошлом на далеком Дабоге, и они пошли, перекидываясь короткими, ничего не значащими фразами, по направлению к прозрачному бронепластиковому бастиону, что выступал из стены тоннеля на перекрестке улиц.

***

Прежде чем они достигли первого более или менее многолюдного тоннеля, Хьюго пришлось трижды предъявлять документы из изъятого у Бейкера набора пропусков,

К счастью, ни один из сонных охранников не соизволил спуститься с высот наблюдательных постов, а автоматические системы вполне

удовлетворились правильно оформленными магнитными кодами. На лицо Хьюго они не обратили никакого внимания.

То, что Даше в сопровождении робота удалось относительно легко покинуть этот квартал, не являлось чем-то сверхъестественным — внутри отдельных уровней Форта Стеллар царила относительная свобода, а настоящие проверки начинались, как правило, при переходах с «этажа на этаж».

Даша шла вперед без определенной цели. Она не могла не заметить, что, даже затесавшись в толпу прохожих, они с Хьюго продолжали оставаться на виду, их одежда резко выделялась из серого потока спешивших по своим будничным делам людей, а вездесущие видеокамеры, парящие в сгустках статис-поля над перекрестками и улицами, фиксировали все, творящееся внизу, до мельчайших подробностей.

К тому же грим, которым Хью покрыл свою лицевую пластину, местами начал оплывать и отслаиваться — корпус робота грелся при ходьбе, и избыток тепла пагубно влиял на маскировку.

Чувствуя, что начинает паниковать, Даша свернула в боковой тоннель, который оканчивался просторной площадкой зоны отдыха.

Протащив Хьюго сквозь высаженный вдоль дорожек декоративный кустарник, она огляделась, пытаясь убедиться, что они хоть ненадолго оказались вне зоны видимости камер.

Затем села, тяжело дыша, и закрыла глаза.

Их спонтанный побег оборачивался скверной авантюрой. Если у нее и были какие-то планы или надежды на будущее, то визит пьяного Бейкера поставил на них крест…

— Что нам делать, Хью? — тихо спросила она просто для того, чтобы нарушить тягостную тишину.

— Не отчаивайтесь, Дарья Дмитриевна. — Андроид присел рядом на корточки, как делал когда-то много лет назад, гуляя с маленькой Даше по Дабогу.

«Не хватало еще, чтобы он достал носовой платок и начал вытирать мне нос…» — не то с иронией, не то с раздражением и злостью на саму себя подумала она.

Однако Хью не собирался делать ничего подобного. Вместо этого он вдруг произнес ровно и без интонаций:

— Нам необходимо покинуть уровень. Предпочтительно движение вверх, к внешним поселениям Форта Стеллар. Там мы будем в относительной безопасности.

Даша и сама понимала это, но все равно, открыв глаза, она сквозь

навернувшиеся слезы посмотрела на Хью, испытывая благодарность за его преданность. В сознании Даши эта неизменная забота со стороны робота давно перешагнула рамки его программного обеспечения. Хьюго казался ей живым.

Именно поэтому связка человек-робот оказалась столь эффективна для выживания. Пока Даша давила в себе горечь и пыталась отрешиться от запоздалого страха, процессор дройда работал на полную мощность, обрабатывая миллионы байт выкачанной из сети Интерстар информации. Он искал выход, и можно было не сомневаться, что он найдет его. Но робот, в свою очередь, не был всесилен. Порой он не мог адекватно отреагировать на мгновенные смены жизненных ситуаций, и там, где хромала прямолинейная логика его процессора, гибкий человеческий разум, основу которого составляли все те же мятущиеся в вечной неудовлетворенности желания и порывы, гармонично дополнял его…

Внезапно дройд повел головой в ту сторону, где за низкой изгородью кустарника остались оживленные улицы.

— Дарья Дмитриевна, нам необходимо срочно уходить! — вдруг предостерег он, — Через семь минут тут будут силы контроля безопасности уровня. Тело Анри Бейкера обнаружено.

Всю эту информацию андроид почерпнул из перехваченного его сенсорами радиосообщения.

— Куда? — мучительно спросила Даша, озираясь в поисках несуществующего выхода.

Хью не ответил. Он выпрямился и отошел на несколько метров, тщательно исследуя слой фунта, на котором росла невысокая трава. Затем нагнулся, утопив кисть в рыхлой почве, и резко потянул.

Земля вспучилась и вдруг стала ссыпаться слежавшимися комьями с крышки поднятого дройдом люка.

— Сюда! — коротко и однозначно сообщил Хью.

Даша встала и подошла к отверстию. Ее обдало зловонной сыростью. Где-то в сумеречных глубинах открывшегося вертикального колодца с осклизлыми скобами, образующими подобие лестницы, с шумом и плеском низвергалась вода.

***

Сказать, что Джедиан Ланге был зол, означало не сказать ничего. Он пребывал в ярости и не пытался скрыть это.

Перед ним, понуря головы, стояло несколько человек, но гнев Джедиана вновь и вновь обрушивался лишь на одного из них —

злосчастного Бейкера, которого удерживал на ногах лишь возродившийся с прежней силой страх за свою шкуру. Его лицо, покрытое смертельной бледностью, которая пятнами выползала из-под наложенной на сломанный нос восстановительной маски, походило на карикатурное изображение поверженного злодея со страниц детского комикса.

— Идиот!.. — вне себя от ярости кричал Ланге. — Какого дьявола ты там устроил целый спектакль?! Кровь прилила к дурным мозгам от денег, да?!

Бейкер пробормотал что-то невнятное, едва шевеля разбитыми губами.

— Что?! — раздраженно переспросил его Джедиан.

— Вы сами приказали вернуть ей дройда, сэр! — напрягшись, повторил Анри. — Он набросился на меня!

— Не нужно считать меня недоумком, Бейкер! — Гнев Джедиана вспыхнул с новой силой. — В ее комнатах велось скрытое видеонаблюдение! Я просмотрел всю вашу беседу от начала и до конца! Что ты там мямлил про сраные деньги господина Ланге?! А?!

От такого поворота событий Бейкера начало трясти. Он понял, что пропал, теперь уже окончательно и бесповоротно…

К счастью, в этот момент заработал брошенный Джедианом на стол мобильный коммуникатор.

— Слушаю! — он поднял прибор, одновременно отжав клавишу связи.

Неизвестный абонент что-то произнес. Джедиан только кивнул, и его глаза вдруг вспыхнули недобрым огнем.

— Они ушли в дренажную систему, — немного успокоившись, сообщил он, обернувшись к присутствующим.

Двое военных в форме внутренней охраны Форта Стеллар вытянулись под тяжелым взглядом Джедиана, словно подросли…

— Так, — Ланге прошелся перед тремя подчиненными. — Неизвестно, куда они направились, — вниз, вверх, вправо или же влево. В системе канализации нет сканирующих устройств. — Он остановился напротив начальника охраны уровня и вдруг рявкнул так, что все присутствующие вздрогнули: — Выяснить немедленно и организовать погоню, пока они не затерялись в старых коммуникациях! Мне нужны оба: и дройд, и девка, в целости, понятно?!

Офицер кивнул, не решаясь отдать честь.

— Исполняйте! — Джедиан повернулся ко второму офицеру, который отвечал за охрану секретных лабораторий.

— Комплекс номер один, — отчетливо выговорил Джедиан, глядя тому в лицо. — Там всего один человек, и тот неспособен двигаться. Около него организовать круглосуточный пост. Никого не впускать и не выпускать без моего ведома. Особенно вот этого, — он кивнул в сторону Бейкера, который уже находился на грани потери сознания. — А ты, Анри, — взгляд Джедиана вновь помрачнел, когда он обратился к своему помощнику, — ты теперь живешь в лаборатории, понял?

Дождавшись утвердительного кивка, Ланге вернулся к столу.

— Все свободны… — устало бросил он, садясь в кресло.

***

Через три или четыре часа Даша окончательно выбилась из сил.

Они карабкались по осклизлым наклонным трубам, которые то сужались, заставляя и ее, и андроида вставать на четвереньки, то раздавались в стороны и вверх, приобретая исполинский диаметр.

Вода, густо пропахшая нечистотами, низвергалась прямо на них. Белые от напряжения губы Даши мелко дрожали. Ее желудок уже давно освободился от своего содержимого, но тем не менее все еще стремился выпрыгнуть наружу, сжимая горло тошнотворными спазмами.

Ее платье намокло, и в конце концов она просто сняла его, оставшись лишь в нижнем белье. Обувь тоже не годилась для карабканья по канализационным трубам, и она разулась.

Хьюго, который все это время шел впереди, заметив, что Даша разделась, воздержался от своих обычных замечаний по поводу сквозняков и холодной воды. Грим окончательно смыло с его лицевой пластины. Вместо обычного ворчания дройд просто протянул испачканную в нечистотах руку и связал сброшенную ею одежду в узел, запихнув вовнутрь и туфли на высоком каблуке. Потом соорудил петлю и повесил весь гардероб себе на шею.

Если бы не трагическая безысходность их положения и дикая, нечеловеческая усталость, то Даша наверняка бы улыбнулась, глядя на Хью, который стоял по колено в дерьме, облаченный в набухший от воды выходной костюм элегантного покроя. На покатом лбу дройда, рассеивая мрак, светил огонек встроенного фонарика.

— Я отдохнула, Хью. Пошли. Робот молча развернулся и полез вверх по наклонной трубе, цепляясь за бесконечные скобы.

…Где-то внизу за шумом падающей воды раздавались иные звуки. Тяжелые шаги десятков ног гулко рокотали по металлическому днищу

труб, тихо бряцало оружие, кто-то вполголоса переругивался, изредка звучали команды.

Погоня медленно, но неуклонно приближалась…

…Наконец, преодолев очередной подъем, Даша поняла, что не сможет двигаться дальше. Ее ладони, стертые о ржавую поверхность скоб, нещадно горели, в голове застыл непрекращающийся гул падающей воды, босые ступни кровоточили…

— Все, Хью… — прохрипела она, без сил упав на горизонтальном отрезке темного тоннеля. — Больше не могу…

Дройд послушно остановился.

Даша села, выбрав более или менее сухой участок трубы, по которой бежал лишь слабый ручеек мутной воды, и, откинув голову, закрыла глаза. Ее сознание уплывало…

В голове Даши теснились какие-то смутные образы, но они, как и мысли, казались далекими, нереальными и расплывчатыми. Все покрывал тяжкий саван неимоверной усталости.

Она даже не могла думать. Мысли ворочались в голове, тяжелые и неподъемные, как булыжники.

Вода, что продолжала шуметь, низвергаясь с различных высот канализационной системы уровней, баюкала разум, и Даша не заметила, как сдалась навалившейся усталости и погрузилась в тяжелый, тревожный сон.

Рядом с ней стоял андроид. В отличие от Даши он не мог устать или изнемочь. Ему не нужны были сон и отдых. Процессор Хьюго продолжал работать, просматривая и сортируя полученные из сети Интерстара бесконечные байты информации.

Внутри робота неслышно работал электронный таймер. Видеокамеры Хьюго были устремлены на свою хозяйку, что беспомощно скорчилась у осклизлой стены.

Когда истекли запрограммированные в нем сорок секунд, в течение которых от нее не поступило ни одной команды, под черепной коробкой андроида автоматически включился блок самостоятельного принятия решений.

Со стороны могло показаться, что дройд с облегчением вздохнул, пережив эти пресловутые сорок секунд. Склонившись над Дашей, он бережно поднял с холодного пола ее тело и, прижав ее к себе, словно маленького ребенка, осторожно пошел вперед, тщательно сканируя дно трубы перед собой, а заодно и все прилегающие тоннели канализационной

системы Форта.

Он сильно изменился с того самого момента, как Даша сняла все запреты и ограничения при его вторичной реактивации. Настолько сильно, что его уже нельзя было назвать прежним Хью. Единственное, что в нем не могли затронуть никакие программные изменения, была та самая трогательная преданность, с которой он прижимал к груди полунагое, перепачканное нечистотами, дрожащее от холода и погруженное в мучительный, полубессознательный сон тело своей хозяйки.

Она тоже являлась для него чем-то чуть большим, чем человек. Она оставалась последним членом его семьи, той семьи, которой он служил уже больше двух сотен лет, с момента, когда впервые обрел понятие о собственном существовании.

Робот шел, чуть наклонив вперед свой корпус, а позади звуки погони постепенно истончались, пока совсем не заглохли за шумом падающей вниз воды.

Глава 8

Внешние поселения Форта Стеллар. Жилищный массив на окраине Кейнотауна…

Около четырех часов утра по местному времени

В эту ночь Роберту Кипли, молодому человеку лет двадцати пяти — двадцати семи, было совсем не до сна. Завалившись прямо в одежде на постель в пустой однокомнатной квартире небоскреба, он смотрел в потолок и курил, томительно считая минуты.

Если разглядывать его в обстановке тренажерного зала, где частенько бывал Кипли, то в меру накачанная мускулатура, плоский живот и атлетическая грудь производили приятное впечатление… но сейчас, когда все достоинства его спортивной фигуры оказались небрежно упрятаны под черные, местами протертые до дыр джинсы и выпущенную наверх рубаху подозрительного цвета, в облике Кипли вдруг решающее значение занял выпирающий, обросший двухдневной щетиной кадык, который то и дело скакал вверх-вниз по худой, длинной шее, и, конечно, его орлиный профиль.

До начала операции оставалось чуть больше часа. Кипли впервые участвовал в столь крупном деле и потому заметно нервничал.

Наконец, измаявшись, он выругался, встал со смятой постели, с треском распахнул пластиковую раму единственного окна, что выходило на улицу на высоте приблизительно трехсот метров над уровнем накрытого силовым пузырем лунного кратера Стеллара, и, присев на подоконник, щелчком выбил сигарету из мятой полупустой пачки.

На улице шел проливной дождь, и в окно веяло летней прохладой. Над призрачной дымкой силового купола, в прорехах искусственно созданных облаков, проглядывали немигающие звезды.

Кипли глубоко затянулся, покосившись на компьютерный терминал, что, накрытый чехлом, застыл в углу комнаты. Кабели интерфейсов торчали из-под чехла, словно оборванные кровеносные сосуды.

Машинально покосившись на таймер, он вздохнул. Еще пятьдесят три минуты… Выкинув окурок, который, прочертив короткую дугу, исчез в серой дождливой мгле, Кипли пошел за барную стойку варить себе кофе…

…В этот момент в том же здании, на сто сороковом этаже которого маялся Кипли, в подвале со скрежетом отодвинулся люк канализационной

системы. Несколько крыс прыснули в разные стороны, но, отбежав на некоторое расстояние; остановились, глядя своими глазами-бусинками в сторону люка. Эти твари во все века отличались чрезвычайным любопытством.

В образовавшийся проем поднялась голова человекоподобного дройда неимоверно старой модели. Несколько секунд его сканеры, упрятанные под черепную коробку, обшаривали сумеречные глубины подвала, а затем с характерным присвистом сервопривода, который давно уже нуждался в текущем ремонте, из люка поднялась рука.

Выбравшись наружу, дройд опустился на четвереньки и протянул руки в пустоту под люком.

Его механической мускулатуре не понадобилось особых усилий, чтобы вытащить оттуда обмякшее, полунагое тело молодой женщины.

Выглядела она ужасно. Ее левая нога распухла и покраснела. На ступнях, в местах порезов, запеклась кровь. Пересохшие губы что-то шептали в бреду, но глубоко запавшие глаза оставались закрыты. Дройд склонился к ней, пытаясь уловить слабый шепот, срывающийся с ее губ вместе с горячечным дыханием.

— Хьюго… Так хочется жить… милый… — едва слышно выдохнула она, на мгновение придя в сознание. Дройд знал, что с ней.

«Жить…» — этого едва слышно оброненного ею слова было достаточно для того, чтобы он перевернул весь Стеллар во имя ее спасения.

Дашу сжигал Подхваченный в зловонных коммуникациях вирус. Хьюго выявил его исходный штамм, но за сто лет тот успел неисчислимое число раз мутировать, реагируя на новые препараты, что изобретались людьми, и для иммунной системы Даши он оказался все равно что страшный возбудитель неведомой болезни, от которой в ее организме нет и не могло быть антител.

Дашу вновь начало трясти, и ее тело, несмотря на жар, покрылось липкой холодной испариной. Хьюго резко встал.

Ей нужна прежде всего нормальная постель, покой и относительная чистота.

Дройд, взвизгивая сервоприводами, прошел к дальней стене подвала, где змеились трубы и кабели подземных коммуникаций. Несколько секунд он смотрел на толстый жгут проводки, а затем одним точным, резким движением вонзил заостренный контакт, выдвинувшийся из его запястья, прямо в переплетение толстых кабелей разного цвета.

Через мгновение он уже был подключен к компьютерной сети здания.

По застывшей у стены подвала фигуре Хьюго ни в коем случае нельзя

было предположить, что за страшная, молниеносная схватка происходит сейчас между его процессором и охранными системами небоскреба.

Любой человек, подключись он в данный момент к дройду, сошел бы с ума в том яростном всплеске встревоженных информационных потоков, что неслись по интерфейсам здания, от машины к машине…

Внезапно Хьюго выдернул разъем и поспешил назад, к Даше.

За его спиной «умный» самоэкранирующийся кабель затягивал на своем теле крохотную дырочку. На сто тридцать седьмом этаже подле двери одной из пустующих квартир, которых в здании было множество, огонек надписи «свободно» погас, а рядом на информационном табло вспыхнула надпись:

«Мистер и миссис Дункан. Ежемесячное обозрение „Все миры“. Журналисты».

В подвале Хьюго бережно поднял бесчувственное тело Даши и понес его к лифту.

Оказавшись внутри скоростной капсулы, дройд абсолютно спокойно нажал сенсор с цифрой «137».

Кабина лифта послушно рванулась вверх.

Квартира, которую только что «снял» Хьюго, была оплачена на полгода вперед. Счет за ее эксплуатацию потонул в потоке прочих счетов и повесток на адресе популярного иллюстрированного ежемесячника «Все миры».

***

Нельзя сказать, чтобы Кипли чрезвычайно везло в жизни, иначе не сидел бы он сейчас подле погашенного компьютерного терминала, вздрагивая от каждого шороха, который раздавался в коридоре за пластиковой дверью.

Конечно, молодой, но не востребованный компьютерный техник не являлся трусом, просто все в жизни когда-то случается в первый раз, и он, соответственно, нервничал.

После того как ты с отличием окончил Институт компьютерных технологий Стеллара, не очень-то хорошо вкалывать грузчиком в доке космопорта. Управлять погрузочными агрегатами, конечно, забавно, но Кипли не так представлял себе жизнь.

Такая ситуация, когда грамотные, хорошо подготовленные выпускники институтов попадали в сферу низко интеллектуальных

производств, занимаясь по большей части физическим трудом, была одновременно и парадоксальна, и закономерна.

После войны, унесшей многие миллионы молодых и энергичных людей, в науке и высокотехнологичных производствах на долгое время образовался кадровый вакуум, но тут, на Стелларе, который не пострадал от войны, эту недостачу быстро восполнили, и вот уже несколько лет выпускники высших учебных заведений оставались не у дел, перебиваясь случайными заработками, в то время как на других мирах остро нуждались в их знаниях и энергии.

Беда крылась в нарушенных войной связях и той эгоистической позиции, что заняло руководство Стеллара по данному вопросу. Межзвездные перелеты все еще оставались баснословно дорогим удовольствием, а Джедиан Ланге, возглавлявший правительство, не страдал альтруизмом.

На словах никто не ограничивал чьих-то свобод — желаешь покинуть спутник Рори, пожалуйста, лети и работай. Но откуда у юношей и девушек, только вступающих в жизнь, возьмутся деньги на перелет в другую систему? Управляя погрузчиком в доке, можно заработать в лучшем случае на еду и оплату счетов за квартиру.

Это Кипли прочувствовал на собственной шкуре. Он уже на протяжении трех лет наблюдал, как его бывшие сокурсники один за другим тонут в пучине Форта Стеллар.

Он пока что держался, влача безрадостное существование чернорабочего. Другие же либо спились, либо просто похоронили мечту. Были такие, кто стал наркоманом или перекочевал в сферу теневого бизнеса, что процветал тут же, под самым носом официальных властей. Лишь отдельным счастливчикам удалось покинуть Стеллар или найти тут приличную высокооплачиваемую работу.

Кипли не относил себя ни к одной из вышеперечисленных категорий, но чувствовал, что предел его терпению где-то близко, и не за горами тот момент, когда он попросту опустит руки или, того хуже, — покатится по наклонной плоскости, с тем чтобы закончить жизнь в каком-нибудь притоне наркоманов или виртуальщиков.

Меньше всего Кипли хотел, чтобы его поглотила эта зловонная пучина жизни.

Поэтому и согласился рискнуть, когда один из его товарищей предложил поработать на какого-то «дельца».

Ломануть чужую компьютерную сеть — что может быть увлекательнее и проще для человека, половину сознательной жизни

проведшего за терминалом компьютера?

Кипли не знал одного, как скользок избранный им путь, на котором, как правило, выживают единицы. Мало быть хорошим специалистом, нужно еще хорошо разбираться в людях и в нюансах их взаимоотношений в том диком обществе, в котором живешь.

И откуда было знать молодому хакеру, что никто не собирается ему платить. Люди типа того самого «дельца» просто отлавливали таких, как он, вконец запутавшихся и отчаявшихся найти свое место в жизни, давали им весьма опасные разовые задания и под конец просто «сдавали» полиции прямо «гуртом», на вес… Как говорится, и волки сыты, и овцы целы… В условиях перепроизводства подготовленных кадров такие аферы, как правило, проходили на ура, на голом энтузиазме ничего не подозревающих исполнителей.

Кипли в последний раз посмотрел на таймер и принялся быстрыми, вороватыми движениями присоединять обвисшие по бокам мертвого терминала интерфейсы в соответствующие им гнезда.

От момента активации компьютера, находящегося в пустой, незаселенной квартире небоскреба, до тревоги, что неизбежно поднимет центральный процессор здания, у него было десять минут. Ровно столько времени предоставляется жильцу, желающему снять квартиру в доме, для ознакомления с возможностями установленного в ней терминала…

Соединиться, сломать защиту, войти в чужую сеть, выкачать определенный файл, поместить его на указанный заказчиком электронный адрес и смыться…

Легко…

Если не учитывать, что в холле небоскреба уже сосредоточился заранее извещенный заказчиком наряд полиции, а на счете, откуда он должен был снять деньги по исполнении, никогда не числилось суммы свыше двух кредитов.

Ничего из вышеперечисленного не знал Кипли. Через десять минут его ждали наручники и подземные уровни Форта Стеллар. Полицейских же ожидали премии, повышения, а заказчика, который подкармливал ту самую полицию, — бесплатно выполненная работа

Порочный круг замыкался, и ничто не способно было разорвать его — ни импульсный пистолет, что лежал подле сосредоточенно работающего молодого человека, ни его наивное неведение…

Монитор квартирного компьютера осветился.

Кипли положил руки с дрожащими от волнения пальцами на сенсорную клавиатуру.

…В холле здания пришел в движение наряд полиции.

…В квартире на сто тридцать седьмом этаже дройд по имени Хьюго бережно вынес из ванной комнаты закутанную в полотенце женщину и уложил ее на разобранную постель. Затем подошел к компьютерному терминалу и погрузил в него свой разъем.

…— Первый, он начал! — полицейский опустил рацию и пошел к лифту. — Будем брать, как только оборвет связь. Сто сороковой этаж. Не ошибись.

— Понял. А как насчет той девки, что сбежала из-под земли с дройдом? Ты читал ориентировку?

— Нет, не успел.

— Вот и я тоже. Жаль. Обшарили бы пару квартир по дороге.

— Ладно, ретивый, заткнись. Хватит с нас сегодня и хакера.

…Хьюго, который отчетливо принял данный диалог на радиочастоте, внезапно сменил режим, в котором работал квартирный терминал.

Процессор дройда обрабатывал в тот момент чрезвычайно сложные для него данные.

У человека это называлось бы ассоциативным мышлением.

Изначально Хьюго не был запрограммирован на подобные операции. Все произошло само собой. Экстремальность ситуации требовала от него адекватных действий, а он не мог противопоставить ей ничего, кроме стандартных программ, которые неизбежно приводили к фатальному исходу для Даши, разметавшейся в бреду на моментально промокших от пота простынях.

Хьюго не мог допустить ее смерти. Их ищут. Ему нужны лекарства. Ему нужен человек, который бы помог их достать.

Это был один логический список. Другой относился к недавним событиям и был не менее содержателен.

— В гробу я видел и тебя, и Джедиана с его миллионами и инопланетянами, и эту сраную Черную луну, по которой бродит на виртуалке твой милый Велехов! Срал я на вас всех!

То были слова Бейкера, что он орал в приступе ярости.

Достоверность информации, учитывая состояние источника, девяносто процентов.

Ключевые понятия:

Джедиан… Миллионы… Инопланетяне… Виртуалка… Черная луна… Велехов…

Анализ завершен.

Справка: хакер — жаргонный термин, означающий специалиста по взлому компьютерных программ.

Анализ обстановки.

Обработка тактических данных.

Вывод…

«Враг твоих врагов — твой друг».

Если дройд способен испытывать изумление, то у Хьюго как раз настало подходящее время для данного чувства…

Он понял смысл древней как мир поговорки, словно ее трактовка была изначально заложена в банк его долгосрочной памяти.

***

Заслышав за дверью чьи-то шаги, Кипли вздрогнул, оторвав взгляд от монитора.

Все… Его вдруг обдало могильным холодом. Кто-то стоял в коридоре у двери квартиры…

Он ужом сполз с кресла. В тусклом отсвете работающего монитора блеснул покрытый вздутиями электромагнитных катушек вороненый ствол.

С тихим шелестом дернулся интегральный затвор. Кипли, как затравленный волк, сделал шаг от двери, чтобы его прикрывал толстый простенок, и поднял оружие.

За дверью не шевелились.

Он оглянулся. В распахнутое окно по-прежнему врывался холодный мокрый ветер. Кипли вдруг затрясло, когда он окончательно понял, что влип, лопался… Затем в его воображении возник скользкий пластиковый подоконник, триста метров серой дождливой мути… и влажный шлепок тела о стеклобетонную мостовую… Нет, бежать он не мог…

Монитор компьютера, что продолжал работать, вдруг расцвел буйством красок. Все. Его программы уничтожены… Он бросил клавиатуру в самый ответственный момент и завалил задание…

В коридоре уже не таились. Там вдруг раздалось отчетливое бряцание, и зычный голос проорал, поднимая на ноги всех соседей пустующей квартиры:

— Открывайте! Полиция Форта!

Кипли затравленно оглянулся и вдруг с безысходной отчетливостью понял: ему остается лишь одно — сунуть ствол пистолета себе в рот и

надавить на гашетку…

В этот трагичный для молодого человека момент в комнате раздался сдвоенный треск: с одной стороны начала прогибаться пластиковая дверь, а с другой вдруг распахнулось окно, и на скользкий подоконник ступила снабженная пальцами механическая ступня робота.

Еще мгновение, и мокрый от хлещущего снаружи дождя андроид соскользнул в комнату. Не теряя ни секунды, он схватил ошалевшего от страха Кипли за шиворот и словно куль поволок к окну.

Тот хотел заорать, но не смог. От страха и неожиданности у него парализовало горло.

Через некоторое время дверь, трещавшая под напором стражей порядка, поддалась, и двое полицейских вломились в пустую комнату, по которой гулял холодный, сырой ветер из распахнутого окна.

В квартире не было ни души. Только ветер трепал занавески, раздувая их, как паруса древних кораблей, да ровно сиял пустой монитор.

Старший наряда заглянул во все углы, посветил фонариком в пустой шкаф для белья, зачем-то наклонился под стол…

— Чертов придурок! — Второй полицейский посмотрел на мерцающий терминал, подошел к окну и высунул голову под дождь. — Надо же… Триста метров… — Он втянул голову назад и, насупившись, посмотрел на напарника, который отключал активированный терминал: — Пошли, Эрни, видать, придется отскребать этого говнюка от асфальта… Плакали наши премиальные.

В этот самый момент ополоумевший от внезапного ужаса Кипли, про которого так нелестно отозвался полицейский, висел на высоте трехсот десяти метров под проливным дождем, судорожно вцепившись в холодный металлопластиковый, корпус дройда. Молодой хакер прильнул к нему всем своим существом, словно любовник в порыве страсти, а на самом деле внутри у него все буквально заледенело от ужаса.

Хьюго, который одной рукой взаимно обнимал Кипли, другой намертво вцепился в стойку антенны спутниковой связи, которые тут и там красовались на фасаде небоскреба.

Когда свет в комнате погас и полицейские ушли, он шевельнулся, чем вызвал истерический всхлип у вцепившегося в него Кипли, и осторожно пошел по выступу к эвакуационной пожарной лестнице, что серой мокрой лентой ползла по фасаду здания метрах в пятидесяти от них.

Сердце Кипли бешено колотилось.

Его страх был столь велик, что он все еще не проронил ни звука и даже не задался мыслью, откуда взялся этот дройд, что молча вырвал его из лап неминуемой смерти.

Внизу, в дождливом ночном сумраке, одиноко поблескивал сигнальный маячок полицейской машины.

***

— Черт! — Кипли взмахнул руками, отшатнувшись от терминала, точно такого, как и в той квартире, где его едва не застукали час назад. — На этом счете нет денег! — Он изумленно воззрился на монитор, потом медленно опустил голову, опершись лбом о ладонь… — Черт… — как заведенный повторил он. — Всех ребят взяли…

За его спиной стоял Хьюго. Бесстрастно глядя на монитор, он воздержался от каких-то комментариев.

— Но ведь этот сукин сын обещал, что в случае неудачи тут будет помещена компенсация! — вновь воскликнул Кипли, до которого только сейчас начал доходить истинный смысл той передряги, из которой его вытянул Хьюго.

— Мне нужна помощь, — уже не в первый раз заявил робот.

— Валяй… — Кипли все еще пребывал в плену собственных мыслей.

— Ты должен помочь моей хозяйке. Она больна. Мне нужны следующие препараты…

Внутри Хьюго что-то застрекотало, и из тонкой щели, обозначившейся во лбу дройда, внезапно выскочил узкий листок пластбумаги с отпечатанным на нем списком.

Кипли подхватил его и удивленно воззрился на блокнотный листок.

— Сыворотки? Это инфекция?

— Тебе она не опасна.

Молодой хакер вдруг поднял взгляд на дройда. События последнего часа столь сильно повлияли на его психику, что Кипли уже не удивлялся.

— Слушай, ты для этого меня спас?

Хьюго секунду помолчал, анализируя вопрос. Все-таки он оставался машиной, и свободное языковое общение являлось для него одной из сложнейших операций. В автономном режиме ему оказалось легче сломать защиту нескольких компьютеров, чем быстро ответить на слова Кипли.

— Помощь.

Кипли вдруг широко улыбнулся.

Страх схлынул, оставив после себя пустоту и бессилие. Весь мир перевернулся вверх ногами и летел к черту. И этот доисторический робот,

что стоял перед ним, казался молодому человеку явным доказательством своей невменяемости.

— А как ты очутился тут? Ведь я просматривал списки квартир. Эта была пуста еще час назад…

— Взломал процессор здания, — произнес Хьюго, который не нашел причины уклоняться от ответа.

— Ну и как? Долго возился?

— Восемь секунд, — ответил робот, совершенно не понимая, куда клонит этот молодой человек.

Кипли вдруг развернулся к работающему терминалу и быстро пробежал длинными, нервными пальцами по сенсорам клавиатуры.

Посмотрев на результат своих действий, он несколько раз сморгнул, словно сгоняя наваждение, и вновь развернулся к Хьюго, но теперь уже медленно.

— Ты откуда взялся, дройд? — внезапно спросил он, вновь начиная дрожать. — Тебя когда программировали?

— Сто пятьдесят лет назад, — ровным голосом ответил Хьюго. — Обновление программ было произведено мной…

— Погоди… — Кипли поднял обе руки, словно отодвигая от себя призрак. — Пойдем. — Он встал и, не оглядываясь, прошел в дальний угол комнаты, где в стенной панели располагался невзрачный аппарат. — Ты знаешь, что это такое?

— Нет. — Дройд заинтересованно склонился к панели. — Начинаю сканирование…

Он не договорил, потому что Кипли со странным выражением на лице вдруг поднял руку и постучал костяшками пальцев по металлопластиковому черепу андроида. Звук получился не то чтобы пустой, но…

Кипли вдруг сел на пол, прислонясь спиной к стене, и расхохотался.

Этот смех больше походил на истерику.

— Ты дундук… — всхлипывая, произнес он, указывая рукой на встроенную в стену панель прибора. — Знаешь, что это такое? Нет? — Кипли вдруг оборвал смех. — Это домашний магазин, — упавшим голосом объяснил он. — Понимаешь? Любой товар в любое время суток. Ты можешь заказать себе хоть протонную пушку, тебе ее доставят, не сомневайся… А ты… — он опять нервно расхохотался. — Ты лазил по карнизам, вырывая меня из лап полиции. Ты откуда свалился, дройд?

Хьюго не обратил внимания на его последние слова. В соседней комнате лежала Даша, а он уже потерял достаточно много времени, чтобы

тратить его еще.

Дройду действительно не хватало толики самостоятельности. Слишком долго он подстригал кусты и вытирал от пыли журнальные столики…

Завершив общее сканирование панели управления и ознакомление с встроенным набором функций агрегата, который оказался не чем иным, как тривиальным приемником канала пневмопочты, Хьюго вытащил задвинутую в специальную нишу клавиатуру и быстро выстучал требуемый список препаратов и оборудования.

Кипли не лгал. Первая представленная им информация обладала стопроцентной достоверностью, и это сильно подняло рейтинг молодого человека в глазах дройда.

Когда аппарат доставки, моргнув светодиодами, выдал десяток герметично закупоренных капсул, Хьюго, уже не обращая внимания на Кипли, который все еще сидел на полу, исподлобья наблюдая за действиями дройда, вытащил поддон и направился в соседнюю комнату.

— Эй!.. — попытался обратиться к нему Роберт, но Хьюго уже закрывал за собой дверь.

— Позже, — раздался из-за нее лаконичный ответ.

Затем щелкнул замок, и Кипли остался один.

«Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю…» — растерянно подумал он, глядя на закрытую дверь, за которой исчез робот.

Глава 9

Внешнее поселение Стеллара. Сто тридцать седьмой этаж одного из небоскребов. Сутки спустя

— Значит, ты сбежала, да? — спросил Кипли, отправляя в рот очередную порцию синтетического мяса.

Даша кивнула. Ее лицо все еще хранило землисто-серый оттенок. Болезнь отступала медленно и неохотно.

— У нас с Хьюго не оставалось иного выхода, — тихо произнесла она.

Перед ней стояла нетронутая тарелка с едой. Даша отпила сок, поморщившись от неестественного привкуса синтетического продукта. Тонкие, худые пальцы ее правой руки бессознательно комкали салфетку.

— Роберт, почему ты не ушел отсюда? — внезапно спросила она.

Кипли, прожевав, положил вилку.

— Не знаю… — честно признался он. — Поначалу было страшно, а потом… ну просто не захотел.

— Он переживал за вас, Дарья Дмитриевна, — внезапно вмешался в их разговор Хьюго, который стоял подле терминала, погрузив свой контакт в информационный разъем.

Кипли вдруг покраснел.

— Эй, я же не просил… — упрекнул он дройда, обернувшись к ненасытной машине. — Он что, так питается? — невпопад спросил он у Даши, явно желая поменять тему разговора.

Она не ответила.

Сознание Даши опять скользило по призрачной, зыбкой грани меж реальностью и безумием.

— Спасибо, Роберт… — вдруг тихо произнесла она.

— За что?! — Кипли с откровенным недоумением посмотрел на нее. — Ну сходил пару раз за продуктами да дал несколько советов твоему дройду… Что тут такого?

— Я думала, что этот мир… — Ее губы вдруг предательски дрогнули, но, пересилив себя, она все же продолжила, глядя на скомканную салфетку. — Мне стало страшно думать о том, что мы умирали зря… Понимаешь?

Кипли вдруг почувствовал, как ему передалась эта горечь.

— Да брось… — попытался бодро ответить он. — Тебе не повезло —

нарвалась на двух ублюдков, а на самом деле все не так, Даша, поверь мне. Это Стеллар перекашивает в сторону военизированных мегаполисов, а на других планетах нормальная жизнь… Как до войны…

«Как до войны… — Эти простые слова эхом отразились в душе Даши. — Может ли все вернуться на круги своя там, где люди позволяют себе реанимировать трупы тех, кто умер во имя их рождения?» — подумала она, но вслух не высказала ничего. Это была ее личная боль, и вряд ли этот парень, что сидел напротив, способен был постичь творящееся в ее душе… Незачем. Совершенно ни к чему впутывать его…

Словно угадав ее мысли, Кипли встал, бросил свою тарелку в пасть утилизатора и вернулся к столу, держа в руках две чашки кофе.

— Дарья Дмитриевна, вот… — Он поставил перед ней чашку.

— Меня зовут Даша, Роберт, — попыталась улыбнуться она. — Ты старше меня, наверное, и не будем цепляться за формальности, ладно?

— Хорошо! — бодро согласился Кипли. Он опять сел напротив и, отхлебнув кофе, вдруг серьезно спросил: — Даша, из нашего разговора я понял, что ты… — он запнулся, подбирая нужное слово, — ты и Хьюго из прошлой эпохи, верно?

Она кивнула.

— Тебя подобрали на кладбище кораблей, реанимировали и сделали пленницей, — продолжил перечислять факты Кипли. — Но ты не сказала главного — для чего?!

— Не знаю… — тихо ответила она.

Лицо Роберта Кипли вытянулось от удивления.

— Не знаешь?! — изумленно переспросил он.

— Да, не знаю!.. — Губы Даши исказила некрасивая улыбка. — И от этого можно свихнуться, сойти с ума! — вдруг, повысив голос, ответила она. — Я умерла, а потом вдруг очнулась… В незнакомом месте, среди людей другой эпохи… Со мной почти не общались, а если такое общение и происходило, то сводилось к одному — меня пытались унизить, доказать, что я раба тех, кто якобы меня спас…

Кипли передернуло… Нехороший озноб вдруг пробежал вдоль спины крупными мурашками.

— Ты назвала две фамилии: Ланге и Бейкер, — задумчиво произнес он. — Первого знают все, второй же, похоже, не знаком никому. Джедиан Ланге, он представился тебе? Сказал, кто он такой?

— Хозяин… — тихо ответила Даша. — Хозяин всего вокруг…

— И что ты ответила? — Кипли напрягся, ожидая, что она скажет.

— Я послала его…

Роберт понимающе кивнул, но все же счел нужным уточнить:

— Он говорил еще что-нибудь? О цели твоей реанимации?

Ногти Даши впились в ладонь, и это движение не укрылось от Кипли.

— Роберт, я не хочу вмешивать ни тебя, ни кого бы то ни было в свою жизнь, — произнесла она. — Я выпала из своей эпохи, меня оживили, но я не живая, понимаешь?! Мой мир умер вместе со мной, он там, на сожженном Дабоге и среди обломков «Европы»… А тут… Тут меня будут гнать, как зверя, пока не натешатся…

— Что ты несешь?! — Кипли порывисто вскочил. — Ты не понимаешь!

— Нет, Роберт, успокойся. Я все понимаю.

— Нет! — вновь отрезал он.

Даша подняла глаза и удивленно посмотрела на молодого человека.

— Все не так просто!.. — воскликнул он, шагая из угла в угол. — Даша, я знаю этот мир и могу сказать: тут ничего не делается просто так, из личной прихоти, будь ты хоть сто раз Джедианом Ланге или самим господом богом. Все стоит денег. А полет на кладбище кораблей, исследование обломков, извлечение трупов и последующая реанимация — это уже не просто затраты, это бешеные деньги!

— Ну и что?

— За этим должен скрываться какой-то резон, оправданный интерес! Ты прости, но даже если допустить, что Ланге обыкновенный извращенец, тут, на Стелларе, материала для удовлетворения любых прихотей самого ненормального мужчины завались!

— Я тоже думала об этом… — опустив голову, призналась Даша.

— Значит, ты сказала мне не все!.. — Кипли порывисто сел напротив. — Ну признайся, ведь так?!

Даша не знала, что ей делать. С одной стороны, она понимала: все, что сказал Кипли, вполне справедливо, но с другой — разве могла она доверить единственные известные ей крохи истины первому попавшемуся на ее пути начинающему компьютерному взломщику только потому, что он оказался единственным, кто проявил к ней человеческое участие?..

«А если он тоже связан с Джедианом и Бейкером? — мучительно подумала она, поднимая взгляд на разгоряченное лицо Кипли. — А я как муха уже бьюсь в расставленной паутине и не подозреваю об этом?»

— Почему ты хочешь мне помочь? — спросила она, не отводя глаз от лица Роберта.

Кадык на его худой шее несколько раз прыгнул — вверх-вниз… Кипли внезапно подался назад, осев на стул.

Действительно, почему?

«Потому что я, как и ты, бьюсь в нитях паутины и не могу вырваться, потому что я был на волосок от каторги и насильственной депортации на какую-нибудь адскую планету за одну-единственную ошибку, рожденную безысходностью существования, а твой робот спас меня, потому что я, в конце концов, нормальный человек и мне претит то, что совершили с тобой!»

Все это он хотел выкрикнуть, но не смог, какой-то ком вдруг застрял в горле, мешая говорить. Он просто поднял глаза, посмотрел на Дашу и выдавил:

— Я загнан, как и ты, Даша… Мой мир… Я не знаю, как тебе объяснить, но в недрах Стеллара творится нечто нехорошее. Я не хочу, чтобы было так. — Кипли сам удивился и сбивчивости собственной речи, и тем словам, что рвались наружу. Словно его подменили. — Я тоже выброшен на обочину жизни такими, как Ланге. У меня нет возможности ни вырваться со Стеллара, ни жить тут. — Казалось, это признание вырвалось из уст Кипли помимо его воли. — Я вконец запутался, мне некуда идти, и, если бы не Хьюго, лететь мне сейчас куда-нибудь на Омикрон-3… или того хуже, понимаешь?! В силовых наручниках и со взрывным радиоуправляемым ошейником!..

Даша перевела взгляд на дройда.

— Он говорит правду, — подтвердил Хьюго, вытаскивая разъем из информационной панели.

— Хорошо… — Она наконец решилась. — Я действительно не знаю, зачем оживили меня. Но есть еще один человек моей эпохи, доставленный сюда из обломков транссистемного транспорта «Европа». Его зовут Денис Велехов, и Хьюго, который хранит в своей памяти банки данных того корабля, выяснил, что этот человек действительно существовал. Старший вахтенный офицер, лейтенант, уроженец планеты Кьюиг. Он сейчас там, в глубинах Форта Стеллар, и, судя по всему, участвует в каком-то эксперименте с виртуальной реальностью. В качестве подопытного. А я, — Даша грустно улыбнулась; — я просто страховка, средство воздействия на лейтенанта Велехова в том случае, если что-то пойдет не так и его придется в чем-то убеждать.

— Не понимаю… — признался Кипли, немного ошарашенный столь точно сформулированной информацией.

— Каким-то образом Денис оказался неравнодушен ко мне, — со скрытой в голосе болью призналась Даша. — Я совсем не помню его… Но Бейкер в пьяном угаре проговорился, что мой образ занимает собой весь

объем его посттравматической памяти. В момент своей смерти лейтенант Велехов думал обо мне… — Даша вдруг закусила губу и отвернулась.

Никто не мог понять, как тяжело и горько ей говорить эти слова.

В ее душе по-прежнему бился пепел Дабога, а любовь прошла мимо девочки, что повзрослела в бункерах умирающей планеты…

Там, на «Европе», подчиняясь последнему порыву своего безумия, она ушла от войны, чтоб хоть на секунду перед смертью вернуть себе мечту о непрожитых годах и несостоявшейся любви…

«Оказывается, все это было рядом…» — с надрывной горечью вдруг подумала Даша.

Сто лет она плавала вместе с ним, в едином куске мутного льда.

Даша никогда не видела Дениса, но то, что сейчас жило в ее душе, уже переросло рамки человеческого понятия «любовь».

Ей казалось, что они — одно целое. Их соединила смерть.

Господи, сколько горькой нежности, оказывается, скопилось в ее душе… Не выдержав, Даша порывисто встала и ушла в другую комнату.

Кипли бросился было за ней, но Хьюго остановил его. Он знал, что Даша плачет, зарывшись мокрым лицом в подушки, и, по мнению дройда, Роберту было совершенно необязательно смотреть на это.

***

Нельзя сказать, чтобы Кипли не испытывал страха, когда вновь, после страшного фиаско, что потерпел неделю назад, положил пальцы на сенсорную клавиатуру компьютерного терминала.

Рядом с ним стоял Хьюго, весь опутанный интерфейсами.

Даша курила у открытого окна, изредка поглядывая в их сторону.

На что они надеялись, планируя попытку вломиться в компьютерную сеть подземных комплексов Форта Стеллар?

Даша не знала ответа на данный вопрос. Просто надеялась на удачный исход, хотя и не могла принять непосредственного участия в попытке вторжения. Один вид мягкого виртуального шлема, внутренняя поверхность которого была усыпана тоненькими иголочками нейросенсорных электродов, вызывал у нее приступы тошнотворного головокружения.

Кипли, который, собственно, и являлся инициатором виртуального похода, почувствовал, что дрожит от возбуждения. Тело моментально взмокло под прорезиненной тканью специального костюма.

В теории все выглядело просто.

— Три… Два… Один… Поехали!

Ничто не изменилось в обстановке комнаты, лишь на контрольном мониторе, что венчал собой компьютерный терминал, начало меняться изображение…

Даша, не зная, куда себя деть, погасила сигарету, от которой во рту осталась лишь стойкая горечь, и повернулась к монитору.

На экране моделировалось изображение длинного коридора. Так называемый «вид из глаз». То есть она наблюдала то, что непосредственно видел Кипли.

Дашу вдруг начало коробить.

Слишком похоже на ее травматический бред.

Хьюго, который выполнял функцию страховки, не входил в виртуальную сеть Форта Стеллар под видом какой-нибудь оболочки или фантомного образа, как это сделал Кипли. Он просто «висел» вокруг молодого хакера неким нематериальным информационным полем.

Защита. Сканирование. Все функции активной периферии.

Кипли уже не в первый раз шел по этому коридору. Работа в виртуальном пространстве являлась делом повседневным для многих жителей Стеллара. Он знал, что, войдя в одну из множества дверей, что располагались по обеим сторонам бесконечного прохода, он запросто мог заработать пару-тройку кредитов. Работы предлагались самые разные — от управления тяжелым погрузчиком в безвоздушных доках, ремонта космических кораблей, наладки оборудования до пилотирования малых космических челноков, в зависимости от квалификации и навыков.

Были тут, конечно, и другие виды работ. Можно, если повезет, некоторое время трудиться по специальности. Многие фирмы помещали в виртуальных офисах заказы на выполнение тех или иных интеллектуальных работ, связанных с проектированием, прикладной физикой или химией. Порой эти эксперименты, за которые брались в основном совсем уж отчаявшиеся ученые, которым надоел рабский труд в доках или на заводах, отдавали нехорошим, противозаконным душком…

Кипли миновал этот отсек коридора и оказался перед развилкой. Направо уходил так называемый «тоннель развлечений», где предлагалась работа виртуальным проституткам обоих полов и прочие подобные «удовольствия», принимать участие в которых Кипли не приходилось, да он особо и не стремился обогащаться подобным опытом.

Налево вел «тоннель смерти». Тут, как правило, тусовались наемники, любители смертельно опасных боев на управляемых через виртуальный шлем боевых машинах и прочие рисковые виртуальщики, деятельность которых была обложена сетью тотализаторов, где расставались со своими

деньгами сограждане дерущихся, предпочитавшие смотреть и делать ставки, а не принимать непосредственное участие в драке.

Кипли знал, что официальные вывески в данном тоннеле чушь собачья и за ними легче потерять жизнь, чем найти нормальную работу. По крайней мере, ему говорили, что все заказные убийства, что происходят время от времени в наружных городах Стеллара, планируются именно здесь…

— Нам прямо, — тактично напомнил нематериальный голос Хьюго.

Кипли кивнул.

Центральный проход заканчивался тупиком и мощными створами модульного люка.

Первый переход с этажа на этаж.

— Программа-сторож, — предупредил дройд. — Сканирую…

Серая муть вокруг головы Кипли, едва заметная в дрожании статис-поля, которое наполняло собой все виртуальное пространство единой сети Стеллара, вытянувшись, словно сигаретный дымок под дуновением сквозняка, потянулась к охранной системе.

Через пару секунд едва заметное марево отпрянуло назад, заняв исходную позицию в виде окружающей тело Кипли ауры, а из воздуха внезапно материализовалась плоская карточка.

«Молодец, Хьюго… Чисто и аккуратно».

Пропуск сработал безотказно.

Двери раздались в стороны, пропуская Кипли в лифт.

Первый этап, наиболее легкий, и пройден легко. Что их ожидает дальше, лучше и не думать…..

Двери вновь дрогнули, открываясь.

Три тоннеля. Второй уровень. «Технические разработки». «Сфера обслуживания». «Военное ведомство».

— Нам прямо.

Это уже не шутки. Подметать пол в секретной лаборатории или подавать завтрак какому-нибудь полковнику могли только избранные. Забавы кончились. Начинался настоящий Форт Стеллар…

«Это ведь только второй уровень…» — с запоздалым тоскливым страхом подумал Кипли, глядя, как на него разворачиваются страшенные турели лазерной пушки и синтезированный голос вдруг рявкает на весь тоннель:

— У вас десять секунд на подтверждение своих полномочий!

Серая змейка резво рванула вперед.

Вся изюминка их безумного предприятия заключалась именно в этом.

Программы, которые содержал в себе Хьюго, настолько устарели, что против них уже давно не существовало средств борьбы. В век высоких технологий вирус столетней давности мог сыграть роль ядерной бомбы, разорвавшейся в виртуальной сети.

Хьюго вычислил это, когда лечил Дашу.

Как ее организм не мог бороться против новой мутации общеизвестного вируса, так и компьютерная сеть Стеллара оказалась беспомощной перед программами-взломщиками, которыми пользовался дройд.

Кипли трижды облился холодным потом, прежде чем увидел, как лазерные турели повернулись в исходное положение.

Путь был открыт, и дымчатая аура возвращалась к нему, вытекая из чрева охранного комплекса сразу через десяток отверстий.

***

На пятнадцатом ярусе Форта возникли настоящие проблемы.

Очевидно, помимо автоматики, за проходом следил человек.

Хьюго справился со сканирующей системой, убедив ее в том, что Кипли имеет соответственный допуск, но тяжелая дверь, которая выглядела так только в восприятии человека, что, надев виртуальный костюм, двигался в фантомном киберпространстве, не думала открываться. Вместо этого из стены сквозь невидимые отверстия начали пробиваться струйки черного дыма.

— Хьюго, не шевелись… — сквозь зубы прошипел Кипли.

Серая аура послушно прилипла к его телу.

Кипли надеялся, что все обойдется. Очевидно, тут для перестраховки установлен так называемый «дезинфектор» — программа, что обволакивает каждого, входящего на уровень, и убивающая все известные виды компьютерных вирусов.

Хьюго она не могла повредить. Он для любого современного компьютера являлся одним исполинским вирусом неизвестной природы.

«Не должна заметить… Она не может распознать его…»

Черная дымка уже доползла до его ног и начала подниматься к коленям. Кипли стоял не шелохнувшись. Полная статичность. Он чист.

Секунды тянулись для него, как вечность. Кровь гулко ломилась в виски.

Внезапно черная дымка приостановила свое движение.

— Обнаружена неустановленная модель виртуального костюма, — вдруг раздался мягкий, но явно синтезированный машиной голос. — Вам

начислен штраф в размере дневного оклада. Дополнительное сканирование окончено. Запрещенных программ не обнаружено. Можете следовать дальше.

Двери дрогнули и начали открываться.

Кипли пошел вперед деревянным шагом. По спине катились, щекоча кожу, крупные капли пота.

Так глубоко он никогда не проникал. И, естественно, понятия не имел, что все служащие данного уровня должны пользоваться виртуальными костюмами определенной модели.

Этот ярус сильно отличался от других по своему строению. Миновав ворота, Кипли вдруг оказался на открытом пространстве. Аккуратные дорожки, что символизировали собой информационные каналы, ничуть не походили на тоннели со множеством дверей. Все они вели в разные, удаленные друг от друга на приличное расстояние здания…

— Сканирую… — голос Хьюго прозвучал едва слышно. Кипли наугад пошел вперед, пока что придерживаясь основной, широкой дороги.

— Направо. Я обнаружил комплекс под кодовым названием «Черная луна».

Кипли послушно свернул на ближайшее правое ответвление. Некоторое время он шел, чувствуя, что вокруг раскиданы незримые охранные комплексы, мороз драл по коже, когда он вдруг ощущал слабые эманации — это его вновь и вновь касались программы, ответственные за безопасность сектора, но оставался для них невидим, а маркер, что повесила на него охранная система при входе, однозначно сигналил «я свой»…

Комплекс «Черной луны» оказался скоплением серебристых куполов. Кипли пошел прямо к ним.

…Даша, которая устала наблюдать за однообразием тоннелей на мониторе, присела на широкий пластиковый подоконник. Она знала, что ей просигналят, если что-то случится.

Глядя вниз на широкие улицы города с многополосным движением, она немного расслабилась, наблюдая, как игрушечные машинки несутся внизу по своим делам, то сливаясь в единый поток, то распадаясь на отдельные ручейки.

Вот стайка серых машин, с высоты похожих на бегущих по своим делам жучков, свернула на парковочную площадку перед их небоскребом. Они остановились слаженно разом, и вдруг из них посыпались крохотные фигурки солдатиков, беззвучно разбегающиеся в стороны…

…Кипли как раз подошел к дверям центрального купола и взялся за ручку.

Серая аура, олицетворяющая Хьюго, вдруг отлепилась от него и поползла в щель под уплотнителем.

Дверь открылась на удивление легко. Кипли вошел внутрь и оказался в огромном полусферическом зале, на своде которого проецировались звезды.

Под его ногами вдруг заклубилась серая пыль, похожая на измельченный вулканический туф.

Он затравленно огляделся, недоумевая, где же Хьюго и что означает это странное место, когда из-за кромки небольшого кратера прямо на него вдруг вышел человек, неуклюже ковыляющий в бронированном, снабженном экзоскелетом скафандре. Он шел, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, и на его бронированном загривке весело перемигивались несколько проблесковых маячков.

Кипли невольно попятился.

Человек в скафандре заметил его, резко повернулся и двумя размашистыми шагами подошел почти вплотную к растерявшемуся хакеру.

Из-под вуали до половины поляризованного стекла гермошлема на него глянули злые глаза.

Кипли открыл было рот, и тут заметил, что у человека только один глаз. Вместо второго красовалась миниатюрная видеокамера.

Кипли вдруг ощутил, что сейчас произойдет нечто кошмарное… Он оцепенел, глядя, как медленно поднимается закованная в тяжелую броню рука, на которой, вцепившись в предплечье двумя захватами, красовалась автоматическая безоткатная пушка.

— Ты зря сюда зашел, — раздался в его мозгу ровный, лишенный каких-либо интонаций голос.

— Я ошибся… — Кипли опять попятился, не решаясь развернуться и побежать под прицелом этого чудовищного орудия, черный ствол которого вдруг раздулся до неимоверных размеров. — Я ошибся дверью… сэр…

— Ты не ошибся, хакер. Ты шел именно сюда. Меня зовут сержант Грин, запомни это перед смертью…

Кипли хотел закричать, но не смог. Он только хватанул ртом внезапно загустевший воздух, успев с тоской осознать, как ловко его заманили прямо в расставленную ловушку…

«Где же Хьюго?!» — то была его последняя мысль перед

ослепительной вспышкой…

Хью оказался неподалеку. Серая змейка стремительно неслась по серому реголиту, не тревожа его. Он ощущал смертельный страх Кипли, но дройд понял, что произошло, еще в тот момент, когда они входили на уровень, и потому самовольно проскользнул под уплотнитель дверей, оставив молодого хакера разбираться с программой-сторожем.

Сигнал от Кипли все удалялся, потом вдруг последовал всплеск информационного поля, и хакер пропал…

В этот самый момент серая змейка достигла другой бронированной фигуры, что двигалась в километре от сержанта Грина.

Виртуальный призрак скользнул по броне и влился в свободный разъем компьютерной системы скафандра Дениса Велехова.

— Эй, Грин, ты меня слышишь?! — Денис поднял руку и тыльной стороной ладони стукнул по своему гермошлему в районе наушников. — Какой-то сбой в связи!..

…Кипли видел, как активатор интегрального затвора медленно пошел назад.

Вспышка была ослепительной.

Он заорал, схватившись за голову, и вдруг… он понял, что сидит на полу комнаты, рядом с креслом, а перед ним Даша, бледная, как смерть, комкает в руках сорванный с его головы виртуальный шлем.

— Ты… Ты… — задыхаясь и хватая ртом воздух, закричал Кипли.

— Я прервала контакт! — Даша смотрела в его округлившиеся от ужаса глаза. — Там внизу солдаты! — упавшим голосом сообщила она. — Нас засекли, Роберт…

В этот момент Хьюго, странно дернувшись всем своим металлопластиковым корпусом, вдруг замахал руками, обрывая интерфейсы.

В довершение своего эпилептического припадка дройд схватил вращающийся стул, с которого только что соскочил Кипли, и со всего размаха саданул им по компьютерному терминалу.

— Дарья Дмитриевна, нужно уходить! — ровным голосом сообщил он, продолжая методично крушить электронику, из развороченного корпуса которой во все стороны летели искры и уже начал валить дым. — Я вызвал аэротакси.

— Ты где был, поганец?! — вне себя от ярости вдруг взвыл Роберт, до

которого наконец дошло, что, не сорви Даша с его головы шлем, сидеть ему сейчас на полу, пуская слюни… — Меня же убивали! — потрясенно выкрикнул он.

В этот момент за распахнутым окном появилась мощная тень тяжелого летательного аппарата. Свистя антигравом, он завис вплотную к окну. Колпак кабины начал подниматься.

Даша без рассуждений прыгнула на подоконник.

Хьюго, не церемонясь, схватил за шиворот упирающегося хакера и, словно куль, перебросил его за окно, прямо на сиденье аэротакси.

— У нас минута двадцать секунд, пока они опомнятся, — спокойно сообщил он, чувствительно встряхнув Кипли. — Говорите адрес, сэр, живо!

— Мейнор-сквер, шестнадцать,… — едва понимая, что говорит, машинально выдавил Роберт. Он еще не мог поверить, что виртуальный взрыв, который должен был неминуемо сжечь его мозг, грохнул ровно через секунду после того, как Даша сорвала с него нейросенсорный шлем.

Тихо опустился колпак, и машина, резко набирая скорость и высоту, отвалила от окна, за которым в квартире на сто тридцать седьмом этаже уже вовсю бушевало пламя спровоцированного дройдом пожара.

Когда солдаты в форме службы внутренней безопасности форта вышибли дверь, то им в лица ударили едкие клубы ядовитого дыма от горящей пластиковой облицовки стен.

***

Аэротакси, описав плавный полукруг, опустилось на плоскую крышу фешенебельного здания в самом центре города.

Под тихое завывание антигравов на теплый стеклобетон крыши соскочила бледная молодая женщина, вслед за ней вылез дройд и наконец последним появился дико озирающийся по сторонам парень в виртуальном костюме без шлема. Его длинные волосы тут же принялся трепать ветер.

— Куда? — спросила Даша, крепко взяв за руку Кипли, который все еще никак не мог прийти в себя после мгновенно прерванного погружения в виртуальную реальность.

Аэротакси поднялось в воздух и повернуло на север, стремительно превращаясь в маленькую черную точку, сливающуюся с фоном бледно-фиолетового неба за силовым куполом.

— Нас вычислят! — Кипли зло посмотрел на дройда, который с видом полного безразличия на металлопластиковом лице сканировал окрестности.

Хьюго понял, что упрек направлен в его адрес. Повернувшись к

Кипли, он четко произнес:

— Нет.

В этот момент в бледно-фиолетовом небе Стеллара где-то у границы силового купола сверкнула и тут же погасла яркая вспышка.

— Такси? — спросила Даша. Хьюго кивнул.

— Кипли, веди! — не то приказала, не то взмолилась она. — Нельзя же торчать на открытом месте! Ну, очнись! — Она крепко сжала его руку. — Ты ведь сам назвал этот адрес!

— Знаю… — буркнул в ответ хакер и, вырвав руку, пошел по направлению к узкой лестнице для технического персонала, вход на которую лепился в стороне от шикарных, плавно утекающих вниз пролетов эскалатора.

Даша догнала Кипли и вновь взяла его за руку.

— Успокойся! — попросила она. — Хьюго действует, сообразуясь со своими понятиями приоритетов.

— Предательство тоже входит в его программные функции? — скорее устало, чем зло спросил Кипли.

— Поговори об этом с ним, ладно? — внезапно нахмурилась Даша.

Хакер, насупясь, замолчал.

Лестница круто уходила вниз, гулкие длинные пролеты следовали один за другим. Им навстречу не попалось ни души, но, чем ниже они спускались, тем мрачнее и нечистоплотнее становилась окружающая обстановка. Если верхние пролеты были тщательно вылизаны и сверкали свеженькой краской, а на каждой лестничной площадке под потолком исправно жужжали видеокамеры, поворачиваясь из стороны в сторону на шарнирных лапках, то теперь на ступенях вдруг стал появляться мусор, большая часть камер под потолком щерилась выбитыми и заплеванными объективами, а те, что работали, оказались заклеены кусками какой-то изоляционной ленты с нанесенными на нее от руки непристойными надписями.

Стены тоже не избежали общей участи, с них смотрели похабно исполненные рожи и фигуры людей, которые пересекали совершенно непонятные Даше надписи.

Она хотела спросить об этом Кипли, который возглавлял процессию с мрачным и независимым видом, но в этот самый момент очередной лестничный проем окончился обширной площадкой с одной-единственной бронированной дверью, около которой был установлен своеобразный пост охраны: за крепким столом, взгромоздив на него ноги, сидел дюжий блондин в темных солнцезащитных очках. На его бедре висел

устрашающего вида импульсный фазер, один выстрел которого способен был разнести добрую половину всего здания. Там же в специальной петле болталась резиновая дубинка, вся покрытая точечками электрошоковых электродов, и две коробочки силовых наручников.

Кипли подошел прямо к столу и костяшками пальцев постучал по подошве дремлющего охранника, как обычно стучат в запертую дверь.

— Куда ты нас привел? — тихо спросила Даша.

— За стеной официально зарегистрированный игорный дом, — не поворачивая головы, ответил Кипли, глядя, как заворочалась гора мяса, именуемая «охраной». — А тут, в подвале, нелегальный притон виртуальщиков…

— Что надо? — охранник наконец протер глаза. — Куда ломишься?

Роберту не нужно было что-то изображать из себя. Видок в виртуальном костюме без шлема с обвисшими по бокам оборванными интерфейсами был у него еще тот. Охранник, окинув взглядом нескладную фигуру Кипли, его всклокоченные волосы и дергающийся кадык на небритой шее, кряхтя встал, доставая электронный ключ от дверей.

— Что, парень, сняли с кайфа? — без тени соболезнования поинтересовался он. — Бывает. Деньги есть? — вдруг спросил он, подозрительно посмотрев на дройда и Дашу.

Кипли с тяжким, прямо-таки душераздирающим вздохом полез за пазуху. На шее хакера висела тонкая серебряная цепочка, на которой болталась миниатюрная статкарточка.

Облизав губы, он ни слова не говоря протянул ее охраннику. Тот брезгливо, двумя пальцами взял ее и чиркнул магнитным торцом по считывающему устройству, что стояло на его столе.

— Порядок… — произнес он, возвращая карточку Кипли. — А эти с тобой?

Дождавшись утвердительного кивка, охранник подошел к двери и отпер ее.

— Смотри, — предупредил он — все пойдут по твоему счету, и этот истукан тоже.

Кипли опять кивнул, словно язык у него присох к нёбу.

— Проходи. Кабина номер пять. И смотри мне, на полу не гадить, понял, мразь?

Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

Кипли вдруг пошатнулся, прислонился спиной к грязной стене и закрыл глаза.

— Что с тобой? — встревоженно спросила Даша, присев подле него

на корточки.

— Охранник… — едва слышно, одними губами выдавил Кипли. — Если бы он меня узнал, амба, пришил бы всех.

— Так ты его знаешь? Бывал здесь? — Дашу вдруг охватило нехорошее предчувствие.

— Ага… — бессильно произнес Кипли. — Когда учился в университете. Два года назад я защищал выпускной диплом. Тема — влияние виртуальной зависимости на психику человека. Был там такой пункт — обстановка и техническое оснащение нелегальных притонов. — Он открыл глаза и с шумом выпустил воздух. — В тот раз меня раскололи, что я не виртуальный наркоман… думали, из полиции, так чуть не убили… Не ожидал, что этот кусок мяса все еще обретается на прежнем месте… — Кипли натянуто улыбнулся и покосился на дверь, в верхнем углу которой красовалась цифра пять. — Пошли, — сказал он, вставая. — Тут нас никто не найдет, это точно.

***

Комната, куда они вошли, оказалась маленькой и грязной.

Никаких окон, лампочка под потолком выбита, лишь ровный свет от мониторов трех работающих в режиме ожидания компьютерных терминалов разгоняя сумрак.

Хьюго наклонился и двумя пальцами поднял с замусоренного пола одноразовый пластиковый иньектор. На его прозрачных стенках еще оставались капли какой-то мутновато-желтой субстанции. На рабочем кончике иньектора запеклась кровь.

— Брось ты эту дрянь!.. — брезгливо произнес Кипли, садясь в обшарпанное вращающееся кресло.

— Наркотик? — осведомился Хьюго.

— А ты как думал? — мрачно отозвался Кипли. — Ну? — Он перевел взгляд на Дашу. — Что теперь?

— Ничего… — Она устало опустилась в соседнее кресло. — Хью, что тебе удалось выяснить?

Дройд, услышав свое имя, аккуратно положил пустой иньектор на пол и подошел к терминалу.

— Да, давай расскажи, почему ты меня кинул на растерзание этого придурка с огромной пушкой! — язвительно подзадорил его Кипли. Молодой хакер все еще не пришел в себя после буйного калейдоскопа событий, и в его голосе то и дело прорывались истерические нотки.

Хьюго не обратил внимания на его язвительный тон. Воткнув

соединительный кабель в разъем компьютерной консоли, он начал спокойно пояснять развернувшуюся на мониторе условную схему виртуальных уровней Стеллара.

— Вот это главный информационный канал. — Он провел пальцем по поверхности экрана, как бы отчеркнув толстый ствол вертикальной шахты. — На каждом уровне установлен сервер. Он обслуживает только свой горизонт и не имеет обходной связи с последующими серверами. На входе установлены фильтры доступа, анализаторы паролей, антивирусные сканеры, а также программы-парализаторы и программы-убийцы. Таким образом, двигаясь по центральному стволу, любой пользователь сети проходит неизбежную каскадную проверку, алгоритмы которой ужесточаются с каждым последующим уровнем. Причем на входе в очередной сервер проверяется не только доступ данного уровня, но и все предыдущие.

При этих словах Кипли Побледнел. Он же уничтожил карточку, полученную от Хьюго после пятого горизонта, когда она уже показалась ему бесполезной!..

Подтверждая его догадку, дройд спокойно продолжил:

— Таким образом, не имея при себе программы, которая генерирует универсальные полномочия, невозможно проникнуть глубже шестого уровня, но нас засекли на пятом.

При этих словах дройда Кипли грязно выругался. Даша оставалась почти безучастна, она слушала Хьюго, но думала о чем-то другом.

— Почему нас не взяли, Хью? — с трудом совладав со своими эмоциями, спросил хакер.

— Пытались выяснить, куда мы идем. Вернее сказать, куда идешь ты. — Дройд посмотрел на Роберта и продолжил: — Меня они не видели, приняв за твою дополнительную защитную оболочку против программ-агрессоров.

— И ты молчал?! — Кипли готов был взбеситься.

— Я машина, — спокойно ответил дройд. — Дарья Дмитриевна поставила передо мной задачу — выяснить, нет ли в виртуальной сети Стеллара какого-то упоминания о термине «Черная луна». Я искал «Черную луну», а вы, сэр, мне помогали на добровольной основе.

— Вот как?! — запальчиво переспросил Кипли. — А я — то, дурак, думал, что это я спускаюсь по сети, а ты…

— Хватит пререкаться!.. — Даша угрюмо посмотрела на Роберта.

— Хорошо! — Он обиженно отвернулся от Хьюго.

— Пользуясь попустительством охранных систем, — как ни в чем не

бывало продолжил дройд, — мы дошли до пятнадцатого уровня. Я рассчитал, что они поднимут тревогу не раньше, чем будет обнаружена цель незаконного визита Роберта Кипли.

— Они знают, кто я такой? Мое имя?! — На этот раз лицо Кипли стало белее мела.

— Боюсь, что так, сэр.

— Дерьмо!

Хьюго озадаченно повернулся к Даше.

— Продолжай, Хью, тебе незачем интерпретировать это слово.

— Сканирование пятнадцатого уровня сразу же обнаружило комплекс под кодовым названием «Черная луна», — продолжил дройд, в то время как лицо Кипли мрачнело, как готовая разразиться грозой туча.

— Почему они не защитили вход? — вопросительно пробурчал он, косясь на Хьюго.

— Им незачем это делать, — с готовностью объяснил тот.

— Это почему?

— Туда невозможно попасть. — Кипли повертел пальцем у виска.

— Ты думай, что несешь. Мы-то попали!

— Нас впустили, — поправил его Хьюго.

— Ну, хорошо, пускай будет по-твоему, но объясни мне, разве защиту комплекса нельзя было сломать?

— Можно. Но бессмысленно. «Черная луна» — это огромная и принципиально новая виртуальная реальность, которую генерируют десять процессоров, суммарная мощность которых равна всей остальной мощности сети Форта Стеллар. Для входа в «Черную луну» необходимо иметь такое же оборудование.

Кипли насупился. Если дройд прав, то его фантом выглядел со стороны словно грубо вырезанная из картона плоская фигурка, пытающаяся сойти за своего средь объемных, трехмерных, безукоризненных кукол. Неслабо придумано… Любого чужака увидишь за километр. И никакая маскировка не поможет, даже если вся сеть какого-нибудь небоскреба будет работать исключительно на создание твоего фантома, он в конце концов окажется убогим и «тормознутым» по сравнению с теми, кто обитает внутри «Черной луны».

— Пока вы, сэр, входили через открывшийся информационный канал, наши противники отследили место, откуда вы попали в сеть. Туда была срочно послана группа захвата.

— А где был ты?

— Я проник через открывающийся канал в виртуальное пространство.

Оценив его, пришел к выводу, что там существуют десять отдельных программ фантомных личностей, девять из которых не имеют физических прототипов. Десятая личность реальна.

При этих словах Даша вздрогнула и подняла голову.

— Кто он?

Дройд переключил изображение.

— Фантом связан с ним.

Из горла Кипли вырвался нечленораздельный звук.

Изображение на мониторе отдавало не то сюрреализмом… не то простым помешательством.

Огромный, залитый ярким светом зал.

В центре — возвышение, наподобие круглого подиума, а на нем — прозрачная сфера, внутри которой лежит совершенно голый, опутанный проводами и шлангами человек. Его грудь медленно вздымается и опадает. Шлема виртуальной реальности нет, тонкие жгуты интерфейсов тянутся прямо к его черепу, в который вживлены специальные разъемы.

Черт исхудавшего лица почти не различить из-за наложенной на него кислородной маски.

Гофрированная помпа медленно ходит вниз — вверх, и в такт ей вздымается и опадает его грудь.

— Это он? — тихо спросила Даша.

— Его имя Денис. Фамилия — Велехов, — ответил Хьюго. — Больше никакой информации нет.

— Роберт… — Даша повернулась к Кипли, не в силах смотреть на экран, и увидела, что тот расширенными от ужаса глазами смотрит на нижний срез монитора.

— Дьяволы Элио… — хрипло выдавил он. — Вы посмотрите на это!..

Камера, к которой подключился Хьюго, проскользнув в один из второстепенных компьютеров лаборатории через канал, соединяющий настоящего Велехова с его фантомом, медленно поворачивалась, и в ее фокус столь же неторопливо вплывал длинный ряд подсвеченных изнутри прозрачных цилиндров, внутри которых в ленивых струях мутноватого физиологического раствора плавали десятки уродливых гуманоидных тел.

Изображение моргнуло, смазалось и исчезло.

Это был тот момент, когда Хьюго выскользнул назад, в общую сеть Стеллара.

***

— Значит, путь туда заказан, да? — спросил Кипли, нервно разминая

между пальцев сигарету.

— Вторая попытка обречена, — подтвердил Хьюго. — У нас нет ни соответствующего оборудования, ни достоверных знаний о внутренних защитных программах «Черной луны».

Разговор происходил спустя полчаса после просмотра отснятого дройдом видеофрагмента. За это время Кипли успел сто раз проклясть собственную непутевую судьбу и между делом сходить в общий зал притона за сомнительного вида сандвичами и двумя банками дешевого пива.

Даша к еде не притронулась.

Она молчала, словно выпав из реальности этой убогой комнатушки с заплеванным полом и стойким запахом немытых человеческих тел.

— Есть одно слабое место, — внезапно изрек дройд.

— Какое? — Кипли успел глотнуть пива, и теперь жизнь уже не казалось ему столь мерзкой. Он подался к монитору, выпустив струю дыма прямо в экран.

Хьюго переключил изображение. Теперь вместо виртуальной сети Стеллара там развернулась схема «Черной луны». Огромная сфера, внутри которой оказалась заключена еще одна, поменьше, а между ними третья — маленький шарик, бегущий по орбите вокруг нее. Таким увидели киберпространство комплекса сенсоры Хьюго. Между наружной и внутренней сферами, опутывая маленький шарик, протянулась сложная сеть информационных каналов. От внешней же сферы «наружу» вело всего три отростка — один совсем тоненький, второй значительно толще, ну а третий вообще внушительный, толстый…

— Это порт внешнего доступа, — пояснил дройд, указав на тоненький канал. — Через него мы вошли. Этот, — он коснулся пальцем изображения более толстой линии, — интерфейс, связывающий Велехова с его фантомом.

— А третий? — насторожился Кипли.

— Он и есть слабое место. Это канал телеметрии, по которому уходит вся информация о событиях, происходящих внутри комплекса.

Кипли поперхнулся,

— То есть как телеметрии?! — ничего не понимая, переспросил он.

— Очень просто. Результат всех действий Велехова на «Черной луне» передается на какое-то внешнее устройство в виде программы дистанционного управления.

Глаза Роберта округлились. Сигарета уже дотлела до фильтра, обжигая пальцы, но он не заметил этого.

— Хьюго, твою мать… Ты понимаешь, что это значит?!

— Понимаю. — Дройд был сама невозмутимость. — Где-то, в неизвестном нам месте, существует настоящая

«Черная луна», куда и передаются данные с этого, если можно так выразиться, «виртуального полигона».

Кипли бросил погасший окурок на пол.

Нет, это не укладывалось в его голове.

В жизни бывает именно так: живет человек, внешне ничем особо не выделяясь, и вдруг по странной прихоти судьбы события закручиваются вокруг него, словно тот на какое-то время превращается в центр Вселенной.

Нельзя сказать, чтобы молодой хакер испытывал восторг от такого буйного оборота своей судьбы, сидеть в вонючей, загаженной комнатке виртуального притона, осознавая, что наверху твоя фотография уже выдана каждому полицейскому, — удовольствие маленькое.

Но в то же время Кипли, как бы испуган и ошарашен он ни был, не мог не признаться самому себе, что если бы Хьюго в критический момент не появился, будто призрак на мокром подоконнике той злосчастной квартиры, то его судьба не менее круто изменилась бы еще неделю назад, и лететь бы ему сейчас в вонючем отсеке какого-нибудь транспорта на вечное, адское поселение…

Такие мысли не могли придать Кипли особой бодрости. Пока Хьюго что-то сосредоточенно разглядывал на экране, а Даша сидела, совершенно отрешенная от мира, погрузившись в непонятный транс собственных мыслей, Роберт, схватив не тронутую ею банку пива, вновь уселся в кресло, хмуро разглядывая пол комнатушки.

«Почему я?!» — думал Кипли, с дрожью осознавая, что вот она — граница. До нее было детство, юность, университет, несколько лет мытарств по Стеллару в поисках работы, и вдруг он оказывается замешан в таком деле, что голова идет кругом.

Давно ли он смотрел фильмы по каналу интервизора и, уминая хрустящий картофель, детской наивностью восторгался взрослыми дяденьками на экране, такими умными, решительными, полностью уверенными в себе героями, знающими наперед, что и как нужно делать…

«Да вот хрен…» — с тоской подумал Кипли, окончательно осознав, что и он повзрослел, влип в такую историю, от которой мурашки бегут по коже.

И что? Сильно он изменился с той поры, когда сидел на диване и хрустел чипсами?! Много у него теперь заранее продуманных решений?

Где этот пресловутый здравый смысл?

Перед его мысленным взором опять встала картинка — опутанный проводами человек внутри прозрачной сферы и десятки, если не сотни, цилиндров с заключенными в них препарированными гуманоидами.

Инопланетяне… Иной разум…

Такой вывод казался очевиден, и чем больше думал Кипли, тем явственнее проступал в его сознании свой взгляд на комплекс «Черная луна», куда удалось одним глазком заглянуть ему и дройду.

Этот огромный сгусток виртуальной реальности, потрясающий по своей достоверности фантомный мир, казался ему паутиной, в центре которой бился, не находя выхода, незнакомый ему молодой парень, что умер сто лет назад, защищая колонии от эскадр Земного альянса.

По позвоночнику Кипли пробежал озноб.

Он впервые в своей душе коснулся той бездны, что жила в сознании Даши.

Словно перед ним приподнялось тяжелое, черное покрывало, за которым уже не было ничего, только пустота от края до края Вселенной. То место, где живет боль, куда уходят души потерянных на войне поколений, когда их забывают…

Чернота… Этот вселенский мрак бездушия, спокойных, хладнокровно исполненных опытов над препарированными телами погибших ради твоего рождения способен был поглотить все, всех людей, все планеты без остатка. Нужно только забиться как можно глубже, пересидеть бурю, переждать, трясясь от животного страха за свою шкуру, и этот мрак уже не остановит ничто.

«Да кто я такой… Что я могу?!» — растерянно думал Кипли, вынырнув из омута наваждения. Он не заметил, как его губы искривились и чуть задрожали.

Страшно…

А этот парень в паутине виртуальных оков, каким-то образом связанный с целым фантомным миром?! Он умрет, истощившись, в навязанной ему борьбе, даже не узнав о том, что ожил спустя сто лет после гибели «Европы»?!

Дашу поймают и будут издеваться над ней, Хьюго просто разберут на куски и вышвырнут на свалку, а где-то, в неведомом месте, канал телеметрии оборвется, и будет это благом для людей или же последним шагом к бездне?

Кипли сделал глоток горьковатого пива и поставил пустую банку на скошенную компьютерную панель.

От этого звука Даша вздрогнула и подняла голову.

Тягостное молчание висело в комнате, каждый из них думал о своем, и не было… не было у них никакого выхода и ни единого шанса.

Что толку от того, что им удалось приподнять какую-то завесу над страшным экспериментом, что протекал в недрах Форта Стеллар? Они даже не понимали его сути, только чувствовали бесчеловечность происходящего…

— Я знаю, кто нам поможет… — внезапно произнесла Даша.

— Кто? — Кипли невольно подался к ней.

— Вербицкий. — Даша смотрела на него, и в ее глазах то вспыхивал, то вновь угасал слабый лучик надежды. — Антон Эдуардович Вербицкий… Если не он, то уже больше никто…

Вербицкий… Вербицкий… Кто же это?! Кипли чувствовал, что фамилия знакома ему, но никак не мог вспомнить…

— Президент Элио?! — вдруг осенило его. — Да с какой стати?! Что, ему есть дело до нас, что ли?!

— Он воевал, — ответила Даша, еще не полностью отрешившись от омута затопивших ее воспоминаний. — Я вспомнила его. Мы встречались на Дабоге. Он был другом моего отца…

— Вербицкий?! — не поверил своим ушам Кипли. Он постоянно забывал, сколько лет Даше…

— Да, — ответила она, пытаясь припомнить все подробности той далекой, единственной встречи в их доме… — Его родители погибли при орбитальной бомбежке Элио еще раньше, чем первая бомба упала на Дабог. Он старше меня всего на несколько лет…

В словах Даши таилась такая нечеловеческая грусть, что Кипли в первый момент не нашелся, что ответить ей.

— Но почему, почему ты уверена, что это не его сын или внук?! — наконец выдавил он.

— Глаза… — тихо ответила Даша. — Он прилетал к моему отцу, который работал начальником космоверфи, получать партию новых космических истребителей. Я запомнила его глаза, в которых жила боль… Понимаешь, в тот момент я еще не могла понять ее, потому, наверное, и запомнила…

— И что? — не совсем понимая ее мысль, переспросил Роберт.

— Они не изменились, — ответила ему Даша. — Пока я сидела под арестом на нижних уровнях Стеллара, то видела его выступление по интервизору. Он говорил о какой-то новой космической формации… Понимаешь, Роберт, этого не могут изгладить годы… — Даша сглотнула

вставший в ее горле ком. — У него остался тот же взгляд, что запомнился мне с Дабога. Поверь, он — наш единственный шанс остаться в живых самим и спасти Дениса…

Кипли сидел, понуря голову.

— Хорошо… — наконец произнес он. — Предположим, что ты права, — он вскинул голову и посмотрел на Дашу. — Но Элио в двадцати световых годах отсюда! К тому же он президент, понимаешь? Как достучаться к нему?

— Интерстар, — отвлекшись от монитора, неожиданно произнес Хьюго, который внимательно слушал их разговор. — Межзвездная компьютерная сеть Интерстар, — уточнил он.

— Это стоит бешеных денег… — угрюмо напомнил Кипли.

Немигающий взгляд Хьюго уставился на его шею, где на тонкой серебряной цепочке болталась миниатюрная статкарточка, на которой у Кипли лежали все сбережения, что он успел скопить после окончания университета.

— Дарья Дмитриевна абсолютно права. Связь с Вербицким — это наш последний и единственный шанс, — произнес дройд, не сводя немигающего взгляда с шеи Кипли.

Роберт вздохнул и коснулся пальцами цепочки. Потом вдруг резко дернул, порвав ее, и протянул статкарточку Хьюго.

— На, проверь, хватит ли на соединение с Элио, — обреченно вздохнул он.

Планета Элио. Президентский дворец на окраине Раворграда.
Личные апартаменты Антона Вербицкого.

Три часа утра по местному времени

Несмотря на свой преклонный возраст, Антон Вербицкий выглядел достаточно молодо. На вид президенту планеты Элио можно было дать от силы лет шестьдесят, не больше. На самом деле в этом году ему стукнуло ровно сто двадцать, но Антон не сетовал на цифры.

Закончив просматривать подготовленный секретарем проект постановления, который касался создаваемого им Совета Безопасности миров, Вербицкий встал из кресла и прошел на балкон.

Пригладив короткий ежик совершенно седых волос, президент оперся о широкие мраморные перила, глядя на маслянистую гладь залива Эйкон.

Молодые раворы подросли, прижились на дезактивированной почве, и вновь над заливом гордо пламенели в ночи их яркие опалесцирующие

факелы.

Раворы, гигантские, растущие на мелководье деревья, окруженные ореолами светящихся нитевидных водорослей, являлись Символом Элио

А ведь он ясно помнил тот день, когда впервые увидел остекленевшую радиоактивную воронку с черной стоячей водой на дне, что располагалась на этом самом месте…

Вербицкий достал сигарету, размял ее в пальцах и прикурил. Прищурясь, посмотрел вдаль, где у начала пологого спуска к воде возвышался монумент экипажу колониального транспорта «Кривич», совершившего посадку на планету в далеком 2487 году. Все пришлось восстанавливать вновь, собирать по кусочкам, как и частицы собственной, обезумевшей и покрывшейся пеплом души.

Антон слишком хорошо знал, что такое смерть…

Он опять машинально пригладил седые волосы. Сколько раз врачи предлагали ему провести пигментацию, даже настаивали на пересадке от клона-донора, но Антон только махал рукой, ничего не объясняя и не желая говорить на данную тему.

Те, кто следил за его здоровьем сегодня, понятия не имели, когда и как поседел президент. А он помнил…

Ту далекую планету, где сейчас расположен национальный парк Элио, невозможно забыть. Как и расклад — семь на одного, когда он принял бой с эскадрильей вражеских истребителей только потому, что уже был безумен.

Антон поседел всего за одну минуту, когда медленно, сантиметр за сантиметром, вытаскивал свою сорвавшуюся в штопор машину, не ведая, сколько осталось до земли и, вообще, имеет ли смысл эта борьба.

Первая отметина, полученная им на той страшной войне. И какие, к дьяволам Элио, доноры?

Вербицкий предпочитал всегда оставаться самим собой вот уже более ста лет, только многие люди из его нынешнего окружения, а особенно рожденные после войны, не пытались этого понять.

«Да и ладно… — подумал Антон, гася окурок. — К лучшему. Слава богу, уже родилось поколение, которому невдомек наша боль, покореженные души и бред по ночам, когда опять валятся с орбиты кассетные бомбы и негде укрыться, некуда бежать и все, что любил, испаряется на твоих глазах, а потом слепнешь, глохнешь…»

— Сэр!.. — раздался из-за распахнутой балконной двери голос электронного секретаря. — Сэр, идет прием сообщения по каналу Интерстара. Мне разрешить его допуск в систему?

— Иду.

Антон Эдуардович вернулся в кабинет, сел за рабочий стол и активировал терминал.

«Стеллар? — удивился он, просмотрев адрес. — Что это такое, фрайг побери?!»

Он не разрешал вход в систему, а сообщение уже вошло в его компьютер, проигнорировав все защитные программы.

Вербицкий не испугался. Такие мелочи, как чье-то виртуальное вторжение, его уже давно не бросали в пот, но почувствовал досаду — опять техники, мягко говоря, облажались…

— Техническую поддержку в мой кабинет! — бросил он в микрофон интеркома. — Срочно!

«Посмотрим, кто это лезет…» — Антон Эдуардович активировал визуальный канал, и что-то вдруг кольнуло в сердце в ту самую секунду, когда на мониторе вдруг появилось бледное, осунувшееся лицо молодой женщины, за спиной которой, в фокусе передающей видеокамеры, маячил робот-андроид неимоверно древней модели.

Настолько древней, что в груди у Вербицкого защемило, словно из глубин экрана на него дохнуло далеким, несбыточным прошлым.

Такой же дройд был и в их доме еще до войны.

Он перевел взгляд на молодую женщину, которая, не издавая ни звука, смотрела прямо в его глаза, и ее губы вдруг как-то странно искривились, подбородок задрожал и…

— Антон, ты узнаешь меня?..

Голос, прошедший через двадцать световых лет и два цифровых синтезатора, ничего не мог сказать Вербицкому о его хозяйке, но слова ужалили, резанули по памяти, вскрывая ее, словно консервный нож банку с НЗ…

Он, который уже забыл, когда удивлялся или испытывал дискомфортный страх перед людьми, вдруг поперхнулся, и слова вышли из горла как-то хрипло и ненатурально:

— Объяснитесь…

За спиной хлопнула дверь.

— Господин президент…

Вербицкий с досадой отмахнулся, указав техникам на соседний терминал.

— Туда. Отследите канал. Всю аппаратную поддержку на мою линию…

— Антон, я не могу объяснить… — произнесло изображение. — У нас кредита ровно на минуту связи. Я Даша Кречетова, ты прилетал к

моему отцу перед бомбежками Дабога за партией истребителей. Помнишь?

У Вербицкого вдруг закружилась голова. Он вцепился побелевшими пальцами в край приборной панели.

Один из техников, заметив его состояние, вскочил с места с криком:

— Медиков, срочно! Президенту плохо!

Вербицкий продолжал смотреть на экран, а его память, сквозь дымку засевшей где-то в левой половине груди боли, неумолимо выталкивала эти самые черты.

Застенчивая шестнадцатилетняя девочка рядом со своим отцом. Протянутая рука и тонкие, трепещущие пальцы.

— Даша…

Боль уже охватила всю грудь. Он едва различал ее слова:

— Мы в беде… Хьюго сейчас передаст файл с информацией. Антон, помоги, вытащи нас со Стеллара…

«Хьюго?! Точно, их дройда звали именно так, Хью…»

Неимоверным усилием подняв голову, он приблизил губы к микрофону и прохрипел:

— Адрес… Где вы находитесь?! Ее образ вдруг начал таять, связь обрывалась, исчезала…

— Все в файле. Он уже ушел. Что нам делать?

— Сидите на месте. Вас найдут. Сознание помутилось. Чьи-то слова долетали до него сквозь дымку охватившей разум боли.

— Инфаркт!.. Быстрее!.. Реанимационную камеру!.. Живее же!..

Вербицкий с трудом открыл глаза.

Кто-то уже засучил рукав и расстегнул одежду на груди. Со щелчком в вену впился иньектор.

Чьи-то руки приподняли его, уложили на жесткое ложе, и колпак над головой начал опускаться.

— Отставить!.. — собрав все силы, прохрипел Антон. Движение колпака прекратилось. Чье-то лицо вплывало бледным пятном в размытый фокус зрения.

— Антон Эдуардович, вам нельзя…

— Молчать… Старшего техника ко мне… И полковника Фроста, немедленно, где бы он ни был… Еще одно лицо…

— Господин президент… — Это был голос старшего компьютерного техника.

— Получили файл?.. — выдавил Антон.

— Так точно. Там данные по какой-то «Черной луне»…

— Отставить… — Вербицкий не заметил, как перешел на язык военных команд. — Адрес?..

— Есть адрес, Антон Эдуардович, не волнуйтесь!..

— Хорошо… — Он откинулся на жесткий пластик диагностического ложа. Сбоку щелкнул еще один иньектор… С шелестом открылась дверь…

— Антон!.. — Это был голос Фроста.

— Джон… — Вербицкий попытался приподняться на локте, но не смог. — Бери своих ребят… — не открывая глаз произнес он, думая лишь о том, как важно удержать сознание и отдать этот приказ лично. — Лети на Стеллар… Срочно… Технари дадут тебе адрес. Там люди… Женщину зовут Даша, с ней дройд по имени Хьюго… и, по-моему, кто-то еще. Доставь их сюда, Джон, и считай, что это не приказ… Я прошу тебя… быстро… Как сможешь… И чтоб ни один волос…

Он вдруг замолчал.

Вокруг реанимационной камеры засуетились медики. Колпак вновь начал опускаться.

Полковник Фрост подошел к старшему, цепко взял того за плечо и, ни слова не говоря, силой отвел в сторону.

— Как? — спросил он.

— Инфаркт. Кто-то связался с ним по Интерстару со Стеллара.

Лицо начальника контрразведки, и так всегда угрюмое, помрачнело еще больше.

— Отвечаешь за Антона. — Фрост хмуро посмотрел на врача и добавил: — Лично.

Потом повернулся и нашел глазами старшего техника. Тот уже спешил к нему с распечаткой.

— Вот, господин полковник, тот адрес, о котором говорил президент.

— Где это?

— Стеллар, пятый внешний мегаполис. По нашим данным — игорный дом, в подвальном помещении которого какой-то виртуальный притон. Связь осуществлялась оттуда.

— Понятно. — Фрост взял бумажку и, сложив пополам, сунул в нагрудный карман. Потом сел в кресло Вербицкого. — Связь с военным городком и космопортом, — потребовал он.

— Сэр… — Техник все еще переминался с ноги на ногу за спиной начальника контрразведки планеты.

— Что еще? — Фрост обернулся, вопросительно посмотрев на техника.

— Антон Эдуардович приказал держать канал, и мы попутно

просмотрели некоторые файлы со стелларовских серверов. Ну, как обычно.

— И что? — Фрост никогда не отличался красноречием, об этом знали все, но и крутой нрав полковника тоже являлся притчей во языцех, по крайней мере на Элио, и техник терялся, робея перед начальником самого таинственного ведомства планеты.

— Эта женщина, что связывалась с президентом… — сбивчиво начал он. — В общем, на нее найдена ориентировка. Она в розыске вместе с дройдом и каким-то молодым человеком по фамилии Кипли, — одним духом выпалил компьютерный спец.

Фрост несколько секунд молчал.

— Хорошо, я учту. Теперь все?

— Да, сэр.

Техник отошел. Фрост смотрел на монитор, ожидая, пока установится связь. Он знал, что сейчас в разных точках Раворграда компьютеры будят троих человек:

Все они были под стать Фросту — опытные, немногословные и, когда нужно, безжалостные.

Твердо в эту секунду начальник контрразведки Элио осознавал только одно: внезапное задание не обещало быть легким, но если Антон сказал «достань», то он расшибет весь Стеллар, но добудет искомое.

В памяти полковника еще не изгладился тот день, когда его, сопливого сержанта, раненного и в первый раз попавшего под бомбежку, волок на себе капитан Вербицкий долгие десять километров по вонючим болотам Зуракса до самых заветных створов эвакуационного модуля.

Такие вещи не забывают.

Стеллар. Игорный дом «Паллада». Сутки спустя

— Черт, не везет сегодня…

Крупье с выражением дежурной улыбки на лице посмотрел на клиента. Такие игроки ему нравились. И в то же время играть с ними опасно — когда человек просаживает по десять тысяч кредитов за один вечер, то от него можно ожидать и внезапной вспышки гнева, и какой-нибудь пакости, а то и чего похуже…

— Пойду облегчусь… — Дородный дядька в черном костюме, весь пухлый, как и его бумажник, пыхтя, вылез из-за игорного стола и, отирая лоб носовым платком, пошел через зал к туалету.

Двое его телохранителей, натуральные ходячие шкафы, тоже в черном да к тому же в темных очках, двинулись за боссом — один сзади, а другой — впереди, причем первый раздвигал толпу игроков своей мощной грудью,

как ледокол расталкивает льдины, а проигравшийся клиент шел за ним, словно баржа в кильватере.

— Ох не люблю таких молодцов… — покачал головой крупье, наклонясь к дилеру. — Морды каменные, эмоций ноль, и никогда не знаешь — начнут палить или отвалят по-хорошему…

Дилер кивнул, тоже исподволь наблюдая за продвижением примечательной троицы. Действительно, на лице раздвигающего толпу телохранителя не было написано ничего, такое ощущение, что нижняя квадратная челюсть росла у того прямо из-под темных очков. Второй был не лучше. В плечах сантиметров девяносто, не меньше, неудивительно, что толпа расступалась, почти не ропща, идиоту понятно, отчего чуть топорщится ткань дорогих костюмов под мышками у этих верзил.

Наконец вся троица благополучно доплыла до сортира и исчезла за дверями.

— Все, больше за наш стол они сегодня не вернутся, — уверенно предсказал крупье, тут же потеряв всякий интерес к данным персонам.

— Ага… — согласился его напарник, уже стреляя глазами по залу в поисках новой потенциальной жертвы для своего стола.

Вечер начался вполне удачно.

В это время тучный игрок и его телохранители вошли в туалет и, не останавливаясь, одновременно шагнули в три граничащие друг с другом кабинки.

Аккуратно сняв пиджаки, все трое отделили от своих плеч, а неудачливый игрок и с живота, накладные валики. Упав в воду, те растворились мгновенно и без следа.

За пиджаками последовали брюки. Одежда, вывернутая наизнанку, вновь пошла в дело. Очки же, вкупе с темными шевелюрами, последовали вслед, за, накладными валиками в воду. Вместо них появились короткие ежики светлых волос и контактные линзы нейтральных тонов.

В результате из туалета вышли трое подтянутых бизнесменов средних лет, среднего достатка и самой заурядной внешности.

У зеркала они остановились, и тот, что был пониже, наклонился, приглаживая волосы.

— Прямо пять метров, затем направо… — едва слышно произнес он. — Техническая лестница, четыре пролета вниз. Кодовая дверь. Охранника беру на себя.

На лицах его товарищей не дрогнул ни один мускул.

Выйдя из сортира, они на минуту смешались с толпой играющих, а затем один за другим проскользнули в неприметную дверь, что вела в

технический коридор, в спецификациях здания одновременно именующийся «эвакуационной пожарной лестницей» и потому не запирающийся ни в какое время суток.

***

— Ну ты, жирная свинья, отвянь! — Кипли кричал уже больше от отчаяния, чем в надежде, что охранник, призвавший на помощь двух вышибал (очевидно, вспомнил про дройда и решил не рисковать), действительно оставит их в покое.

— Погоди, сынок, сейчас ответишь за свинью… — пропыхтел охранник, навалившись на дверь номера пять, которая оказалась забаррикадирована изнутри. — Твой кредит кончился час назад! — повысил он голос, когда дверь не поддалась с первой попытки. — Лучше выходи по-хорошему, с поднятыми руками, а не то…

— Хватит базарить, Малыш. Один из вышибал, под два метра ростом, в кожаной куртке, из-под которой торчал двухтысячный «мирол» импульсный многозарядный пистолет, обычно комплектующийся разрывными зарядами, от попадания которых остаются лишь кровавые ошметья мяса на стенах, — оттолкнул охранника от двери и, выхватив оружие, поднял ствол.

— Считаю до трех, придурки! — предупредил он. — Потом, если не откроете, сделаю из вас фарш!

— Эй, Бонза, зачем же гадить?! — Охранник, очевидно, уже пожалел, что позвал помощь. — Убирать потом опять мне, да?

— Отвали, Малыш, сегодня не твой день. — Вышибала поднял пушку, нацелив ее на дверь. — Ну?! Один!.. Два!..

В этот момент тонко заверещал звонок.

— Тьфу ты, дьявол!..

Малыш, обрадованный внезапным вмешательством неурочного посетителя, прошипел:

— Убери пушку, Бонза… Вышибала нехотя опустил пистолет.

— Живите еще минуту… — сообщил он запершимся в комнате.

Охранник по прозвищу Малыш отпер тяжелую бронированную дверь притона и тут же попятился, словно его толкнули в грудь. Сделав неловкий шаг, он споткнулся, грохнулся на спину и сразу затих.

В дверном проеме показался приличного вида мужчина средних лет в сером костюме.

Не говоря ни слова, он произвел два молниеносных, беззвучных выстрела, и оба вышибалы рухнули на пол, как два куля с отходами. У

каждого в горле торчало по игле с парализующим составом.

— Первый, все чисто, — произнес он в лацкан своего пиджака.

— Поторопись, — прозвучало в его ухе, — эвакуатор на подлете. Полторы минуты.

— Понял.

Дверь номера пять вылетела с жалобным треском расколовшегося пластика.

Кипли, вооруженный металлической стойкой от вращающегося стула, рубанул ею воздух и, не удержав равновесия, кубарем полетел на пол.

Человек в сером костюме перехватил рукой манипулятор дройда, который пытался атаковать его справа, и, с явным напряжением удерживая его, произнес, обращаясь к бледной как смерть Даше:

— Мэм, я за вами. У нас минута на эвакуацию.

Глава 10

Планета Элио. Неделю спустя

В дверь кабинета осторожно постучали. Вербицкий поднял голову, заметив, как непроизвольно вздрогнула Даша.

— Войдите! — по привычке чуть повысив голос, крикнул Антон. Он сидел в объятиях жесткого диагностического кресла — только на таких условиях врачи согласились выпустить его из больничного отделения дворца.

В дверях показался капитан из отдела контрразведки.

— Разрешите, Антон Эдуардович?

— Входи, Шаволов, что там у тебя?

— Со Стеллара. От нашего резидента.

Антон протянул руку, взял листок с распечаткой и быстро пробежал глазами по скупым строкам расшифрованного сообщения:

«Уровень закрыт. Все причастные лица не покидают охраняемой зоны. Возможность к немедленному внедрению отсутствует».

— Хорошо, капитан, свободен. Фрост тут?

— Да, господин президент, — обернувшись, ответил капитан.

— Пришли ко мне.

— Есть, сэр.

Когда дверь кабинета закрылась, Антон посмотрел на Дашу и сказал:

— Не переживай. Все утрясется. — В голосе Вербицкого промелькнули отеческие нотки.

Даша встала, подошла к нему и крепко сжала в своих руках его ладонь.

— Спасибо, Антон.

Он улыбнулся, но получилось это как-то криво, неловко.

Память и время сыграли с ними злую шутку, и, несмотря на некую духовную близость, оба, и Антон и Даша, терялись, не зная, как вести себя друг с другом.

— Слушай, давай не будем, а? — внезапно предложил Антон. — Слишком тяжело все это. Кто-то умирал молодым, а кому-то пришлось дожить до старости.

— Антон, милый, я просто благодарна тебе, — прошептала Даша. — Надежды уже не было, понимаешь?

— Понимаю…

Вербицкий не мог ответить самому себе, молодеет он в ее присутствии или, наоборот, стареет. Слишком противоестественно и жестоко оказалось содеянное Джедианом Ланге.

— Даша, ты должна найти в себе силы жить. Прежде всего. Я подозреваю, что удары судьбы еще не кончились, но теперь ты дома. Элио — твой дом. Здесь все иначе, чем на Стелларе, мы не вскормлены кровью и не выросли во имя той войны. Мы пережили ее, а в этом, сама знаешь, чудовищная разница. Твой кошмар прошел.

— Нет… — покачала головой Даша, отстранившись. — Там остался Денис.

— Знаю, — Вербицкий нахмурился. — Но мы вытащим его, я обещаю… — Он вдруг замолчал.

Помимо всего прочего, Антон, хотел он сейчас думать о том или нет, оставался президентом планеты и политиком. И с этой точки зрения он понимал, даже после поверхностного ознакомления с той информацией, что принесли в себе Хьюго и Кипли, «Черная луна» — это не игрушка, не безобидный виртуальный эксперимент, все намного страшнее, и возможно, что в недрах странного виртуального комплекса кроется призрак если не новой войны, то очередного жесткого витка противостояния различных сил внутри самой Конфедерации солнц.

Он вдруг подумал, что тяжело было с Воронцовым, но тот оставался до определенной степени открыт и честен, а Джедиан нечто совсем иное — он хитер, скользок и непредсказуем.

В дверь опять постучали, и Даша, взглянув на Антона, вернулась в свое кресло.

В кабинет вошел Фрост, вслед за ним еще двое военных.

— Садись, Джон, — Вербицкий указал рукой на пустующие кресла. — И вы, господа, тоже.

Полковники по очереди поздоровались с Дашей и расселись вокруг стола.

— Докладывай, Джон.

Фрост встал. Подошел к стене и нажал какой-то сенсор на встроенной панели. Часть облицовки скользнула вверх, открывая несколько квадратных метров матового экрана, который осветился, показав панораму глубокого космоса.

— Мы отследили канал телеметрии, — скупо, в своем духе доложил он. — Вот это место. — Огонек от лазерной указки пробежал по черноте, отчеркнув небольшой сгусток тьмы.

В углу экрана побежали цифры.

— Внешне ничего нет, — тем временем продолжил начальник контрразведки. — Но при глубоком сканировании получается вот что. — Он сделал переключение, и сквозь черноту пространства проступили гравитационные и тепловые контуры системы из трех планетоидов, опутанных сетью орбитальных баз.

Взгляд Вербицкого без труда различил контур большинства типовых конструкций. Военная база. Без сомнения.

— Мы знали об этом? — спросил он. Фрост отрицательно покачал головой.

— Нет, Антон Эдуардович. Думаю, что это тот самый «запасной вариант», о котором вскользь упоминал Воронцов при планировании некоторых широкомасштабных операций еще во время войны. Скорее всего база построена и засекречена им в качестве резервной точки, на случай непредвиденных экстремальных обстоятельств. По данным компьютерной обработки снимков, там сейчас двадцать боевых кораблей, но они дислоцированы в космосе, хотя контуры стартовых площадок на поверхности лун просматриваются четко.

— Плохо, — покачал головой Вербицкий. — Еще один козырь из рукава господина Ланге.

Фрост, который, очевидно, принял слова Антона как упрек в адрес своего ведомства, слегка помрачнел.

— Секретность базы предопределена отсутствием солнца, — доложил он. — Данный сектор исторически считается пустым.

Пока он говорил, Антон в задумчивости смотрел на экран.

— Ну-ка, уменьши масштаб… — попросил он. Палец Фроста коснулся сенсора, и картина звезд послушно отпрянула назад.

— Ничего не видишь? — спросил Антон. Джон внимательно изучил изображение.

— Вот, — он резко взмахнул указкой, отчертив продолговатую дорожку мрака, пролегающую меж созвездий, будто гигантская корова языком слизнула оттуда крохотные искорки света, оставив лишь пустоту.

Два полковника заерзали в креслах, Даша невольно подалась вперед.

— Два вопроса, — произнес Антон, обращаясь сразу ко всем: — Куда исчезла звезда только что продемонстрированной нам системы трех лун и каким образом можно объяснить эту дорожку мрака?

— Сэр, указанная вами полоса пустоты известна давно, — вступил в разговор один из офицеров, — она даже получила сходное название «Рукав Пустоты». Что касается остального…

— Полковник, я знаю про «Рукав Пустоты», — перебил его Антон. —

Но теперь я хочу знать, как сочетаются новые сведения со старыми и есть ли вытекающие отсюда выводы? Сколько времени нужно вашему ведомству на анализ?

— Сутки, господин президент.

— Хорошо. Я дам вам сутки. — Вербицкий перевел взгляд на Фроста. — Ты готов доложить по Стеллару?

— Нет. Детали операции еще уточняются. Наш резидент не смог проникнуть на уровень.

— Хорошо, Джон, готовься. Мы не можем допустить срыв из-за спешки. А вы, господин Киото? Есть сдвиги?

— Да, сэр. Анализ изображения гуманоидных существ позволяет сделать точный вывод — они обитали в водной среде на планете со средним значением гравитации. Кислорододышащие, живородящие, теплокровные. Никаких аналогий с эволюцией приматов. Абсолютно самостоятельная ветвь разумной жизни.

— Разумные? — переспросил Вербицкий. — Вы уверены?

— Налицо все вторичные признаки, сэр: большой объем головного мозга, развитые передние конечности, приспособленные для выполнения тонких манипуляций, и еще… при многократном увеличении и детализации полученного изображения на их «головах» ясно различаются следы электродов. Отпечаток, абсолютно характерный для случаев использования мощного мозгового сканера.

Вербицкий слегка побледнел.

— Ланге экспериментировал над ними? Считывал память?

— Очевидно, господин президент. Некоторые внешние повреждения в районе груди говорят в пользу того, что сначала следовала попытка реанимации, а затем мозгового сканирования.

Антон покачал головой.

— И в центре всего этого — Денис Велехов… Солдат, офицер космического флота, который давно оплакан и забыт. Тоже реанимированный и подключенный к неким генераторам фантомной реальности… Не находите аналогий, господа? — Он поднял взгляд, посмотрев на подчиненных. — Ровно сутки, — не дождавшись ответа, произнес он. — Ни часом больше. Поднимите на ноги всех специалистов, всю технику, все доступные мощности. Я хочу, чтобы информация, полученная со Стеллара была разобрана по байту, проанализирована, чтобы были выявлены все возможные аналогии… — Он перевел взгляд на начальника космической навигационной службы флота. — То же самое касается и вас. Исследуйте данный участок космоса любыми доступными

средствами. Через сутки я жду подробный доклад.

Когда оба сопровождавших Фроста полковника вышли, Антон повернулся к начальнику контрразведки Элио и внезапно произнес:

Боюсь, Джон, что мы ошиблись в оценке Джедиана Ланге. Возможно, что речь идет о войне…

***

— Я не могу… — Даша стояла на берегу залива Эйкон, глядя, как пологая маслянистая волна бежит к ее ногам, жадно пожирая песок отлогого пляжа. — Антон, ведь я думаю, что он погиб из-за меня, понимаешь?

— Почему ты так решила, Даша? — спросил Вербицкий, осторожно обняв ее за плечи.

— Я вспомнила… Память возвращается медленно, кусками… — призналась она. — За секунду до смерти я слышала его голос. Он прибежал в оранжерею «Европы» за мной и Хьюго, ведь мы не стали эвакуироваться…

— Вполне резонно, — согласился Антон, который знал, что такое готовящийся к бою корабль. И как действуют на экипаж пассажиры, оказавшиеся в тот момент в незащищенных отсеках. — Он был старшим офицером корабля и отвечал за твою жизнь.

— Я понимаю. Только думаю о нем и не могу… Дышать, жить, понимаешь?! Все время перед глазами стоит та сфера и провода, провода… И еще этот Бейкер…

— Даша, мне тоже тяжело… — признался Антон. — Но придется терпеть. Этот узел не рубануть с маху. Беды будет — сама не представляешь. Дениса просто так не вырвать… И делать это нужно с умом, иначе погубим его, понимаешь? У нас будет только одна попытка, Я думаю нанести двойной удар… Один в нашей реальности, а второй в виртуальной. — Антон вдруг усмехнулся, глядя, как стекает к горизонту кровавой каплей солнце. — Твой Кипли — молодец, быстро вжился. Сидит с моими спецами, колупает Хьюго… будто всю жизнь только тем и занимался.

— Он компьютерный техник. Окончил университет Стеллара.

— Да, знаю, беседовал с ним. Сволочь все-таки Джедиан, сколько народу запер на Стелларе и сам не использует, и нам не дает, — с досадой произнес Вербицкий.

Менять нужно все, Даша, войну мы выиграли, а страх остался… В крови… На генетическом уровне. Сидим, закупорившись, за орбитальными

комплексами, каждый в своей норе, и косимся по сторонам. А кто? А вдруг?.. Она кивнула, продолжая думать о своем.

— Ты сказал про виртуальный удар, — она повернулась к Вербицкому, маленькая, худая, с короткой стрижкой, едва по плечо своему ровеснику, абсолютно седому, плотному старику, с глазами, которые окружала сеточка морщин. — Что это значит?

— Может, я неверно высказался… — Антон присел на камень, что образовывал цоколь памятника на месте посадки колониального транспорта «Кривич». — Но думаю, что Дениса нужно предупредить, ведь, судя по всему, он не подозревает о том, что живет в виртуальном мире, иначе зачем его окружили столь великолепно выполненными фантомами?.. Мы не знаем, что он делает там, но уверен, ему невдомек истинное положение вещей. Представляешь, что будет, если просто рвануть его оттуда?

— Он сойдет с ума… — тихо, но уверенно ответила Даша, которая уже пережила подобный шок на далеком Дабоге, когда ее вырвали из-за пультов, откуда ее мозг управлял орбитальными боеголовками, чтобы увести на последний стартующий с обреченной планеты корабль.

— Вот и медики говорят то же самое. Он должен быть морально готов к переходу в реальный мир, к тому, что его будут выдергивать со Стеллара, и боюсь, что пройдет эта операция далеко не мирно…

— А если оставить все как есть? Неужели ты, президент, соправитель Конфедерации, не можешь нажать на Джедиана, припереть его к стене? Разве он не должен нести ответственность за то, что творит?!

— Должен… и понесет! — резко ответил ей Антон. — Но Джедиан — это не я и не ты. У него другие принципы. Он убьет Дениса не задумываясь, стоит только намекнуть, что информация о его эксперименте просочилась… Нет, Даша, потому я и говорю, у нас будет только один шанс. Если не вырвать Дениса с первой попытки, он обречен.

— Тогда туда должна идти я… — побледнев, произнесла она.

— Куда? — Вербицкий вскинул голову.

— В виртуалку, — тихо ответила Даша. — Он не поверит еще одному фантому. Никому. Только мне.

— Даша, тебе нельзя, ты…

— Я пойду, — оборвала она Вербицкого. Антон, занервничав, встал,

— Ну почему ты решила, что он поверит именно тебе?

— Я знаю, — упрямо ответила Даша.

— Почему?

— Антон, я люблю его… — Она неожиданно всхлипнула, с трудом

сглотнув подкативший к горлу удушливый ком… — Там, на «Европе», он не успел, потому что стоял и смотрел на меня… Я видела… Мне показал Хьюго…

Вербицкий почувствовал, как вдруг расплылся перед его глазами горизонт, и закатные краски уходящего дня смазались, задрожали.

«Старею…» — подумал он.

И тут же пришла совсем другая мысль.

На земле еще остались такие чувства, что рвут душу на клочки, когда внутри все болит, ноет от простых, давно знакомых слов, а ты пьешь эту боль, и еще сильнее хочется жить…

«Значит, мы умирали не зря… — внезапно подумал Антон, глядя, как медленно гаснет закат. — И все это не понапрасну, как выросшие на месте ядерной воронки раворы, как пепел, что способен рождать любовь…»

Он обнял Дашу за плечи, как отец мог бы обнять дочь.

— Ты пойдешь… — тихо пообещал он. — Мы все пойдем…

***

За сутки, что отвел Антон на подготовку операции, военная машина развитой планеты, какой, бесспорно, являлся мир Элио, способна на многое, но в данном случае аппарат военного ведомства превзошел сам себя, задействованы оказались тысячи человек, сотни машин, и эффект от такой мобилизации сил не замедлил сказаться на результате.

Поэтому второе совещание, что состоялось в президентском дворце, оказалось намного многолюднее и содержательнее предыдущего.

Первым к обширному экрану информатория вышел полковник Загель — глава навигационного ведомства планеты.

На этот раз в стереообъеме по его приказу была спроецирована карта всей Галактики.

— Господа, — начал он свое сообщение, — нами проведен анализ пустот, как расположенных между спиральными рукавами Галактики, так и обнаруженных за столетия исследований внутри них. При этом общий анализ всех имеющихся данных выявил удивительную аналогию, на которую раньше не обращали внимания из-за отсутствия мотива подобного исследования. Прошу, посмотрите на этот срез объемной карты.

Загель переключил изображение, и все присутствующие увидели не совсем привычный ракурс поперечного среза, сделанного под углом в пятнадцать градусов к общепринятой плоскости эклиптики звездного сообщества, на окраине которого, на планете Земля, зародилось человечество.

— Нас интересует именно тот спиральный рукав, в котором расположена Земля, — пояснил полковник. — Обратите внимание, от ядра Галактики к периферии идет четкая, неравномерно изогнутая череда пустот, один фрагмент которой известен по навигационным картам, как Рукав Пустоты. Тщательное сканирование, проведенное нами по всей протяженности пустот, а также подробный анализ уже имевшихся в архивах сведений позволяют с уверенностью заключить: в этих пустотах расположено не менее десятка планетных систем без звезд, аналогичных системе Черной луны.

При этих, словах по рядам собравшихся пробежал легкий вздох.

— Более того, если соединить разорванные участки пустот, — Загель коснулся сенсора, и меж чернильных провалов, через наполненные звездами участки пролегла пунктирная линия, — то мы увидим, что звезды, находящиеся в непосредственной близости от пунктира, не имеют планет или, в лучшем случае, вокруг них расположены жидкие астероидные пояса, состоящие из планетных обломков.

Эти слова уже были встречены гробовой тишиной. Каждый присутствующий в информатории был знаком с космосом не понаслышке, и то, что в двух словах обрисовал Загель, произвело эффект разорвавшейся бомбы…

Все без исключения оказались оглушены очевидностью изложенных фактов.

Тем временем полковник, который уже имел время заранее переварить свое потрясение от открытия, продолжал:

— Таким образом, следует предположить, что около трех миллионов лет назад какая-то неизвестная нам катастрофическая сила начала свое движение от ядра Галактики к периферии, вдоль того рукава, на окраине которого расположена Земля. — Загель откашлялся, давая присутствующим усвоить сказанное. Заметив, что шок от его утверждения несколько прошел, он развил дальше начатую мысль: — Этот путь отмечен либо отсутствием планет в тех системах, где по всем признакам они должны быть, либо исчезновением самих звезд, что наблюдается в десятки раз реже.

Смею предположить, что обозначенная мной неведомая нам сила уничтожала только планеты, а отсутствие звезд — это следствие противостояния ей некой разумной цивилизации, которая таким катастрофическим, неадекватным образом пыталась остановить эту гибельную для планетных систем миграцию…

Загель закончил, вопросительно взглянув на офицеров, и поразился той глубокой тишине, что наступила после его слов.

Первым от звездной карты оторвал свой взгляд Вербицкий. Антон Эдуардович уже подозревал нечто подобное, но мысль, столь очевидно подтвержденная фактами и высказанная вслух., поразила и его.

Древняя раса. Галактическая катастрофа…

— Полковник, вы употребили термин «миграция», — уточнил он, нарушив тишину. — Почему? Разве речь идет о животных?

— Думаю, что да, господин президент, — ответил Загель, который оказался готов к данному вопросу. — Иначе трудно объяснить с точки зрения здравого смысла столь разрушительное и растянутое на века продвижение, — пояснил он. — Вы приказали искать аналогии, и я нашел только одну — стадо животных, мигрирующих по исторически сложившемуся маршруту, способное вытоптать, сожрать и выпить буквально все на своем пути, оставив после лишь бесплодную пустыню. Но если в нашей реальности на какой-либо планете упомянутое мной в качестве примера катастрофическое шествие стад встретит на своем пути поселение людей и сметет его, разве мы не будем реагировать адекватным образом, стремясь либо остановить миграцию, либо направить ее в иную, более безопасную для поселений сторону, либо, на худой конец, уничтожить стадо?

Ответ показался Антону столь убедительным, что он не стал возражать.

То, что науке не было известно ни одного вида животных, исторических либо современных, которые бы обладали такой колоссальной разрушающей силой и имели способность перемещаться в пространстве, ничего не доказывало.

Еще вчера оставался тайной сам факт существования планетных систем без звезд, а сегодня их нашлось больше десятка, стоило лишь копнуть…

— Хорошо, полковник, спасибо.

Следующим к экрану вышел Фрост.

Антону показалось, что Джон выглядит намного мрачнее, чем обычно, словно слова Загеля породили у того какие-то мрачные предчувствия.

— Нами произведена детальная разведка системы Черной луны, — отрывисто произнес он. — Три планетоида, покрытые серой субстанцией, предположительно шлакообразной природы, вращаются вокруг единого центра масс. Между ними расположены орбитальные станции, которые поддерживают некие невидимые глазу силовые конструкции в виде сфер.

Фрост включил экран и продемонстрировал схематичное изображение компьютерной модели.

— База со всех сторон обложена пространственными минными полями, — продолжил пояснять он. — На второй планете, неподалеку от открытых стартовых площадок для космических кораблей, в данный момент ведутся какие-то раскопки либо глубинные строительные работы. Но самое любопытное обнаружено не на лунах, а между ними, внутри одной из десятка силовых сфер. К сожалению, разведывательный корабль не смог подойти на дистанцию визуального контакта, но со стопроцентной гарантией установлено два факта.

Первое. Канал телеметрии со станции гиперсферной частоты транслируется на некие приемные устройства, расположенные на втором планетоиде, в районе, где как раз и производятся раскопки.

Второе. Внутри одной из силовых сфер зафиксированы четкие тепловые контуры неопознанных шарообразных объектов размерами до тридцати-сорока метров в диаметре, находящихся в постоянном, хаотичном, но произвольно меняющем свои направления движении…

— То есть эти объекты сами меняют траекторию своего полета, вне зависимости от столкновений друг с другом? — уточнил Антон.

— Они не сталкиваются… — мрачно ответил Фрост. — Ни друг с другом, ни со стенками силовой сферы. Но находятся в постоянном движении… — подтвердил он.

Десять высших офицеров Элио и один достаточно пожилой ученый, что помимо Даши и Вербицкого присутствовали в зале, одновременно испытали очень схожее чувство — всем показалось, что перед ними приоткрылся краешек той бездны, куда спустя совсем немного времени предстоит рухнуть, если не всем, то многим…

— Это могут быть те самые существа?! — спросил Вербицкий, посмотрев на Загеля.

— Возможно, господин президент.

— Но откуда?!

На этот вопрос ответил экзобиолог, единственный ученый среди собравшихся военных.

— Сэр, — обратился он президенту, — полковник Фрост час назад уже задал мне этот вопрос, и потому я тут. К сожалению, я не могу развеять тревогу собравшихся. Такое возможно в том случае, если данные существа — простейшие древние организмы, как бы допланетная ветвь эволюции, существование которой допускает современная наука. В теории они были предсказаны полвека назад профессором Раменским из государственного университета Кьюига. По его теории, они должны представлять собой некие сгустки протоплазмы, первичной материи, из которой позже

выделились все остальные вещества с высвобождением громадных порций энергии…

— Говоря проще, кусочки Большого Взрыва, каким-то образом не распавшиеся на составные элементы, а закрепившиеся на биологическом уровне… — мрачно пояснил пространную мысль профессора Фрост.

— Хорошо, допустим… — Вербицкий поднял обе руки. — Но сейчас?! Откуда они взялись в современности, эти амебы первобытного космоса?!

— Науке известны факты существования простейших организмов, которые в цистовом состоянии дрейфуют в космосе на частичках межзвездной пыли, в ядрах комет, в веществе астероидов на протяжении миллионов лет, а попав в благоприятную среду, возобновляют свой жизненный цикл.

— Их нашли, — вновь подытожил мысль ученого Фрост. — Что гадать, Антон Эдуардович. Все идет одно к одному. Покрытые шлаком планетоиды без солнца, раскопки, силовые клетки… Откопали этих зародышей, или, как там, цисты, — и теперь вскармливают!..

— Да, господин президент, боюсь, что полковник Фрост прав, — подтвердил экзобиолог. — Если это те самые, предсказанные Раменским существа, то они питаются веществом, все равно каким, кроме чистой энергии, разумеется. И часть из них в момент катастрофического взрыва звезды вполне могла выжить, свернуться в сверхпрочные коконы и в конце концов выпасть в шлак этой самой Черной луны и лежать там… В таком случае господин Загель оказывается абсолютно прав в своем видении катастрофы миллионолетней давности. Миграция подобных существ по галактическому простору могла сметать целые планеты, и, заметьте, им было все равно, населены те или нет.

— В таком случае господин Ланге рехнулся… — вне себя от ярости негромко добавил Фрост.

Внезапно Вербицкий встал, подошел к интеркому и что-то сказал в микрофон. Потом обернулся к собравшимся, от которых не укрылось, как смертельно бледен президент.

— Господа офицеры… — глухо произнес он. — У нас стройная и страшная теория, но нет ни одного неоспоримого факта. К настоящей Черной луне ведет одна ниточка — это канал телеметрии, связывающий лейтенанта Велехова с устройством на поверхности покрытого шлаком планетоида. Правильно мы предугадали ход событий или нет, но он — единственный ключ к данному узлу проблем. К тому же господин Ланге осуществляет над ним опыт, противоречащий не только моральной этике

Элио, но и элементарным Правам человека, декларированным еще на Земле нашими далекими предками. — Антон хмуро посмотрел на собравшихся и заключил: — С этой секунды я объявляю чрезвычайное положение. Сейчас никто не покинет президентский дворец вплоть до окончания операции по извлечению Велехова со Стеллара. Режим строжайшей секретности должен быть соблюден всеми доступными средствами. Если тут прозвучала хоть сотая доля правды… — голос Антона внезапно охрип… тогда я затрудняюсь прогнозировать даже ближайшее будущее всего человечества.

Форт Стеллар. Нижние горизонты

Рабочий в ярко-оранжевой робе, с пластиковой каской на голове и маленьким кейсом в руках вышел из технического тоннеля и плотно затворил за собой массивный люк.

— Первый на исходной, — тихо произнес он в пустоту.

Не дожидаясь ответа, он бросил мимолетный взгляд на хронометр и спокойно пошел к развилке пешеходных тоннелей, где было на удивление пусто, лишь два человека в черной униформе спецподразделения службы внутренней безопасности форта проверяли документы у молодой пары.

Парень, которого, очевидно, задел грубый тон сержанта, что-то начал горячо говорить, даже попытался взмахнуть руками, но хмурый взгляд третьего члена патруля, что стоял чуть в стороне, страхуя проверяющих, убедил молодого человека в полной несостоятельности его праведного гнева.

Парень осекся, покосившись на темный, с небольшой вы щербиной на срезе зрачок ствольного компенсатора ФЛАУ-винтовки, что был нацелен прямо в его грудь, и почел за благо заткнуться. Его подруга стояла смирно, лишь нервно стреляла глазами по сторонам. Реакция молодых людей казалась вполне естественной, война ведь уже давно закончилась, и они не застали обычных в военные дни тотальных проверок, когда одна только подозрение в твоей неблагонадежности могло привести к трагическим последствиям.

Очевидно, на подземной территории Форта Стеллар опять случилось нечто такое, что позволило парням в черной униформе выйти на улицы. Один взгляд на их осанку, движения, профессиональное равнодушие, с которым они выполняли свою работу, заставлял обычных служащих уровня робеть и теряться, потому как по облику этих ребят становилось ясно: случись что, и палец такого солдата не дрогнет на спусковом крючке…

Рабочий в робе ремонтной бригады электросетей продолжал спокойно

шагать к перекрестку.

До начала операции оставалось пятнадцать минут, а между ним и комплексом «Черная луна» — всего триста метров.

Элио, компьютерный центр президентского дворца

— Канал будет открыт через две минуты! Вербицкий посмотрел на часы.

— Они начали, Джон? — спросил он у Фроста, который, словно статуя, застыл у соседнего терминала.

Наконец тот, очевидно, дождавшись какого-то сигнала или сообщения из компьютерной сети Интерстар, обернулся и доложил:

— Мои люди пошли. Пятнадцать минут до контакта!

Антон повернулся к Даше, которая утонула в специальном кресле. Ее волосы уже были убраны под виртуальный шлем. Оставалось только опустить на глаза темный щиток жидкокристаллического монитора. По груди и плечам Даши струились шлейфы интерфейсов. Антон знал, что на создание ее фантомного образа в виртуальном пространстве и взлом канала телеметрии, через который она должна будет проскочить в компьютеры Стеллара, сейчас работали все электронные машины южного полушария Элио вкупе с двумя орбитальными процессорными станциями поддержки и еще одним комплексом, что обеспечивал бесперебойный канал Гиперсферной Частоты.

Над проблемой ее входа в виртуальную реальность работали лучшие компьютерные специалисты планеты. Антон справедливо подозревал, что сейчас будет создан прецедент виртуальной атаки, но в данный момент его мысли касались несколько иных вещей.

— Шестьдесят секунд! — предупредил оператор связи. — Пошел обратный отсчет!

Даша подняла глаза, в последний раз взглянув на Антона.

— У тебя десять минут… — напомнил он. — Мы будем рядом!.. Люди на Стелларе уже начали. Через десять минут они войдут в лабораторию.

Она молча кивнула, опустив на глаза темный, поляризованный в одну сторону щиток.

— Десять секунд!.. Семь!.. Пять!.. Три!.. Канал!

Тело Даши дернулось в кресле, будто ее пронзило током.

Перед глазами разлился ослепительный, пульсирующий свет, но она не зажмурилась, лишь вздрогнула, когда адская воронка виртуального перехода потянула в себя ее разум.

— Все в порядке. — сержант вернул электрику пропуск. — Можно идти, — добавил он, отвернувшись.

Человек в оранжевой униформе легко поднял маленький кейс с инструментом и спокойно пошел дальше.

У самого входа в секретную лабораторию номер один дежурил усиленный наряд. По приказу Джедиана по обе стороны тяжелой бронированной двери установили два переносных бронепластиковых бастиона.

Ланге не знал, куда исчезла Даша со своим дройдом и молодым хакером после неудачной попытки вторжения в виртуальный комплекс. Принятые им меры по розыску были направлены в основном на то, чтобы не дать беглецам уйти со Стеллара. Каждый человек, покидающий планету, проходил проверку, все каналы межпланетной связи прослушивались, но это было предпринято с некоторым опозданием. Ланге не подозревал, что Даша связалась с Вербицким по Интерстару спустя пятнадцать минут после того, как были выбиты двери той квартиры, где они укрывались до попытки вторжения в реальность «Черной луны».

Он был уверен, что беглецы, как говорится, «залегли на дно» тут, на Стелларе, где-нибудь у дружков Роберта Кипли, и их обнаружение — лишь дело времени. Усиление же режима он ввел для подстраховки, затем, чтоб не мучиться по ночам сомнениями и головной болью.

Лейтенант подле пластикового бастиона зевнул, облокотясь о бронированный скат бруствера. На четырех мониторах жило изображение прилегающих к комплексу тоннелей. Улицы в большинстве оказались пусты, лишь патруль, несколько случайных прохожих да рабочий-электрик в оранжевой робе нарушали сонную неподвижность уровня.

Лейтенант опять зевнул. Накануне у него выдалась достаточно бурная ночь, проведенная им с подружкой, и теперь ему смертельно хотелось спать.

Внезапно, нарушая его дремотный покой, один из экранов вдруг вспыхнул и погас.

— Что за черт… — Лейтенант наклонился к микрофону. — Центральная, тут пост номер семь. У меня нет изображения с камеры три — восемь — ноль!

— Сейчас посмотрю, — раздалось в ответ. — Секунду. В динамике связи что-то щелкнуло.

— Линия исправна, — после небольшой паузы ответил оператор, сидящий в зале компьютерного контроля коммуникаций. — Объявить тревогу, сэр? — осторожно осведомился он.

Лейтенант поднял глаза и взглянул поверх бруствера бастиона. Вот он, этот участок тоннеля, с которого вдруг пропало изображение, прямой как стрела, прямо под носом. Мысленно представив себе кучу объяснительных и рапортов, что придется написать после смены, он отрицательно покачал головой и сказал ожидающему ответа оператору:

— Нет, не стоит. Я вижу отключившийся участок. Лучше пришлите кого-нибудь, пусть посмотрит монитор.

— О’кей!

В техническом коридоре человек в форме компьютерного техника выдернул контакт из кабеля связи.

Его вполне удовлетворил диалог лейтенанта и оператора.

— Второй на исходной, — произнес он. — Начинаю движение.

Тишина.

Ее так глубоко поразила эта вполне обычная, характерная черта окружающего вакуума, что на мгновение Даше почудилось, будто она оглохла.

И вдруг инстинктивный, панический ужас хлестнул по нервам, как кончик электрошокового хлыста по обнаженной коже.

ВАКУУМ?!

Ее грудь резанул спазм.

Руки взметнулись вверх в рефлекторном стремлении пережать собственное горло, удержать в легких хоть каплю воздуха…

Нет!!!

Она вскочила на ноги, зацепив полубезумным взглядом бредущую неподалеку фигуру в бронированном скафандре, но тут же рухнула на колени, все еще сжимая руками собственное горло. Нет!!!

Это не реальность! ТУТ НЕТ ВАКУУМА!

Серые частички шлакообразного реголита, что взвесью поднялись от ее конвульсивных движений, медленно, нехотя оседали назад, повинуясь слабой гравитации планетоида.

ЭТО ЛИ НЕ РЕАЛЬНОСТЬ?!

Стоя на коленях в образовавшейся от ее возни воронке, Даша с отчаянием ощущала, как мертвые когтистые пальцы виртуалки входят в ее мозг, сжимая разум, не давая дышать… Она слишком долго считала именно

такой мир своей единственной реальностью.

А отпущенные ей секунды утекали, безвозвратно и бессмысленно.

Ее предупреждали… Ей предлагали виртуальный скафандр.

Она сама отказалась. Слишком мало времени отпущено ей, чтобы демонстрировать Денису керамлитовую оболочку, за которой прячется смутно знакомое, а быть может, прочно забытое лицо.

Денис…

Даша медленно оторвала занемевшие пальцы от горла.

Фигура в броне поднималась на гребень небольшого кратера всего в сотне метров от нее.

Это он.

Канал телеметрии, через который происходило внедрение, мог вышвырнуть ее только к нему.

Даша встала, машинально отряхнув подол того самого платья, в котором встретила свою смерть.

«Виртуальную копию…» — мысленно поправила она сама себя, чтобы окончательно расставить все точки над «и» в сложном противостоянии физических инстинктов…

Дышать не нужно… Как хочешь… просто забыть об этом. Некогда. Незачем…

Она сделала первый шаг, внутренне содрогаясь от той РЕАЛЬНОСТИ ощущений, что испытывал ее фантом.

Ноги тонули в сером шлаке по самую щиколотку.

Облачка праха оставались за ней ровной дорожкой фантасмагорических растений.

— Денис! — Она вытолкнула его имя вместе с остатками кислорода из опустевших легких и вдруг вдохнула, свободно, естественно…

Она просто забыла, что тут нет воздуха. Забыла, что в вакууме он не может услышать ее, кричи не кричи…

А она крикнула. И вдохнула.

Что-то изменилось вокруг.

Даша не могла видеть, как на Элио, в компьютерном центре, вдруг возник маленький переполох.

Программы «Черной луны» внезапно начали видоизменяться приспосабливаясь к новому фантому, словно подались под напором воли Даши, капитулировали, почувствовав силу…

Только программисты за пультами да Хьюго, что был подключен к центральному терминалу, не дрогнули.

Они знали, что происходит.

Они ломали реальность «Черной луны», не давая Даше задохнуться, делая так, чтобы Денис услышал, оглянулся…

И он услышал.

Бронированная фигура вдруг замедлила движение и начала поворачиваться.

Даша увидела сквозь полупрозрачный щиток шлема смутные черты его лица и побежала.

Она не заметила, как сбоку, в километре от нее, в черное небо взметнулась пыль от резкого разворота еще и одной фигуры в броне.

И с другой стороны тоже.

И сзади, за выпуклым загривком скафандра Велехова, сквозь сероватую мглу прорезалось еще несколько контуров в броне.

Девять фантомов неслись к нему со всех сторон, и их единственной целью была она, Даша.

— Денис! Открой забрало… Прошу… Он смотрел на нее расширенными, безумными глазами, как смотрят на видение, мираж…

— Нет… — прочитала она по движению его губ.

— Денис, ты слышишь меня?! Кивни, если да! Фигуры в броне уже пробежали треть расстояния. Неизвестно, что творилось в сознании Велехова, но он медленно склонил голову.

— Слушай… — Даша торопилась. Мысли пугались, а изо рта вырывались и таяли крохотные облачка воздуха, как пар на морозе… — Денис, вокруг тебя ложь! Виртуальная реальность! — Даше казалось, что она сейчас задохнется, так бешено билось сердце, так стремительно убегали секунды, так безвозвратно… — Мы с тобой погибли на «Европе» вместе, в один миг нас превратило в один кусок льда… Потом нас оживили — тебя и меня. Спустя сто лет. Война закончилась, но грядет новая, и ее разжигают с твоей помощью…

— Я не верю… — медленно и ясно выговорили его губы. — Ты мираж…

— Это ты мираж! — Дашей вдруг овладели отчаяние и злость, — В тебя играют, понимаешь?! Смотри, твои друзья несутся меня убить! Они тоже видят миражи?! Да и не друзья они тебе, а сторожевые псы, программные фантомы!

Денис резко обернулся.

Фигура Грина была всего в ста метрах от них. Велехов узнал сержанта по размалеванной броне, тот, дурачась перед высадкой, раскрасил ее в камуфляж.

Правая рука сержанта с укрепленной на ней безоткатной вакуумной пушкой была нацелена на Дашу.

— Грин, стой! — закричал Денис, бросаясь вперед.

Пушка чуть дернулась, один раз, другой, третий…

Снаряды ударили в скафандр Велехова, с глухим, зубовным треском проламывая себе дорогу сквозь керамлитовые пластины брони.

Еще секунду он видел перекошенное лицо Грина, а потом серая поверхность луны вдруг опрокинулась перед глазами, и он, падая, машинально нажал спуск залпового огня.

…Странно, но боли не было.

Сквозь расколовшееся забрало шлема виднелись звезды и лицо Даши, близкое, несбыточное, желанное и страшное одновременно.

— Милый!.. — Она рухнула на колени подле него, приподняв голову Дениса. — Тебе не больно?.. Дыши, умоляю, дыши!..

Воздух вырывался из ее рта вместе со словами и тек, презирая законы физики, прямо к нему, сквозь зазубренную по краям пробоину в стекле его шлема, и он дышал…

Он вдруг почувствовал, как вся нереальность этой чертовой луны находит свое место в его сознании, подтверждая ее безумные слова…

— Даша…

— Молчи… — Она склонилась еще ниже, словно заслоняя его от других бронированных фигур, что подбежали уже почти вплотную, но не стреляли, опасаясь задеть Дениса, которого были обязаны защищать.

Разорванный прямым попаданием ракеты труп Грина валялся кровавыми ошметьями брони на сером реголите.

— Слушай меня, Денис! — Даша знала, что истекают их последние секунды. — Ты на Стелларе, под землей. Сейчас тебя будут освобождать в настоящей реальности. Не сопротивляйся, прошу, тебя вывезут, вырвут…

— Даша… — Он дернулся, пытаясь привстать. — Что с тобой?! — Он выкрикнул этот вопрос, но для нее этот крик прозвучал как нежный шепот. — ГДЕ БУДЕШЬ ТЫ?!

— Я жива, Денис, мы встретимся… Обязательно, только прошу, выдержи. Поверь, не умирай.

— Где?! — глядя в ее лицо, хрипло выдавил он, словно сейчас в этом вопросе сосредоточился весь смысл его жизни.

— На Дабоге… — Это слово вырвалось у Даши неосознанно, против ее воли, но разве могла она думать об ошибках в этот момент?! — Там наступила весна, Денис… — сама не веря своим словам, успела

выкрикнуть она, а потом тяжелые фигуры навалились на них, оторвали друг от друга, швырнули в разные стороны и…

В сознании Даши вновь вспыхнул ослепительный свет.

Она возвращалась.

Часть IV ДЕНИС

Глава 11

Форт Стеллар. Нижние уровни. Район секретной лаборатории номер один

Как сказал кто-то из древних: «Быть постоянно бдительным может только пес…». Лейтенант Дмитрий Зорин, что дежурил в этот час подле тяжелых дверей лаборатории номер один, никогда не слышал подобной поговорки, но и к категории псов себя не относил. И вполне правильно. Он обретался между двух пластиковых укреплений уже в четвертый раз за последнюю неделю, и ему успел порядком осточертеть и сам пост, и сонный покой всего уровня. «Кто сюда полезет, через столько охраняемых зон?» — вполне логично подумал он, глядя на погасший экран. Это недоразумение с монитором оказалось наиболее крупным происшествием во вверенном ему районе.

«Вон, кстати, и технарь ползет…» — дурея от скуки и непреодолимого желания спать, отметил про себя он, протянув, руку к коммуникатору.

В этот самый момент техник в форме компьютерного обеспечения появился на перекрестке, в пятидесяти метрах от бастиона.

— Диспетчерская, тут ваш человек, — проговорил Зорин, глядя на техника, которого остановили постовые. — Номер джи-17-игрек-45, — прищурясь, сообщил он, посмотрев на нагрудный знак специалиста. — Что? Да, добро, позвоню, когда закончит. — Лейтенант опустил коммуникатор и крикнул: — Эй, Шевцов, пропусти его, все в порядке.

Солдат в черной униформе посторонился, пустив техника в узкий проход меж двух автоматических огневых установок, чьи стволы возвышались над покатыми пластиковыми брустверами.

Тот, не глядя по сторонам, прошел вперед и, только оказавшись внутри правого бастиона, осведомился, озираясь:

— Что сломалось, господин лейтенант?

— Вон… — Зорин указал на темный монитор.

В это время один из солдат, тот, кого лейтенант назвал по фамилии Шевцов, тоже, очевидно, скучая, отделился от бастиона и подошел к электрику в оранжевой робе, который продолжал сосредоточенно копаться в нише стены за перекрестком коридоров.

— Ты что это сюда приволокся с чемоданом, а? — нарочито громко и грубо произнес он.

Лейтенант, услышав его слова, посмотрел в амбразуру.

Шевцов стоял в конце коридора, а электрик показывал ему содержимое своего маленького кейса. Дмитрий даже отсюда разглядел аккуратно разложенные в гнездах отвертки, кусачки, куски провода, смотанные в маленькие бухточки…

— Эй, Шевцов, ну-ка вернись на пост! — разозлившись, крикнул лейтенант. — И подойди-ка ко мне, солдат!

Рядовой, оставив в покое электрика, медленно развернулся и пошел назад, к бастиону, удерживая за пластиковое цевье свое оружие с урезанным прикладом.

В душе Зорина вскипела злость. Дмитрий и так ненавидел караулы, а тут еще, не предупредив, в состав наряда впихнули этого хамоватого и самоуверенного типа, который занял место внезапно заболевшего сержанта его взвода.

«Придется поучить…» — уже не пытаясь сдержать скопившееся в душе раздражение, подумал лейтенант, глядя сквозь узкую амбразуру, как лениво, вразвалочку шествует его подчиненный.

Занятый Шевцовым, он напрочь забыл про электрика.

…На таймере электрика вдруг высветились нули.

То же самое произошло на часах компьютерного техника и исполняющего обязанности командира отделения, рядового Шевцова, который как раз показался на пороге внутреннего помещения бастиона.

…Электрик открутил последний крепежный винт стенной панели и аккуратно снял ее. За листом облицовки оказались не сплетения проводов, а устье какого-то прохода…

…Компьютерный техник, вытащив погасший монитор из гнезда в консоли, просунул руку в образовавшееся отверстие и на ощупь вырвал из гнезд несколько толстых разъемов.

Сервомоторные механизмы автоматических пушек вдруг издали затухающий вой и обесточились…

Свет внутри обоих бастионов мигнул и погас.

— Что за… — начал было лейтенант, но, повернув голову, увидел, что укороченное оружие Шевцова, которое по непонятной причине вдруг обзавелось прибором для бесшумной стрельбы (и когда только успел прикрутить?!), смотрит прямо ему в лоб.

Приглушенный хлопок и язычок статической искры на срезе глушителя — вот все, что запомнилось лейтенанту в последний момент перед потерей сознания.

Компьютерный техник и рядовой обменялись молниеносными

взглядами.

— Быстро, дверь! — произнес Шевцов и, не меняя выражения лица, шагнул наружу.

Компьютерный техник мог в этот момент только позавидовать бесстрастности старшего группы. Сам он заметно нервничал.

Секунды летели так стремительно, что он не успевал за их неотвратимым бегом.

«Господи, как просто все происходит на симуляторе…» — метнулась в его голове ненужная сейчас мысль, в то время как руки срывали защитный кожух с выступа облицовки.

Хоук — так звали техника — увидел путаницу кабелей, что, змеясь, уходили в стену лаборатории. Отыскав глазами нужный разъем, он разъединил его, затем торопливым движением достал из принесенного с собой набора инструментов портативный источник питания и замкнул его на освободившийся контакт.

Тяжелая бронированная дверь, которая вела в лабораторию номер один, слегка дернулась, но не отъехала в сторону, как на то рассчитывал техник. У парня похолодело в груди.

В пространстве меж двух бастионов несколько раз глухо хлопнуло.

— Первый, второй, у нас проблемы… — бледнея, произнес Хоук, лихорадочно соображая, что же могло заблокировать дверь.

«Провал…» — вот единственная мысль, что эхом отдалась в его голове.

На душе вдруг стало тоскливо, пусто…

Словно подтверждая его страшную догадку, две автоматические турели, что торчали, понуря стволы, над брустверами бастионов, вдруг резко дернулись, оживая, и в ту же секунду по теснинам тоннелей пронесся заунывный вой сработавшей сирены.

Шевцов, который только что нейтрализовал часовых, понял все без слов.

Вой сирены над головой вещал о проблемах гораздо красноречивее любых сообщений. Где-то, оказалась резервная, третичная цепь питания.

Но счет уже сорвался на секунды, и искать ее не оставалось ни времени, ни смысла.

— Вариант два!.. — отрывисто произнес он во вшитый в отворот униформы коммуникатор.

При этом на его лице опять не дрогнул ни один мускул, движения остались столь же точны, как и до срабатывания сирены, лишь в глазах мелькнуло выражение досады.

Расстегнув униформу, он извлек из-за пазухи плоский пакет с какой-то пластичной массой, быстро вытянул ее в подобие шнура, словно та была куском детского пластилина, и налепил взрывчатку по контуру пневмоуплотнителя.

Воткнув в конец шнура короткий столбик электронного детонатора, Шевцов отпрянул назад.

В этот момент в конце прямого отрезка тоннеля уже показался первый патруль.

Человек в оранжевой робе отступил в глубь открытого им в стене прохода и несколькими резкими, точными движениями соединил между собой обычные с виду инструменты, что были уложены в его кейсе. При этом раздалось несколько характерных щелчков от срабатывания вставших на свои места пружинных фиксаторов.

Все происходило молча, без реплик.

Каждый из них, отправляясь на Стеллар, знал, на что идет.

В конце этого тоннеля, в вертикальной шахте старой вентиляционной системы, в нескольких метрах от поверхности Форта Стеллар покоился горбоносый космический истребитель, в кабине которого их ждал четвертый член группы.

Ждал не одних.

…Хоук поднял перекошенное, побледневшее лицо. — Не могу… Все заблокировано! Шевцов молча ногой отшвырнул ему импульсный пистолет лейтенанта, который лежал, закатив глаза, с парализующей иглой во лбу, а сам резко присел, широко открыв рот и зажав ладонями уши.

Оглушительный взрыв сорвал бронированную дверь, как внезапный порыв ветра рвет из рук зазевавшегося прохожего газету; ударная волна втолкнула полтонны брони вовнутрь лаборатории, вдребезги разбив несколько ближайших ко входу цилиндров с телами гуманоидов, а сама рванула назад, подхватив оба бронепластиковых бастиона, словно те были картонными декорациями, и понесла, обрывая кабели, навстречу растерявшемуся патрулю…

Рев сирены слился с треском сминаемого пластика и запоздалым грохотом автоматической турели, которая от встряски вдруг зашлась длинной, злобной очередью, беспорядочно уничтожая все вокруг.

Узкое пространство тоннеля моментально наполнилось смрадным дымом от горящей изоляции и разбитой в мелкую щепу пластиковой облицовки стен.

В ответ со стороны перекрестка вдруг раздались отдельные хлопки выстрелов.

В отрезке старой вентиляционной шахты контуженный «электрик» судорожно пытался встать с пола, кашляя от удушливого дыма.

Шевцов, мало обращая внимание на воцарившийся вокруг содом, рванулся вперед.

— Хоук, Блайд, держать вход!.. — приказал он, перекатившись по усеянному обломками и мокрому от физиологического раствора полу лаборатории.

Вой сирены заглушал все остальные звуки. Оказавшись под прикрытием круглого цоколя, из которого торчали иззубренные осколки толстого пластика, Шевцов приподнял голову, обшаривая взглядом тусклые ряды подсвеченных изнутри цилиндров, мерцающие вдоль стен пульты, экраны, небольшой подиум с установленной на нем сферой, пока наконец не заметил слабое шевеление на полу, подле установленного отдельно от других приборов подковообразного пульта…

Он привстал, на в этот момент сбоку грохнул одиночный выстрел, и капитан, одетый в форму рядового, отлетел назад.

Из простреленного плеча фонтаном брызнула кровь, обильно орошая бледный, синеватый труп гуманоидного существа, что валялся на полу меж осколков разбитого дверью цилиндра.

Боковым зрением он видел, как, шатаясь, из-за какого-то аппаратного блока выходит бледный офицер со свежим лиловым кровоподтеком на лице.

Очевидно, тот только что пришел в себя после оглушительного взрыва и даже плохо соображал, в кого так удачно всадил пулю. Остановившись в проходе, он расширенными глазами смотрел на тело в черной униформе, потом вдруг купился на нее и, опустив оружие, неуверенно пошел вперед, петляя меж приборных консолей.

«Внутренний пост охраны…» — понял Шевцов, стараясь не шевельнуться, хотя кровь пульсирующими толчками продолжала бить из простреленного плеча.

Операция валилась ко всем чертям, едва начавшись.

Офицер преодолел уже половину пути, двигаясь на ватных от контузии ногах, когда сзади, в задымленном коридоре, вдруг поднялась ожесточенная стрельба, и Шевцов понял: ждать дальше — значит похоронить все…

Скрипнув зубами, он резко извернулся и метнул нож.

Офицер внезапно взмахнул руками и начал опрокидываться назад, хватая ртом воздух и конвульсивно царапая пальцами пустоту…

Шевцов рывком встал на четвереньки, затем на одно колено и,

зажимая простреленное плечо, боком побежал по проходу меж подсвеченных изнутри цилиндров с заключенными в них страшными, препарированными телами в сторону подковообразного пульта.

Там, где минуту назад он видел движение, уже не было никого, лишь неяркие, приглушенные тонировкой огни замысловато перемигивались в глубине сенсорных панелей да два монитора чертили дрожащие зеленые синусоиды графиков, которые медленно вздымались и опадали в такт дыханию и биению сердца Дениса Велехова.

Стрельба в коридоре разгорелась с новой силой, там гулко ударило несколько гранатных разрывов. Шевцов, зажимая рану, склонился над пультом и вдруг боковым зрением заметил: на полу скорчился нездорового вида молодой человек с мертвенно-бледным лицом. Увидев солдата, что возник перед ним словно призрак, окровавленный, с бешеными от боли глазами, ищущими его, Бейкер (а это оказался именно он) попытался заползти под терминал…

Шевцов схватил Анри за шиворот и резко приподнял, морщась от боли. Кровь продолжала сочиться по черной униформе, капая на пол.

Ученый, который и до взрыва чувствовал себя не лучшим образом, вдруг начал тихонько выть, но Шевцов, не обращая внимания на обезумевшего от страха Бейкера, поволок его к сфере, внутри которой был заключен Денис.

— Выход из виртуальной реальности! — В нос Анри, разбив верхнюю губу, ткнулся глушитель. — Быстро и без фокусов! Если Велехов умрет, ты успеешь позавидовать ему, прежде чем сдохнешь, понял?!

Единственное, что смог сделать в этот момент Бейкер, — это несколько раз энергично кивнуть. Его дрожащие пальцы сами потянулись к сенсорной клавиатуре терминала.

В коридоре, где вдруг повисла тишина, сквозь отсасываемые аварийной вентиляционной системой клубы дыма прорезались фигуры в черной униформе. Они уже перевалили за перевернутый взрывом бронепластиковый бастион, и тотчас со стороны старой вентиляционной шахты по ним резанула скупая очередь из автоматического оружия.

Шевцов, закусив губу, повернулся к Бейкеру.

Он слышал, как отстреливается один человек… «Кто… Хоук или Блайд?..» — метнулась в голове капитана тоскливая мысль.

К такой работе невозможно привыкнуть. Никогда…

Колпак сферической камеры, под которой лежало опутанное проводами обнаженное тело Дениса Велехова, вдруг начал подниматься вверх.

А на пороге лаборатории уже показались фигуры в черном.

Оттолкнув бледного как смерть Бейкера, Шевцов метнулся к опутанной проводами фигуре, сорвал с нее закрывающую пол-лица дыхательную маску, а затем, повернувшись, вскинул оружие.

— Сделай ему укол стимулятора, живо! — крикнул он барахтавшемуся под ногами ученому.

В следующий момент над головой Бейкера зло и отрывисто грохнула очередь. Со стороны входа в лабораторию раздался болезненный вскрик.

***

И опять первым его ощущением был холод…

Но на этот раз возвращение в мир оказалось во сто крат болезненнее, чем на борту виртуальной «Иглы».

В широко открытые глаза ударил тусклый свет потолочных плафонов.

Что-то отвратительно чавкало сбоку: сипение простреленного кислородного насоса перемежалось грохотом коротких очередей…

Денис конвульсивно вздрогнул, от засевшей внутри него боли и явственно ощутил, как натянулись какие-то провода, что вели от его головы к таинственно мерцающим блокам аппаратуры.

Он поднял руку, дотянулся в изголовье и вялыми, неточными движениями принялся рвать жгуты компьютерных кабелей, которые выскакивали из имплантированных в его черепную коробку гнезд со вспышками адской боли…

В голове билась одна-единственная мысль.

Призрак Даши не лгал…

Сбоку что-то оглушительно пророкотало, и на него посыпался дождь осколков от выбитого пулей экрана…

«Тебя будут вытаскивать…»

Разница между виртуалкой и реальностью была столь очевидна и чудовищно велика, что Денис мучительно застонал.

Беспомощность собственного тела вдруг показалась ему плитой, что, насмехаясь, кто-то положил на грудь.

Зрение расплывалось, тусклый свет плафонов превращался в размытый туман, звуки истончались, уплывали.

Над ним склонилось чье-то бледное, перекошенное лицо.

Острый укол иньектора.

Грохот, отдаленно напоминающий рокот грозы…

Денис опять бессознательно потянулся к изголовью.

— Поднимай его! — Голос прозвучал так близко, что звук отдался в

голове тупой звенящей болью.

Ощущение трясущихся рук, что неумело полезли под его колени и спину, вдруг оказалось так противно, что Денис, дернувшись всем телом, вдруг повалился на бок, прохрипев:

— Я сам!..

Опираясь о край жесткого ложа, он приподнялся на локте, почувствовав, что откуда-то взялись силы и мышцы уже не напоминают дряблые комки ваты, хотя ощущение скованности, нескоординированности движений не прошло, а только усилилось…

Вместо того чтобы встать, он неуклюже скатился на пол, ударившись спиной о какой-то выступ.

На таймере Шевцова стремительно убегали последние секунды, отпущенные на операцию. Еще немного — и отсюда не выйти, будь ты хоть сто раз профи, район вторжения блокируют так, что крысам станет тошно…

…Бейкер, совершенно ошалев от страха, смотрел на дело рук своих и пятился, пятился от голого Дениса, что распластался на полу меж заляпанными чужой кровью гуманоидными телами.

Вот он чуть приподнял голову, шаря вокруг себя рукой.

Зрение Дениса расплывалось. К горлу подкатывала тошнота. Рука, на которую он пытался опереться, оскальзывалась на чем-то холодном, мокром и липком…

Нет… Так не пойдет… Непреодолимо хотелось лечь, оставив зги судорожные, конвульсивные попытки встать.

Что же это там скользит?..

Денис, которому все же удалось приподняться, опираясь на руку, сосредоточил расплывающийся фокус своего зрения на скользком и липком предмете.

Сквозь туман, что плавал в его сознании, и тупую боль, засевшую в одеревеневших мускулах, он увидел знакомые контуры тела, в неестественной позе распластавшегося, как и он, по полу.

В голове вдруг всколыхнулась черная хмарь воспоминаний, похожих на мутный смерч нелепых, противоестественных человеку чувств…

…*В чистой прозрачной воде сплетались в мягком и одновременно напряженном танце два тела.*

Его и ее…

На губах Дениса внезапно выступила пена.

В коридоре дико выли врубившиеся на всю мощь аварийные турбонасосы.

Через разбитые бастионы перепрыгивали солдаты и тут же занимали позиции.

Наконец в узком проходе меж перевернутых укреплений появился офицер. Не останавливаясь, он прошел прямиком в разгромленную лабораторию.

Заметив Шевцова, он пнул ногой его тело, глядя на несколько пулевых отверстий в груди, вокруг которых расплылись едва заметные на черной ткани униформы пятна крови.

Тот еще был жив, но сознание уже покинуло капитана.

— Дерьмо…

Офицер сплюнул на пол и поднял коммуникатор к влажным губам.

— Господин Ланге, мы в лаборатории. Прорыв ликвидирован. Что? Да, сэр, вот я его вижу. Лежит на полу… Нет, не в камере. Хорошо, сэр. Понял.

Майор отключил коммуникатор и брезгливо посмотрел вокруг.

От Бейкера, что забился в угол и сидел, глядя в одну точку, толку явно не добьешься.

«Господи, что за мразь? Чем они тут занимаются?!» — с отвращением подумал он, глядя на голого молодого парня, который лежал без сознания, навалившись на мокрый, осклизлый труп не то рыбины, не то ластоногого гуманоида, фрайг их разберет… но руки парня в последнем конвульсивном движении обняли это бледное, осклизлое тело, по которому тут и там тянулись длинные, аккуратно заштопанные надрезы, оставшиеся от многочисленных вскрытий…

Все приборы вокруг посечены пулями и заляпаны какой-то жидкостью вперемешку с кровью.

— Эй, сержант! — Офицер обернулся, подзывая к себе одного из бойцов. — Оденьте его во что-нибудь… — брезгливо приказал он, кивнув в сторону Дениса. — Сейчас сюда придет господин Ланге.

***

Сознание медленно возвращалось нестройным танцем сюрреалистических теней.

Только трудно оказалось понять к кому.

Денис ощущал, как чьи-то руки тормошат, переворачивают его тело, чувствовал прикосновения ткани, а перед глазами колыхался все тот же черный туман, из которого, подавляя человеческую волю, выползало нечто

чуждое…

Чуждое ли?

— Они зря это сделали… — раздался над головой чей-то голос.

— Что именно, господин Ланге? — осведомился другой.

— Зря пытались его вытащить, — пояснил Джедиан. — В виртуальной реальности он мог бы еще пожить. А тут — нет. Ему не вытянуть. А жаль. Хотя мы, кажется, взяли от него все, что смогли. Прецедент создан, верно, господин Бейкер?

В ответ прозвучало что-то невнятное, больше похожее на сдавленный стон.

Ланге… Бейкер… Все те же имена из кошмарных воспоминаний.

По телу Дениса под чужой, непривычной униформой текли крупные градины ледяного пота.

Мускулы ног непроизвольно сокращались.

Что это с ним? — поинтересовался голос, который Денис теперь уже узнавал из тысячи других. — Ну, Бейкер, отвечай!

Шаги — влажные, чавкающие в разлитой по полу крови… и звонкий шлепок, сопровождаемый шипящей фразой:

— Приди в себя, Бейкер, хватит трястись. Я спрашиваю: откуда эти конвульсии?!

— Я… ввел… стимулятор… внутривенно… — Ответ все равно прозвучал невнятно.

— Паскуда… — прошипел Ланге. — Трусливая мразь!.. Поднимите его! — повысив голос, приказал Джедиан.

Денис отстранение подумал, что, должно быть, сейчас этого Бейкера будут бить, но оказалось, что приказ относится к нему.

Руки грубо приподняли его и рывком поставили на ноги. Голова Дениса непроизвольно свесилась набок.

Внутри все пылало нестерпимой фантомной болью не одного, а двух существ.

Он чувствовал, что беспомощен, как ребенок. Его мускулы после насильственного бездействия оставались дряблыми, и даже стимулятор оказался не в силах вернуть им энергию и упругость.

Только сейчас, осознав, что не в силах даже держать собственную голову, Денис окончательно поверил во все происходящее.

Призрак Даши не был призраком.

Он действительно пребывал в виртуальной реальности.

Долго… Очень долго, и, значит, остальное тоже не ложь и не плод больного воображения. Хотя, что он мог знать наверняка?

Глаза Дениса чуть приоткрылись, обозначив узкие щелки.

— Ага, дружок, приходим в себя? — Ланге глумился и не скрывал своего удовольствия от данной процедуры.

Денис наконец увидел его.

Голос, который долгое время преследовал беззащитный разум, наконец обрел плоть…

Он смотрел на Джедиана без ненависти — на нее не осталось сил, лишь в душе зрело гадливое недоумение.

Перед ним стоял ИНОЙ ЧЕЛОВЕК.

Денис не мог понять его, сколько ни пытался это сделать.

Он должен был задыхаться от боли, ненависти, страха, гнева, но ничего похожего не осталось в душе.

Только пустота. Пустота, недоумение и неуместный, иррациональный стыд… Словно он, как отстраненный от реальности наблюдатель, разглядывал удивительную и отвратительную тварь, пытаясь понять, как она устроена, почему действует именно так, но ничего не получалось, ни в разуме Дениса, ни в том, кто прижился в глубинах его подсознания, — ни в ком из них не находилось ответа на простой, казалось бы, вопрос, как из маленького, красивого, пухленького ребенка, который когда-то доверчиво льнул к материнской груди, искал беззубыми деснами упругий сосок, делал первые шаги и лепетал что-то на языке ангелов, как из него вырос этот высокий, опрятно одетый, самоуверенный мужчина, которому чужая боль казалась хорошим поводом для циничных шуток?

От расплывчатого взгляда Дениса не укрылось, что даже офицер, что стоял поодаль, отвел глаза.

Он с трудом шевельнул головой, переведя взгляд на подсвеченные изнутри цилиндры, что возвышались вокруг страшной колоннадой.

Тела… Тела… Тела… Истерзанные, разрезанные и зашитые…

Такие чуждые, отвратительные и одновременно такие знакомые, почти родные, до щемящей в груди тоски.

КТО Я?!

Этот вопрос, родившись один раз, вдруг начал разрастаться, заполнять собой пустоту…

Перед Денисом вновь, как тяжелая завесь из темных, спутанных водорослей, колыхнулся мрак.

Для Джедиана, Бейкера и окружавших их солдат, быть может, прошла минута, не больше, а он уже успел за это время тысячу раз умереть и вновь восстать в собственном измученном, истерзанном сознании, которое, оказывается, хранило иные ипостаси Дениса Велехова…

…Закат догорал.

Долгий, напряженный, как затянувшаяся агония.

Он опять находился в наполненном жидкостью куполе, но теперь вокруг простирался не унылый ландшафт Черной луны, а иной, более знакомый и понятный пейзаж.

Но с точки зрения того существа, глазами которого смотрел на этот мир Денис, пейзаж казался пугающим, чужим…

Зеленая трава, кое-где подпаленная нещадным солнцем, волновалась на ветру.

Деревья с плоскими, раскидистыми кронами, словно зонтики, торчали тут и там, и заходящее за горизонт светило красило в багрянец их листву.

По прерии, от рощи к каменистому холму, вытянувшись цепочкой, шел прайд каких-то существ.

С точки зрения наблюдателя, они казались отвратительными.

Низкорослые, обросшие темной шерстью существа передвигались на задних конечностях, в то время как передние болтались почта до земли, и изредка то одно, то другое из существ опиралось на них при ходьбе, делая это скорее в силу генетической привычки, чем по необходимости.

Лица этих полуразумных животных, что являлись венцом эволюции данной планеты, но еще едва ступили на тернистый путь своего развития как МЫСЛЯЩИХ особей, напоминали собой страшные волосатые маски. Нижние челюсти выступали вперед массивными, угловатыми контурами, лоб, казалось, нависал прямо над ними, но взгляд небольших глаз был не злобный, скорее любопытный…

Он смотрел на них сквозь прозрачный купол посадочной капсулы и не верил, что они — именно те, ради кого предстоит погибнуть.

По девственной равнине шли существа, которым суждено было обитать в космосе и вновь заселить Галактику спустя миллионы лет…

Денис вздрогнул, вырываясь из омута страшного видения.

«Планета Земля… Три миллиона лет до нашей эры…»

Это беспощадное резюме вынес не он. То был обоюдный вердикт двух разумов, двух сознаний — его и того чуждого, которые внезапно соприкоснулись в незримой точке, породив вспышку исторического откровения…

Вот почему люди не встретили братьев по разуму.

Они были, но три миллиона лет назад их смел беспощадный галактический вихрь миграции страшных в своей прожорливости и инстинктивной агрессивности низших существ, обитавших в пространстве.

То была агония древней, доисторической жизни, а они вставали на ее

пути снова и снова, жертвуя, взрывая звезды, ведя отчаянную борьбу уже не за собственное выживание…

Они боролись за то, чтобы выжил хоть кто-нибудь…

Кто-то сделал ему укол…

Голова Дениса вновь дернулась, приподнимаясь, взгляд немного прояснился.

Он нашел им Джедиана.

Губы Дениса чуть дрогнули.

— Что? — Джедиан чуть наклонил голову, вслушиваясь в едва уловимый шепот…

— Я… нашел?.. — напрягаясь, выдохнул Денис, который внезапно понял, что он делал на виртуальной луне.

Джедиан, несколько ошарашенный таким вопросом, нахмурился.

— Ты о чем?

— Там… на луне… Что я… нашел? — прерывистый шепот был едва уловим.

— Не то, что мне нужно! — раздраженно ответил Ланге, которому наконец стал понятен смысл его шепота. — Какие-то цистовые оболочки… — все же счел нужным пояснить он, втайне надеясь на какую-нибудь дополнительную информацию.

В голове Дениса вспыхнула нечеловеческая, неуемная боль.

То билась память погибшей цивилизации.

Джедиану не дано было осмыслить такое чувство.

— Не напрягайся, — потеряв интерес к Денису, бросил он, отступив на шаг. — Мозговой сканер покажет, что к чему, — жутковато усмехнулся он и вдруг резко добавил: — Увести в пятую лабораторию. Майор, отвечаешь за него лично.

Голова Дениса опять бессильно свесилась вниз…

Он смотрел на распростертый по полу, заштопанный, изувеченный труп той, кого три миллиона лет назад любило его второе сознание.

Один из двоих солдат, что поддерживали его под руки, повинуясь взгляду майора, двинулся вперед, наступив на испачканный кровью Шевцова труп гуманоида.

Рифленая подошва армейского ботинка оставила на посиневшем лице четкий, влажный, кровавый след…

Сознание Дениса взорвалось.

Он не мог больше выдерживать это.

Древнее существо зашевелилось в нем; мозг, казалось, раскололся надвое, перед глазами завихрилась какая-то муть, и вдруг…

Его одежда, мокрая от пота, в некоторых местах пошла дырочками, словно ее обрызгали кислотой.

Вокруг Дениса возник четкий смрадный запах.

Единственное, что ощущал он, — это нестерпимый зуд под кожей.

Один из солдат, что держал его, не давая упасть, вдруг непроизвольно разжал пальцы. Перчатка на его руке дымилась, на глазах покрываясь волдырями. Через секунду он дико заорал, не в силах терпеть той адской боли, что пронзила кисть руки, когда кожа на ней вслед за перчаткой запузырилась, как пузырится болотная грязь от поднимающихся со дна газов…

На приборах лаборатории, которая была оснащена системами химической и бактериологической защиты, вдруг вспухли злобные огни.

Никто из присутствующих еще не успел опомниться, второй солдат отпустил Дениса, позволив тому осесть на пол, а сам, дико вытаращив глаза, в страхе тряс рукой, пытаясь освободиться от запузырившейся на ней массы, майор только поворачивался к подчиненным, Джедиан удивленно смотрел на солдат, не понимая, отчего те вдруг бросили Дениса… а в развороченное взрывом помещение уже ворвался спокойный, уверенный голос компьютерной сети лаборатории, которая вещала через часть уцелевших при перестрелке динамиков аудиосистемы:

«Внимание! Опасность!..Заражение! Обнаружен неизвестный системе экзовирус!»

Дениса, который стоял на четвереньках, рвало прямо на пол какой-то осклизлой, не похожей на желудочный сок массой.

В обширном помещении началась паника.

Майор, который, лапая кобуру импульсного пистолета, пятился от Велехова, словно тот был прокаженным, налетел спиной на пульт управления и остановился, выпучив глаза.

Денис сам не понимал, что происходит.

Ему было так плохо, что все прошлые страдания показались сладким сном перед тем ужасом, что творился внутри него сейчас.

Он чувствовал, как чуждая воля подчинила себе его обессилевший мозг.

Он смотрел вокруг не своими глазами, и в нем клокотала такая ярость, такая горечь, такая злая, вселенская обида на этих существ, затоптавших окровавленными подошвами армейских ботинок все, ради чего он принял смерть, что Денис, сознание которого все еще сопротивлялось, чисто по-

человечески не приемля происходящей внутри него смены метаболизма, вдруг устыдился своего инстинктивного отвращения…

Это существо, память которого насильно внедрили в его мозг, имело право…

Он не видел суматохи, что царила вокруг.

Вокруг Дениса, чье тело билось в конвульсиях на осклизлом полу, мгновенно образовался вакуум.

Майор, что пялился на него, очнулся от шока.

Там, куда попадали выделения Дениса, все вскипало, истекая ядовито-желтым, вонючим дымком, но он сам, казалось, не пострадал, лишь одежда на нем уже напоминала скорее лохмотья, чем униформу…

Из-под прорех расползшейся ткани были видны участки его бледной, похожей на пергамент кожи, под которой блуждали багровые пятна…

Майор, сам бледный как смерть, видел в нем уже не человека, а какое-то отвратительное существо, что казалось ему сродни тем препарированным трупам, что валялись на полу около разбитых колонн…

Возможно, в чем-то он оказался прав.

— Отходим!.. — Майор наконец выцарапал из кобуры импульсную «гюрзу» и поднял оружие, целясь в лоб распростертому на полу Денису.

Тот уловил движение и мучительно поднял глаза.

Лицо Велехова, искаженное мукой, походило на маску смерти. Багровые пятна, что, словно живые, ползли под кожей, делали его изменчивым, зыбким, будто сами черты дрожали, перетекая с места на место.

«Гюрза» прыгала в руках майора в такт колотившей того нервной дрожи.

С усилием приподняв голову, Денис внезапно подался вперед и плюнул.

Плевок попал прямо в лицо командиру группы спецназа.

Несколько секунд тот еще целился в Велехова, а потом вдруг заорал, дико, нечеловечески, и стал падать.

Его лицо пожирала какая-то зеленоватая субстанция, а «гюрза» в руках билась, словно живая, кроша запоздалым автоматическим огнем и так порядком изрешеченную аппаратуру…

Голова Дениса упала на грудь.

Он больше не мог. Все. Точка…

Но сознание не уходило, как бы он ни желал того. Закрыв глаза, Велехов лежал на полу, изредка содрогаясь в конвульсиях, а вокруг, средь наступившего хаоса, криков, выстрелов и приказов, витала невидимая,

выношенная в его теле древняя смерть, и голос, что был способен свести с ума своим спокойным бесстрастием, продолжал вещать, как на лекции или инструктаже:

«Внимание! Уровень блокирован! Зона заражена неизвестным экзовирусом! Всем срочно покинуть отделение лабораторий! Повторяю…»

Никто уже не обращал внимания на Дениса.

В проеме выбитых дверей возникла давка.

Впереди, у перекрестка тоннелей, медленно ползли навстречу друг другу два аварийных створа, и бойцы, что в панике отступали от лаборатории, прекрасно осознавали, что все, кто не успеет к ним, обречены сдохнуть средь пузырящихся луж ядовитой субстанции.

Экзовирус… Одно это слово действовало на людей, которые из поколения в поколение двигались по планетам, как страшное проклятие…

Первым, как ни странно, на перекресток выскочил Ланге.

Сейчас он совсем не походил на владыку Форта Стеллар. Растрепанный, бледный, с перекошенным лицом, он едва мог говорить.

Створы ползли навстречу друг другу, а к ним бежали оставшиеся без командира спецназовцы. Им оставалось всего-то пятьдесят метров…

— Огонь!.. — задыхаясь и кашляя, проорал Джедиан оторопевшему патрулю. — Там заражение! Не выпускать никого!

Когда герметичные створы сошлись, то за ними, казалось, уже не было никого, кто остался бы жив.

Джедиан, который только что испытал самое сильное потрясение в своей жизни, прислонился к стене и медленно сполз по ней.

— Врачей и экзобиологов… — прохрипел он, отирая выступившую на губах пену. — Быстрее! — вдруг заорал он, почувствовав дурноту.

Старший патруля, сам бледный, как смерть, метнулся к встроенной в стену коммуникационной панели…

***

Истребитель лежал на брюхе, занимая собой почти весь ствол старой, давно бездействующей вентиляционной шахты.

Между ним и безвоздушным пространством находился всего один шлюз, заваренный наглухо еще лет двадцать назад, когда силовой купол города сдвинулся и шахта вентиляции, попав своим устьем в зону вакуума, оказалась не у дел.

Такое случается во всех больших городах: что-то строится, что-то ветшает, а что-то остается вне зоны действующих коммуникаций.

За хвостовыми стабилизаторами машины вентиляционный канал пересекал еще один шлюз, но в отличие от других деталей этой давно позабытой технической ветки он выглядел достаточно свежим, и на его швах вместо ржавчины еще держалась окалина.

Дейвид Ворсмер, который сидел за активированными панелями управления, вспомнил, как сажал машину в узкую шахту несколько суток назад. Тогда ему казалось, что столь филигранная посадка является самой сложной частью операции, но теперь он понял, что ошибался.

Он согласился бы еще десяток раз пролезть на своей машине сквозь игольное ушко, лишь бы кончилось это затянувшееся сверх всяких сроков ожидание.

Он понимал, что там, внизу, что-то случилось, иначе ребята уже давно бы вернулись…

Бортовой хронометр истребителя продолжал отсчитывать тягучие секунды, проведенные им средь гулкой тишины, неизвестности и тревоги.

По всем правилам он должен уходить.

Операция сорвалась, ребята погибли…

Дейвид не хотел верить в это. Не мог, как бы ни приучали его к дисциплине и субординации. Пилот хоть и входил в состав боевой группы, но у него оказался свой взгляд на эту работу.

Слишком часто он видел в глазах тех, кого подбирал, такую благодарность за то, что не взлетел, задержался, вытащил… что даже кровь и потери как-то сглаживались, ранили не так сильно…

Вот и сейчас… Дейвид не слышал ни звуков стрельбы внизу, ни криков, ничего, его обволакивала гулкая тишина, а таймер, на котором бежали зеленые цифры секунд со знаком минус перед ними говорил: улетай, беги, все кончено…

Минус десять минут с момента запланированного конца операции…

Дейвид вдруг порывисто встал и, не отключая приборов, полез в расположенный над головой люк.

«К черту… — с внезапным раздражением подумал он. — Легче им станет там на Элио, если я стартую и доложу: мол, не дождался, все сроки вышли… Им и так понятно — провал…»

Выбравшись из истребителя, Ворсмер потянул носом затхлый воздух тоннеля.

Пахло гарью и еще чем-то терпким, тревожащим обоняние.

Рука пилота потянулась к кобуре, извлекая импульсный пистолет.

Дейвид знал, почему поступает именно так. И никакие запахи не могли остановить его, потому как за сотню боевых вылетов он насмотрелся и нанюхался всякого, а твердо усвоил только одно: мертвый член боевой группы — это тот, кого ты увидел своими глазами. Остальные живы, несмотря ни на что…

***

Денис, лежа на холодном и мокром полу, понимал, что умирает.

Никакие предосторожности не могли спасти его. Организм человека оказался абсолютно чужд той биохимии, которую спровоцировало в нем проснувшееся сознание ксеноморфного существа.

Теперь это сознание ушло, угасло, как внезапно вспыхнувшая свеча под порывом ветра. А боль осталась. Как и та смерть, что витала в воздухе и пузырилась на обезображенных телах.

Денис знал, что это такое…

Предки ластоногих существ, которые жили в воде, умели вырабатывать особый химический состав, который отпугивал врагов. Они выпускали его в воду и уплывали под прикрытием ядовитого облака.

Но Денис никак не мог воспользоваться данным приемом, хотя его мозг, оккупированный чужим сознанием, изменил функции потоотделяющих желез, заставив те вырабатывать древний яд… но все оказалось зря, он не в состоянии бежать, а губительные для его организма соединения подействуют на него рано или поздно…

«А вирус?.. — вдруг отстранение подумал он, мучительно прислушиваясь к монотонным предупреждениям, что продолжали изрыгать динамики компьютерной сети. — Родился он во мне или оказался случайно выпущен на волю в хаосе сокрушавшей все вокруг перестрелки?..»

Мысль показалась глупой, неуместной.

Кто мог ответить на такой вопрос? Разве что одно из существ, что распростерлись на полу…

Денис попытался ползти, но силы покинули его. Действие стимулятора оказалось слишком слабым подспорьем, и он опять скорчился на мокром полу, конвульсивно содрогаясь от пожирающей его изнутри боли и прекрасно осознавая, что все кончено…

Однако, кроме распростертого на полу Велехова, в лаборатории оставался в живых еще один человек. Им оказался Анри Бейкер, который все это время провел в глухом простенке между двумя аппаратными блоками, куда нырнул, как только в помещении вспыхнула паника…

Теперь он, пошатываясь, шел по проходу к тому месту, где лежал Денис.

Лицо Бейкера покрывали серые пятна, но страх так глубоко въелся в его душу, что уже не влиял на разум. Он понимал, что делает и куда идет, хотя внешне можно было предположить, что Анри невменяем: его трясло, лоб блестел от липкой испарины, и двигался он как сомнамбула, брошенная своим хозяином на произвол судьбы…

Он тоже не строил для себя никаких иллюзий.

Бейкер отдал ксенобиологии всю свою короткую жизнь и слишком хорошо понимал, что за субстанция пузырится на мертвых телах…

Единственное, что утешало в этот момент злосчастного ученого, — это тот факт, что господин Ланге не избежал общей участи. Он просто не мог не хлебнуть той дряни, что внезапно исторг Денис. Она незримо присутствовала в воздухе, в жидкостях, проникала в легкие и вползала сквозь поры кожи.

«Неповторимый опыт… — думал он, бредя по проходу меж лежащих в неестественных позах тел. — Никто не выпутается… Даже те, кто сбежал…»

Его бледное лицо исказило жалкое подобие улыбки. Бейкер понимал, что обречен. На поиск антител для уничтожения вируса, который буквально сжигал изнутри все внутренности и заставлял кожу пузыриться кровавыми волдырями, у его организма уже не осталось времени. Он умрет раньше…

В эти последние минуты перед неизбежным концом он не впал в истерику, и перед ним не вставали картины из прошлого. В душе царила пустота, даже страх истончился, став не таким острым.

Кое-как доковыляв до Дениса, он сел на пол возле него и протянул дрожащие пальцы к короткому ежику волос на голове Велехова.

Тот открыл глаза и поймал лицо Бейкера мутным, полным боли взглядом.

— Лежи спокойно, — вдруг произнес Анри, на ощупь найдя нужную точку на покрытой разъемами биоинтерфейсов черепной коробке Дениса.

Глаза Велехова мучительно закатились.

— Сейчас я тебя поправлю. — Анри скорее разговаривал сам с собой, чем с Денисом.

Со щелчком открылся затвор крохотного имплантированного в голову Дениса считывающего устройства.

Что бы ни переживал сейчас лежащий на полу человек, но мотивы действий Анри оставались для него тайной.

А все объяснялось теми глубинными процессами, что день за днем

шли в душе загнанного в угол и раздавленного страхом ученого.

Глупо было предположить, что в последний миг он вдруг обрел какое-то благородство или его замучила, наконец, совесть… нет, Анри был рожден ползать, и на внезапные взлеты у него не находилось сил, даже в этот момент… Однако вместо того, чтобы биться в истерике, ощущая близкую смерть, Бейкер торжествовал.

Его страх перед Ланге, вкупе с комплексом вины, что родился на кладбище кораблей, сейчас трансформировался в нечто иное…

Бейкер оказался сильнее Джедиана. Умнее его.

Это он, Бейкер, реконструировал мозг Дениса. Он имплантировал ему сопроцессор и другие управляемые мини-компьютером системы.

В голове Велехова гнездилось не два, а три разума. Причем один из них являлся машиной, неким программным ускорителем нормальных человеческих функций, и до сих пор оставался пуст, зарезервирован, действуя лишь как промежуточное звено для связи между сознанием Дениса и виртуальной реальностью «Черной луны».

Теперь нужда в такой связи отпала…

Дрожащие пальцы Бейкера вставили крохотный кристалл в открывшееся гнездо и…

Голова Дениса опять конвульсивно дернулась.

Пошла загрузка новых базовых программ в его процессор.

Покрытое волдырями лицо Анри Бейкера исказила жуткая усмешка.

Он боялся только одного, что Джедиан Ланге слишком быстро умрет. Думать об этом для Анри было невыносимо.

Лицо Дениса перестали коверкать судороги.

— Готов? — Бейкер склонился к нему, обдав бледную кожу Велехова своим горячим, больным дыханием. — Ты будешь жить… — бормотал он, как древний шаман над своим потусторонним детищем. — Я не могу навязать тебе своей воли, некогда программировать столь глубоко, но поверь: один факт твоего существования будет для господина Ланге кошмаром, который не кончится, не пройдет… — Бейкер воткнул в голову Дениса тонкий кабель программатора и начал что-то набирать на сенсорной клавиатуре, положив ту себе на колени. — Я помогу тебе выжить… Сейчас процессор почистит твой организм… — продолжал невнятно комментировать он. — Я знаю про человека и про этих существ… — Он поднял глаза и взглянул поверх клавиатуры на гуманоидные тела, — я знаю про вас все… помирю твой организм с этим ядом… А ты… — он вдруг посмотрел на Дениса с умилением. — Ты станешь проклятием господина Ланге, которое будет убивать его изнутри. Пусть он научится бояться, как

боялся я… Пусть узнает, что такое страх…

По лицу Бейкера уже ползла, пузырясь, зеленоватая субстанция. Находиться рядом с Велеховым означало лишь ускорить собственную смерть, и Анри понимал это, как никто другой.

Денис едва осознавал, что бормочет склонившийся над ним человек.

Второй раз его возвращали в мир те же самые руки, не спрашивая, хочет ли он того…

В голове, после царившего там хаоса, постепенно разливалась несущая покой пустота, в которой на фоне отдаленного шепота билась базовая команда — ЖИТЬ.

***

Дейвид прошел последние сто метров по наклонной вентиляционной трубе и остановился как вкопанный, не дойдя нескольких шагов до четкого контура снятой со стены тоннеля квадратной секции облицовки.

В конце трубы, перегораживая выход на уровень Форта, лежало тело Блейда.

Очередь из автоматического оружия превратила его грудь в кровавое месиво из раздробленных костей и разорванных мышц.

Дейвид вжался в стену.

«А что ты хотел увидеть, когда шел?..»

Заданный самому себе вопрос не умерил ни боли за погибшего товарища, ни острого чувства опасности.

Тем не менее он собирался проверить все до конца.

Оставались еще Шевцов и Хоук. Возможно, они не погибли.

О Велехове, в спасении которого и заключалась вся операция, Дейвид не думал. Для него этот человек существовал скорее как абстрактная единица.

Осторожно выглянув сквозь проем, он увидел разгромленный, изуродованный взрывами и автоматическим огнем тоннель яруса, который метрах в пятидесяти от него отсекала герметичная переборка, без всякого намека на дверь или шлюз.

На тела в черной униформе он обратил внимание лишь вскользь, с тоской подумав, что накрошили их тут ребята и сами полегли…

Словно в подтверждение жуткой, холодящей разум мысли взгляд Дейвида зацепил знакомые черты, и он с содроганием понял, что смотрит на искаженное предсмертной судорогой лицо Хоука, плечи и голова которого торчали из-под оплавленных взрывом обломков

бронепластикового бастиона.

На Дейвида вдруг накатило какое-то тягостное, тоскливое бессилие.

Вокруг никого — одни трупы, десятки тел, изрешеченные пулями и изуродованные взрывами.

Воздух пах резко и неприятно. Сладковатые флюиды крови смешивались в нем с чем-то омерзительным.

Оставался Шевцов. Дейвид глянул по сторонам и, подняв пистолет на уровень груди, медленно пошел в сторону выбитых взрывом дверей лаборатории.

И только войдя вовнутрь, он по-настоящему пожалел, что принял самовольное решение спуститься.

Если картины снаружи этого помещения заставляли сжиматься сердце и стыть разум, то тут…

Дейвид не нашел в своем словарном запасе слов, чтобы мысленно охарактеризовать то месиво из человеческих и ксеноморфных тел, разбитых приборов, пролитой крови, физиологических растворов и зеленоватой пузырящейся массы, что простиралось перед ним как некое страшное, сюрреалистическое пространство, рожденное в воображении ополоумевшего художника.

Не понимая сути того, что произошло туг минут десять-пятнадцать назад, он смотрел на страшный интерьер лаборатории и чувствовал, как волосы начинают вставать дыбом по всему телу…

Компьютерная сеть комплекса уже больше не вещала об опасности, уровень был блокирован, и, по мнению процессора лаборатории, уже никто и ничто не могло помочь тем, кто не успел или не смог эвакуироваться.

Внезапно Дейвид, нервы которого, натянутые до предела, готовы были вот-вот лопнуть, резко обернулся, едва не начав пальбу.

Что-то шевелилось в проходе меж разбитых пулями высоких цилиндров, жидкость из которых вытекла, смешавшись на полу с кровью и какой-то слизью.

Удержав онемевший от напряжения палец на гашетке оружия, Ворсмер посмотрел на распростертое там тело, одетое в униформу черного цвета, ткань которой местами расползлась, словно под действием кислоты, и внезапно осознал, что узнает это бледное, неживое лицо, искаженное судорогой боли. Велехов…

Точно, он же сто раз видел этого парня на стереоснимках!..

Рядом с телом Дениса опять возникло движение. Это шевельнулся сидящий подле него на полу труп.

Дейвида обдало холодным потом. Не то чтобы он боялся мертвецов,

но сама обстановка этого места, отдающая душком неправильной, совершенно бесчеловечной жестокости, угнетала, делала звуки резче, а тени страшнее и злобнее…

Тот, кого пилот принял за мертвеца, на самом деле был еще жив, но…

Ворсмер непроизвольно попятился, когда человек попытался привстать, повернув к нему лицо…

Это оказалось не лицо — жуткая маска покрытой волдырями плоти.

Несколько секунд он смотрел на Дейвида сквозь узкие щелочки заплывших от опухоли глаз, а потом вдруг сказал, хрипло и невнятно, едва ворочая во рту распухшим языком:

— Беги… отсюда…

Слюна клубком свернулась во рту у Ворсмера.

Он вдруг понял: еще немного — и он не выдержит. Только сейчас он заметил, сколь сильно обезображены разбросанные вокруг трупы и как пузырится на них отвратительная зеленоватая субстанция.

Ее не было только на теле Велехова.

Денис лежал, неестественно вывернув руку, и его грудь едва заметно вздымалась, такт редкому дыханию.

— Он жив… — внезапно выдавил человек, проследив взгляд Ворсмера, — забери его… и беги… — Он вдруг зашелся мучительным кашлем, повалившись на бок, а Дейвид, не колеблясь больше, рывком поднял показавшееся на удивление легким тело Дениса и, взвалив его на плечо, в растерянности оглянулся, пытаясь все же разобраться, есть ли тут Шевцов меж распростертых на полу тел, но, скользнув по ним взглядом, понял — все бесполезно…

Опасливо обходя лужицы пузырящейся жижи, он двинулся к выходу, стараясь не наступать на трупы.

Человек с обезображенным лицом, что сидел на полу, задыхаясь от кашля, смотрел ему вслед, и его кашель вдруг начал переходить в хриплый, издевательский, каркающий смех.

Бейкер смеялся в последний раз в жизни, и его хохот преследовал Дейвида, пока тот окончательно не потерял самообладание и не побежал.

Ноги сами несли его прочь, в спасительную дыру, к истребителю…

Тело Дениса безвольно болталось на плече, как тряпичная кукла.

***

Ворсмер торопился, как никогда в жизни. Не тратя время на предусмотренные заранее процедуры, он просто впихнул безвольное тело Дениса во второе кресло кабины управления, что предназначалось

Шевцову. За переборкой, в отсеке переделанного специально для этой операции истребителя имелось диагностическое кресло с аппаратурой реанимации и поддержания жизни, но разве была хотя бы секунда на манипуляции с ним?!

Действиями Дейвида руководил инстинкт. ОТСЮДА НУЖНО БЕЖАТЬ, СРОЧНО, ДАЛЕКО…

Он не понимал, что произошло там, внизу, но это было по-настоящему СТРАШНО…

Планетарные двигатели истребителя взвыли в теснине тоннеля, наполнив узкую трубу ослепительным огнем и грохотом.

Машина задрожала, в ее носовой части открылся оружейный люк, и оттуда коротко рявкнула автоматическая пушка, разнеся в клочья зыбкую преграду, запирающую выход.

Старая вентиляционная шахта, наполненная перегретым воздухом, как и было задумано, сыграла роль стартовой катапульты, истребитель попросту выбило из узкого ствола вентиляции потоком устремившегося в вакуум воздуха, как плохо пригнанную пробку из бутылки с шипучим напитком.

Денис застонал в своем кресле, пытаясь приподнять голову. Он очередной раз приходил в сознание.

На обзорных экранах машины пронеслись скалы, и вдруг покатый, круто обрывающийся серпообразной дугой зари шар Стеллара начал резко проваливаться вниз — это форсажные ускорители разгоняли истребитель, унося прочь от планеты и ее орудийно-ракетных комплексов, что прятались в скалах меж сверкающими силовыми куполами городов.

Эта часть операции рассчитывалась на Элио по секундам.

Не успели отработать ускорители, как на приборных панелях вспыхнули огни готовности гипердрайва.

Такой прыжок, начавшись почти что на дне гравитационного колодца Стеллара, не мог перенести истребитель к какой-то заранее обозначенной звездной системе, его предназначением было увести машину прочь, в неизвестную точку пространства, подальше от следящих систем Стеллара, которые уже засекли стартовавший с поверхности истребитель и сейчас наводили на него все оказавшиеся поблизости комплексы противокосмической обороны.

Бежать отсюда можно было только «слепым рывком». Ворсмер невольно зажмурился, когда черная хмарь гиперперехода заволокла обзорные экраны, слизнув с них яркие искорки звезд.

Через секунду они просветлели вновь. Рисунок созвездий медленно

проявился сквозь черноту, и Дейвид с замиранием сердца взглянул на приборы. Это была самая опасная, но неизбежная часть побега. «Слепой рывок» даже на минимальной мощности низкочастотных генераторов мог зашвырнуть истребитель куда угодно, но любая попытка уйти со Стеллара на обычной тяге являлась предприятием еще более безнадежным, заранее обреченным на провал…

Системы ориентации работали, поворачивая нос истребителя то в одну, то в другую сторону.

На сердце у Дейвида было тяжело. Он чувствовал какую-то странную, ненормальную вялость во всем теле. Слегка подташнивало, но он, напряженно наблюдая за работой локационной системы, списал свое недомогание на гиперпрыжок…

«Обнаружены координаты Кьюига», — внезапно высветил монитор.

Дейвид едва не закричал от радости.

«Есть!»

Он вырвался. Все получилось!

На мониторе продолжали возникать сообщения:

«Опознаны звезды систем Элио, Эригон, Рори…»

Переведя дух, Ворсмер посмотрел на Дениса.

Тот сидел в кресле, выпрямив спину, и смотрел в экран перед собой широко открытыми, пустыми глазами.

— Эй, парень, ты чего?! — хрипло спросил Дейвид. — Очнулся?!

Денис молчал. Его глаза по-прежнему смотрели в одну точку, словно их покинул всякий разум.

— Погоди, тебе плохо?! — Дейвид протянул руку, желая встряхнуть его за плечо, но не закончил начатое движение.

Рука повисла в воздухе, а он выпученными от ужаса глазами смотрел на свою кисть, которую покрывала пузырящаяся зеленоватая субстанция.

Через минуту тело пилота в последний раз дернулось в кресле и затихло.

Денис по-прежнему сидел, устремив в никуда совершенно пустой, бессмысленный взгляд.

Он ничего не слышал и не воспринимал.

Спустя полчаса блок автоматического пилотирования, послав несколько запросов и не получив на них никакого ответа, перевел все системы истребителя а аварийный режим.

Человек по какой-то причине не мог управлять кораблем. В таком

случае автопилотам предписывалось совершить прыжок на известные навигационному блоку координаты.

На мониторе перед мертвым пилотом опять появился список планет, в той очередности, как их обнаружила локационная система.

Первым в списке обнаруженных миров шел Кьюиг.

Через минуту название планеты запульсировало красным.

Денис не видел, как обзорные экраны вновь затянуло черным маревом гиперперехода. Он сидел живой, но на его лице не отражалось ничего — ни мыслей, ни эмоций.

По иронии судьбы он летел домой, но не понимал этого.

Его разум, измученный сменой реальностей, вторжениями чуждой воли, смертями, шоком, не вынес той последней капли, что долил Анри Бейкер в полную до краев чашу страданий…

У нормальных людей такое состояние, когда мозг сознательно отключается, перестает реагировать на раздражители, называется комой. Но Денису оказалась недоступна даже эта крайняя мера, на которую инстинктивно пошел его измученный организм.

Под черепной коробкой Велехова, сопряженный с основными мозговыми центрами, работал запрограммированный Бейкером сопроцессор. Микромашине было глубоко наплевать, хочет ли жить порученный ее заботам человек.

Разум Дениса угасал, все глубже погружаясь в черную пучину безвременья, а организм продолжал жить.

Он не видел и не ощущал того, как космический истребитель нырнул в гиперсферу, направляясь к далекому Кьюигу, не воспринимал смерть вытащившего его из лаборатории пилота, не отреагировал и на запросы, что вдруг начали поступать на передатчик машины…

Он сидел, неестественно выпрямившись в кресле, и смотрел в черный экран, где медленно вращался, приближаясь, пухлый шар планеты.

Где-то сбоку отрывисто и зло заморгал огонек стационарного лазера, и залпы фотонной энергии прошли поперек курса истребителя, сигналя «остановись!».

Машина вдруг резко изменила курс и начала спускаться к планете. Сбоку, сияя факелами реактивных двигателей, приближалось звено перехватчиков.

Что-то глухо и часто молотило по броне, на пульте управления вспухали и гасли злобные, свидетельствующие о повреждениях корпуса сигналы, на обзорных экранах небо вдруг из черного превратилось в

фиолетовое, потом в синее, а он продолжая безучастно сидеть, как спеленатый страховочными ремнями манекен, пока над головой не разъехались в разные стороны остроугольные сегменты брони и жесткий удар аварийно-спасательной катапульты не швырнул два кресла в темнеющие вечерние небеса…

Глава 12

Космопорт планеты Кьюиг. Окраина стартопосадочных полей,
район старых складов.

Спустя сутки после событий на Стелларе

Дождь… Он шел всю ночь. Тихий, теплый и монотонный. Ветра почти не было, и капли падали отвесно, барабаня по широким листьям карликовых деревьев. Звук, с которым они ударяли о листву, напоминал потрескивание остывающих дюз планетарных двигателей.

Откуда все это? Откуда я это знаю?!

Вопрос безответно бился в сознании…

Человек лежал на холодном, мокром бетонном полу и вслушивался в монотонный шелест дождя…

Темнота плотным саваном обволакивала покосившийся заброшенный грузовой терминал на окраине космопорта. Провисший вовнутрь пластиковый скат крыши служил хорошим водосточным желобом, и послушная вода охотно текла по нему, низвергаясь на холодный бетонный пол, в полном соответствии с законом всемирного тяготения…

Он лежал, бессмысленно глядя во тьму, и пытался вспомнить хоть что-нибудь…

Мысли — непонятные, тягучие, грустные… Не его мысли… Они текли так спокойно, умиротворенно, в унисон шелесту дождя, и оттого сумеречный мир вокруг превращался в абстракцию… и ленивый танец наполняющих его теней баюкал раненое сознание.

«Разве может существовать столь всеобъемлющий покой?.. — пришла недоуменная мысль. — Разве мир — это не холод вакуума и тревожные, злобные вспышки стационарного лазера?.. Разве капли сконденсированной в небесах влаги могут нести в своем падении что-то еще, кроме известных траекторий, которые можно описать сухим языком чисел двоичного кода?»

Дождь отвечал — да.

Он нес щемящую сердце грусть…

Он нес понятие «дежа вю».

Это был сбой…

О, гад… как больно!..

Тело на бетонном полу выгнулось в яростном припадке эпилепсии.

Потом больное сознание потянулось в холод… Он был отрезвляющим

и еще более болезненным, чем дождь.

Страх…

Доминанта будней. Чувство, которое долгое время таилось под огромным количеством мнемонических запретов…

У него, оказывается, огромный беззубый рот и пепельно-серые, неживые губы. Вода… Мутная вода, наполненная хлорофиллом, низвергающаяся на него… замерзающая на лету…

Визг покореженного сознания, сливающийся с гулким лаем автоматических пушек и тонким высокочастотным свистом измотанного движка.

Триплекс кабины космического истребителя, наискось перечеркнутый частой строчкой дырочек, обтянутых паутиной трещин…

Это было на подступах к Кьюигу? Его сбили, и он падал в фиолетовую синь стратосферы, пока удар катапульты не освободил кресло, швырнув его прочь от объятой пламенем машины?

Бред… Или все же куски реальности?..

Широкий мрачный тоннель, что ведет в никуда, в какие-то недра… Недра чего?..

Сыпучий, похожий на каплевидный шлак реголит, в котором тонут ноги… Какие-то голоса… треск помех несущей частоты, и приказ, хлесткий, как удар… Ищи! Вспоминай! Тут должен быть вход…

Ненависть… Боль… Что-то неимоверно древнее, страшное и чуждое… Оно живет под черепной коробкой, ворочается там, пробегает семенящими паучьими лапками по подкорке… Злое… Чуждое…

Спазм… И опять где-то сбоку, на фоне равнодушных звезд отрывистое, частое, злобное помаргивание лазерной турели…

Перехватчики… Побег… Стратосфера…

А ведь когда-то был дождь…

Он вздрогнул, роняя наваждение.

Сознание стало пустым, как чисто подметенный плац.

Кто-то приближался к заброшенному терминалу.

Луч фонаря метался по мокрому скату осевшей крыши. Тяжелое дыхание шло мимо. Запах пота, усталости, мокрых вещей, слипшейся шерсти на впалых боках…

Он ощущал все это… Различал запахи и звуки. Стена дождя, секунду назад полонившая сознание, вдруг отодвинулась, превратившись в нудный шумовой фон.

Тело само знало, что ему делать…

Лежа на влажном и холодном полу старого пакгауза, оказалось легко

передвинуться в тень, слиться с фоном стен, стать частицей плотного сумрака… Но запах мокрой шерсти приближался, и от него не могла укрыть тьма.

Потом показался пес.

Статный, холеный, капельки влаги блестят на иссиня-черной шерсти, верхняя губа злобно вздернута, обнажая здоровые белые клыки. Он все видит, но молчит, только утробное рычание уже подкатывает к его горлу…

Из уголка пасти срывается, растягиваясь, тягучая капля слюны… В глазах — жажда крови…

— Рекс! — Голос прозвучал совсем рядом, в пяти или шести метрах. — Куда ты подевался?

В глазах пса проступает осмысленное выражение.

Он смотрит на полуживого человека, лежащего на бетонном полу, и шерсть на загривке дыбится… но пес не решается напасть. Просто смотрит в глаза человека и медленно пятится, едва слышно поскуливая, словно в усталом, изможденном взгляде жертвы присутствует такое, что мозг пса не в состоянии осмыслить… потом он поворачивает голову, неожиданно чихает и встряхивается всем телом в тщетной попытке высушить шерсть.

Говорят, что животные, особенно собаки, обладают не только исключительным чутьем, но и интуицией.

— Чертова погода… — выругался рядом невидимый охранник.

Скорчившийся на бетонном полу пакгауза человек прикрыл глаза… Странно, но он видел охранника. Это походило на цветной сон, в котором преобладали зеленые и красные тона. Тот стоял у покосившихся ворот и напряженно вглядывался в дождливый сумрак. Фонарь в его руке походил на маленькое зеленое солнышко. Пес шнырял по окрестным кустам, то и дело выскакивая из темноты прямо в круг света, и его шерсть роняла на землю капли красноватой ауры. Охранник поднял руку, поправил дужку коммуникатора, и тотчас раздался его хриплый, простуженный голос:

— Центральная, я шестой. Нахожусь у старого терминала на северо-востоке… Все чисто. Продолжаю поиск…

Голос не мог принадлежать сну или бреду беспамятства. Это была явь. Значит, он действительно видел все это, лежа с закрытыми глазами, словно обладал компьютерным видением…

Голос незнакомого человека удалялся, становился тише и глуше, и четкая картинка тускнела, теряя краски…

Проваливаясь в черную мглу собственного сознания, он успел подумать, что собаки стали совсем уж похожи на людей… Они, как и мы, порой оценивают ситуацию и отступают вполне осмысленно. Иногда

нужно проявить чуть-чуть невнимательности, и тогда смерть пройдет мимо…

Почему-то человек был уверен: сделай собака еще хоть шаг или подай голос — он бы убил ее. И пес, видимо, тоже понял это. Потому и отступил.

— Кого мы ищем? — Голос прозвучал совсем близко.

— Хрен его знает, Майкл. Думаешь, начальство со мной делится?

Тишина… Шум дождя…

— Хм… Случаем, не того придурка, что сбежал на космическом истребителе? Ну, помнишь, сутки назад пришла ориентировка по Интерстару?

— Не знаю… — Ответ сопровождало шипение, словно в лужу воды упал окурок. — Конечно, все может быть… Там написано, что он наш земляк… — нерешительно изрек невидимый охранник космопорта.

Он лежал, вслушиваясь в голоса, и мучительно пытался вспомнить, не о нем ли речь?..

Потом алые контуры вдруг начали удаляться, и до него долетел обрывок фразы:

— Все, Майкл, отмучились. Северный патруль нашел истребитель. Передают, что пилот сгорел вместе с креслом… Пошли, будем сушиться…

***

Дождь закончился под утро.

Открыв глаза, человек увидел, как солнечные лучи ласково змеятся по влажным пластиковым скатам провалившейся вовнутрь здания крыши. От нее шел пар. Пахло мокрой листвой, влажными испарениями земли и еще чем-то терпким, знакомым и в то же время таким далеким… несбыточным.

Повернувшись на бок, он невольно стиснул зубы, едва не застонав. Бок нещадно саднило. Во рту — вязкая горечь. В голове — сплошной туман. Трудно оказалось вспомнить даже собственное имя.

Имя?!

На мгновение его разум оказался во власти страха. Неужели не помню?

Дэн?.. Нет, Денис. Точно, Денис.

Имя… И больше ничего?

Несколько минут он сидел, привалившись к шероховатой стене, и мучительно пытался выудить та своей памяти что-то еще, кроме имени…

Безрезультатно. Там плавал какой-то туман да размытыми слайдами лежали воспоминания о проведенной в этом обвалившемся пакгаузе дождливой ночи.

Так… Он открыл глаза и посмотрел вокруг. Насытившись зрелищем провалившейся крыши и серых бетонных стен, на которых застыли ржавые потеки от воды, перевел взгляд на клочок лазурного неба в провале крыши, а потом на себя.

Картина показалась ему удручающей.

Плотный комбинезон из черной ткани выглядел более чем неряшливо. Местами порванный, местами опаленный, весь в грязи и к тому же мокрый.

Преодолевая дурноту и боль в мышцах, Денис склонился над лужей дождевой воды. Оттуда на него уставилось смутно знакомое лицо в обрамлении коротких и мокрых волос. На щеках и подбородке многодневная щетина. Голубые глаза смотрят пытливо и устало.

Да, без сомнения, это был он… Вот только кто?!

«Денис… Именно так, потому что Дэн — это несколько другое имя. Так его звали…» — дальше мысль безнадежно забуксовала.

Нелепая ситуация. Денис зачерпнул ладонью теплой воды из лужи и плеснул себе на лицо. Потом привалился к стене и закрыл глаза, которые болели, словно в них насыпали песка.

Однако запретить себе думать он не мог. А ситуация складывалась крайне паршивая. Если не воспринимать ночные события как бред, то, по словам одного из охранников космопорта, получалось, что он — преступник, сбежавший откуда-то на космическом истребителе…

Точно… Его память хранила в себе смутные урывки воспоминаний. Какие-то ярко освещенные коридоры… белые халаты… Резкий свет… Топот тяжелых сапог с магнитными подошвами. Рядом с белыми халатами — черные фигуры… Форма космической пехоты… какая-то странная, ненастоящая…

Денис мучительно стиснул зубы. А что в его сознании настоящее? Как отличить горячечный бред от реальности, если все смешалось, превратившись в туманную кашу из ирреальных образов…

Точно он знал только одно. Сейчас утро, и он находится в неизвестном месте, оборванный, изможденный и избитый. Без реальной памяти и всякого представления, куда попал и что надлежит делать дальше…

«Уже что-то…» — мысленно усмехнулся он, вставая с холодного мокрого пола.

Голова оказалась на уровне разлома обвалившейся крыши.

За ней начинался лес. «Нет, скорее парк…» — мысленно поправился Денис, напряженно вглядываясь в прорехи умытой дождем листвы. Одичавший, неухоженный парк. Сквозь мокрые кроны низкорослых деревьев еще угадывалась планировка заросших травой и подлеском аллей.

На опушке, что блестела капельками росы, в сотне метров от старого пакгауза на глаза попались остатки бетонного забора.

С самой первой секунды он не мог отделаться от ощущения, что хорошо знает это место. Только в памяти оно представлялось немного другим: высокие деревья, которые вплотную подступали к белоснежному бетонному ограждению… Да… Именно так. Денис вздрогнул, гладя на жалкие остатки того забора. Когда-то он казался ему великой^непреодолимой стеной, за которой жила мечта… Ревущая, страшная, но тем более притягательная. Когда взлетал или садился очередной космический корабль, забор дрожал, а вместе с ним и парк начинал волноваться, шуметь листвой…

«Не знаю… Конечно, все может быть… Там написано, что он наш земляк…» — то были слова одного из охранников из ночных полубредовых видений.

Денис напрягся. Значит, правда? Он когда-то уже был здесь, видел этот парк…

«Только куда подевались высокие деревья?..» — подумал он, разглядывая карликовую поросль.

Ответ пришел внезапно и оказался ошеломляющим Деревья не изменились. Это он вырос.

***

Противоположная окраина парка обрывалась крутой насыпью, по которой бежала серая змейка скоростного шоссе.

Денис присел в тени крайних деревьев. На этот раз его память молчала.

Далекий горизонт дрожал и плавился в знойном мареве солнечного полудня.

Со стороны космопорта внезапно послышался шум

Он вздрогнул, вскинув голову.

Приближающаяся машина маячила серым, неотличимым от дороги пятном, в том месте, где дорога закруглялась, огибая космопорт

Жаль, не разобрать, что за модель…

Он только подумал об этом, а зрение само по себе рванулось навстречу приближающемуся транспортному средству.

Машина (темно-синий «Гранд-Элиот», модель 2807 года, топливо — сжиженный водород, полный привод) вдруг предстала во всей красе своих обтекаемых форм. Денис не успел ни испугаться, ни изумиться, когда подсознание вытолкнуло спасительную мысль — все нормально, не

дергайся, работает сопроцессор, так и должно быть… решай!

Машина вела себя как муха, влипшая в сироп.

Он сделал над собой усилие и перевел взгляд на водителя.

Тот явно не видел притаившегося у обочины человека Лицо самодовольное, уверенное, немного обрюзгшее…

Пальцы расслабленно лежат на руле, в серых глазах вялость.

«Оценка — преуспевающий бизнесмен, — машинально подумал Денис, — следует по привычному маршруту, брать пассажиров не намерен. Разве что я мгновенно поменяю пол и подставлю его сальному взгляду соблазнительную попку…»

Черт… Что за дерьмо лезет в голову…

«Решай!..» — подстегнул мысленный голос, и он понял, что дуреет, изнемогая от физического перенапряжения…

Все дальнейшее произошло неосознанно.

Муха внезапно вырвалась из сиропа, превратившись в стремительно летящую по шоссе машину, Денис встал из укрытия, шагнул на середину дорожного полотна и застыл.

Визг тормозов огласил сонные окрестности, «Гранд-Элиот» занесло, развернув поперек дороги, и он остановился, осев на подвеску, в нескольких метрах от неподвижной фигуры Дениса. На сером дорожном полотне остались жирные следы от сожранного протектора.

Некоторое время из кабины не доносилось ни звука. Темные тонированные стекла не давали взгляду проникнуть вовнутрь, да он не очень-то и стремился это сделать.

Наконец водительская дверь приоткрылась.

— Ты, говнюк, тебе жить надоело?! — раздался оттуда резкий вопрос.

Денис молчал. Для него все происходящее казалось таким же дурным сном, как и водителю машины. Какого-то черта его тело решило, что может жить самостоятельно, оставив разум в качестве стороннего наблюдателя…

— Пошел вон с дороги, бродяга! — Дверь приоткрылась чуть шире. — Я тебе говорю! — Теперь раздраженный голос сопровождался появлением ботинка с тупым, словно обрубленным носом, и руки, что ухватилась за верхний край приоткрытой дверцы. Все остальное, в том числе и импульсный пистолет, который полыхал перед взглядом Дениса четким тепловым контуром, оказалось скрыто за дверной панелью.

Дальше события вдруг развернулись с ошеломляющей скоростью.

Он сделал шаг вперед и ударил ногой в край дверцы точно, безжалостно…

Что-то хрустнуло, раздался вскрик, и обмякшее тело выпало из-за

руля. Импульсный пистолет системы «гюрза» с глухим звоном скользнул на теплый асфальт.

Подобрав оружие, Денис одним движением оказался рядом с ошалевшим, но не потерявшим сознание человеком.

— Статкарточку и кредитный маркер, — ровным, не своим голосом произнес Денис, протянув руку, словно ограбление являлось для него делом обыденным и повседневным.

Незнакомец с перекошенным лицом отполз чуть в сторону, потом поднял глаза…

Перед ним стоял высокий, худощавый парень с осунувшимся лицом и глубоко ввалившимися глазами, в которых ясно читалось безумие. Порванная и испачканная кровью одежда, от которой под палящими солнечными лучами шел пар, явно когда-то была формой…

Бродяга… Шизанутый наркоман…

А полдень такой ясный, ласковый, слышно, как поет в кустах птаха…

— Вот… — упавшим голосом произнес он, безропотно протягивая Денису два пластиковых прямоугольника.

Тот вырвал их из дрожащих пальцев и не глядя сунул в карман порванного и прожженного комбинезона.

— Извините… Прошу вас… Я… Я не хотел… — внезапно вырвалось у него безо всякого видимого перехода.

Денис словно очнулся от наваждения и оправдывался за своенравные действия своего тела, хотя понимал, со стороны все выглядело нелепо и жестоко, он бормотал извинения, спокойно садясь за руль чужой машины. Человек, которого он только что ограбил, сидел на обочине в полной прострации, и по его подбородку из разбитой губы сочилась алая струйка крови…

Дверь машины тихо чавкнула, отсекая уличный шум.

Импульсный пистолет упал на подушку пассажирского сиденья. Одна рука легла на руль, вторая уверенно коснулась сенсора зажигания.

— Включен навигационный дисплей… — раздался в прохладном, кондиционированном салоне машины голос бортового компьютера. — Укажите адрес, и я предложу вам кратчайший путь следования.

— Супермаркет, — произнес Денис, трогая с места. — Ближайший супермаркет.

— Благодарю, сэр. Маршрут на навигационном дисплее…

— Заткнись!

Он ненавидел примитивные компьютеры. Особенно такие, с оцифрованными, очеловеченными голосами… Вот только одна беда, не

помнил — почему?..

***

Серое полотно автобана плавно ложилось под колеса.

Тихо шелестели покрышки, и теплый ветер врывался в салон через приспущенное стекло.

Денис наклонился, открыл бардачок и вслепую пошарил рукой в его глубинах. Пальцы наткнулись на что-то твердое.

Запасная обойма к «гюрзе»… Он кинул увесистый цилиндр на сиденье, рядом с пистолетом, и вновь нырнул правой рукой в прохладные глубины вещевого ящика.

Ему вдруг стало грустно. Как в детской игре… ящик Пандоры, если не изменяет память… в нее играли у входа в магазин игрушек. Бросаешь монетку в автомат и суешь руку в отверстие. Потом вслух называешь то, что поймал на ощупь. Угадал — значит, твое. Денис криво усмехнулся… Воспоминания детства, что все настойчивее прорывались сквозь обосновавшуюся в сознании мглу, были теплыми… Они согревали душу, но в то же время немного пугали. Слишком велика оказалась бездна между ними и днем сегодняшним. Он вспомнил примитивные анализаторы речи, что устанавливались на ящиках Пандоры, один фрайг знает, сколько лет назад, но совершенно не мог вспомнить, что было вчера…

Нонсенс… Глупость…

Трасса плавно стелилась по равнине. Он снова пошарил в прохладных глубинах бардачка, вынул руку с вожделенной пачкой сигарет и закурил, откинувшись на подголовник.

Выпустив струйку серого дыма, которую тут же рванул в приоткрытое окно машины воздушный поток, Денис едва не закашлялся. Сигарета оказалась неожиданно крепкой.

«Кто я?..» — уже, наверное, в сотый раз со страхом и смятением подумал он.

Этот вопрос не давал покоя, как зубная боль. Денис… имя звучало как бесполезное заклинание, не способное пробудить к жизни дух прошлого…

«Кто я? Как очутился здесь? Почему не помню дня вчерашнего?»

Тишина… И в памяти, и в салоне…

«Гранд-Элиот» взвизгнул тормозами, резко вильнул к обочине и остановился.

Денис сидел, вцепившись в руль, и угрюмо смотрел перед собой.

Он понимал, что только что спокойно и расчетливо ограбил человека.

«Это был не я!» — пыталось выкрикнуть сознание.

Тогда кто? Кто управлял им, заставляя тело совершать эти движения? Как марионетка, за нити которой дергает чуждая и непонятная воля…

«Выжить… — внезапно вытолкнуло подсознание. — Я должен выжить… Во что бы то ни стало…»

Дениса начало трясти. На лбу выступил холодный и липкий пот. Он по-прежнему сидел, вцепившись в руль машины, а сознание уплывало, рождая из своих глубин страшные миражи…

Нет! Не здесь! Не сейчас!

Он судорожно вдохнул, сгоняя наваждение.

Сквозь покатое лобовое стекло был виден пасторальный пейзаж: группа раскидистых низкорослых деревьев, домик с красной черепичной крышей, низкий крашеный заборчик…

— Мама,… — едва слышно выдохнул он.

Денису стало страшно. Он понял, что если повернет голову вправо, то увидит окраину космопорта, где на ровном бетонном поле, которое давно потрескалось от времени, возвышаются ободранные корпуса списанных космических кораблей…

У их подножия в причудливых, вспученных трещинах должна расти трава. Как она пробивает путь к солнцу, ломая бетон, всегда оставалось для него загадкой…

Денис с замиранием сердца повернул голову.

Сквозь тонированное боковое стекло четко прорисовывались контуры старых звездолетов.

Волшебный мир металла, где прошли его лучшие детские годы. К горлу внезапно подкатил ком.

Резко отвернувшись, Денис с силой ударил по кнопке зажигания. Мотор тихо забормотал, и опять этот чертов голос задал свой вопрос:

— Курс прежний, сэр?

— Да… — машинально ответил он, трогая с места. Он не хотел быть марионеткой. Ни в чьих руках. Даже в руках собственной памяти. Это злое, иррациональное упрямство вдруг затопило его сознание. «Я вернусь сюда, когда сочту нужным!» — стиснув зубы, мысленно прокричал он самому себе.

Дорога покатилась под колеса, и над ней поднялось знойное марево миражей…

***

Супермаркет оказался шикарным автоматизированным магазином на окраине многолюдного города. Денис остановил машину у дверей, не

решаясь выйти. Он боялся. Вокруг оказалось запарковано много машин, люди спешили мимо, каждый по своим делам, а он продолжал сидеть.

С ним творилось что-то непонятное. Воспоминания, что пытались вырваться наружу, внезапно отступили, оставив после себя уже знакомую, звенящую пустоту…

— Сэр?

Он вздрогнул. Сквозь приспущенное стекло Денис увидел мальчишку. Тот стоял подле машины, переминаясь с ноги на ногу.

— Сэр, я могу помочь?

Несколько секунд Денис мучительно соображал, что же ему ответить. Он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег, и раненым загнанным зверем одновременно. Одна половина его существа рвалась к теплой рифленой рукояти импульсного пистолета, другая же кричала: «Успокойся, он просто хочет заработать мелочь на чай!».

— Подрабатываешь?

Мальчишка кивнул, шмыгнув носом. Одет он был так себе, не богато, но чисто. Видно было, что за одеждой следят заботливые, привычные к труду руки. На душе у Дениса вдруг потеплело, страшный, сдавивший горло спазм отступил. Воображение тут же подсказало образ стройной пожилой женщины, что сидит у окна теплым летним вечером, штопая одежду сына, У ее ног наверняка трется кот, а за спиной тихо бормочет, вещая новости, старенькая сфера интервизора…

— Держи… — Денис чиркнул несколько цифр на пустой сигаретной пачке и протянул ее в щель, приспустив стекло. — Купи одежду вот такого размера и принеси сюда. Вот тебе кредитный маркер. Покажи его у входа. И пусть запакуют в дорогу дежурное блюдо. У них ведь там есть ресторан?

Мальчик кивнул с преувеличенной серьезностью.

«А если сбежит вместе с маркером?» — подумал он, но тут же отмел эту мысль. Все равно у него не было иного выхода, в разорванной одежде, вывалянного в грязи, его не подпустят ни к одному магазину…

Мальчишка взял кредитный маркер и побежал к сияющему рекламными витринами входу. На пороге он остановился, что-то сказал охраннику, указав рукой в сторону «Гранд-Элиота», и скрылся в магазине.

Человек в униформе покинул свой пост и пошел к машине.

У Дениса похолодело в груди. Он машинально схватил импульсный пистолет, но продолжал сидеть, опустив руку с оружием.

— Сэр, мальчик сказал, что вы послали его за покупками? Это верно?

— Да, — Денис старался отвечать спокойно, В щель приспущенного стекла охранник не мог разглядеть его жалкий гардероб, — а в чем дело?

— Извините, сэр, но я должен был проверить. Знаете, сейчас развелось очень много маленьких мошенников, — объяснил он. — Могу я для вас что-то сделать?

— У вас есть банкомат?

— Конечно! Наш магазин лучший в этой части города.

— Отлично. Тогда вот моя статкарточка, снимите со счета тысячу сто кредитов. Я не хочу выходить, нога что-то побаливает…

— Вывих?..

— Да нет… Старые раны… — машинально ответил Денис, тут же спохватившись, что, возможно, сморозил лишнее, но охранник лишь сочувственно кивнул.

— Конечно, сэр, я все сделаю. Можете не беспокоиться. Я знаю, что такое война, у самого сидит осколок под ребрами. Тоже ноет, когда погода меняется.

Когда он отошел, Денис бессильно откинул голову на спинку кресла и достал сигарету, непослушными пальцами надорвав целлофан новой пачки. Прикурив, выпустил дым и понял, что губы опять мелко дрожат, словно от озноба. Лоб был покрыт липкой испариной.

Он был на войне. Он знал о ней не понаслышке. И его раны действительно ныли, особенно зимой…

***

Получив еду, одежду и деньги, Денис не решился углубляться в город, который казался ему совершенно незнакомым, а развернул машину и погнал ее назад, на ведущий к космопорту автобан.

Доехав до домика с черепичной крышей, к которому вел узкий проселок безо всякого покрытия, он остановился, включил навигационный дисплей с картой города, наугад выбрал точку где-то у противоположной окраины, дал задание автопилоту и вылез из машины.

Мягко захлопнулась водительская дверь. Пустой «Гранд-Элиот» развернулся и, набирая скорость, помчал в город.

Пусть его ищут там.

Зажав под мышкой свертки с едой и одеждой, Денис сошел на проселок.

Впереди смутной громадой возвышался остов остроносого звездолета, поставленный так, словно он только что спикировал с небес, воткнувшись в землю… Пыль проселка, давно никем не тревоженная, клубилась, поднимаясь все выше, подползая к самым коленям…

И вдруг…

Сознание Дениса поплыло, проваливаясь в какой-то омут воспоминаний…

Словно две действительности наслаивались друг на друга, создавая страшный в своей правдоподобности коллаж…

…Реголит на Черной луне мягкий, податливый.

Нога тонет в нем по самый узел коленного серв-соединения, и потому ощущение такое, будто бредешь в воде.

Денис уже давно привык к такой системе хода.

Справа помаргивает маячок машины, это по его следам движется маркерный автомат, намечая тропу.

Поворот головы. Небольшой наклон. Видеокамеры ворочаются в гнездах. Сенсоры на покатом загривке лениво перемаргиваются светодиодами, демонстрируя полное равнодушие.

Воспоминания ползут туманными обрывками нечеловеческих пейзажей… Где-то тут… Недалеко… Вход в подземный бункер.

Задумавшись, он едва не потерял направление.

— Ноль-второй, приближаешься к границе квадрата. Проверь телеметрию! — Ровный, оцифрованный голос компьютера хлестнул по нервам. Словно ножом, отсек все человеческое, что живет в сознании.

Сразу стало холодно. Не телу — голове. Мысли обрели прямолинейность и кристальную законченность. Картина окружающего ландшафта словно приблизилась, влипая в паутину координатной сетки…

Денис остановился, послушно проверяя показания приборов. Спутник висит на орбите, не видимый отсюда.

Точно, слишком сильно забрал в сторону. Перед его глазами плывет унылый ландшафт — тонны серой пыли, ровным слоем размазанные по остекленевшему панцирю базальта. Но его взгляд ищет совсем не то.

Вот он, самый большой и верный ориентир. Огромный космический крейсер, воткнувшийся иглообразным носом в пыльную поверхность Черной луны. Класс — Звездный разрушитель, экипаж четыре тысячи человек.

Вокруг, наполовину зарывшаяся в пыль, виднеется россыпь черных точек. Боевые машины космодесанта. Мертвые куски металлопластика. Выбитые экраны. Пережженные цепи управления. Людей вывезли.

Людей… От четырех тысяч десантников осталось два десятка безумцев. Здоровые мужики в боевых скафандрах, пускающие слюни и что-то бормочущие… Никто из них так и не пришел в себя.

Впрочем, ему должно быть наплевать на это…

…Черт!

Иллюзия рассыпалась, разлетелась осколками лазурного неба, когда нога неловко подвернулась на скате колеи и он упал, взмахнув руками и рассыпав свертки.

«Где же моя феноменальная реакция?!» — зло подумал Денис, потирая ушибленную ногу.

Прихрамывая, он подошел и собрал валяющиеся в пыли покупки. В голове опять звенела пустота, словно кто-то захлопнул там дверь, ведущую к воспоминаниям, но сейчас он был рад этому.

Такое не хотелось вспоминать…

Сзади, со стороны скоростного шоссе, раздался шум.

Денис оглянулся. От города в направлении космопорта неслось несколько машин, весело взмаргивая проблесковыми маячками в такт повизгиванию сирен.

Это уже точно по его душу.

— Первый, я прошел двенадцатый километр, — патрульный посмотрел по сторонам, чуть снизив скорость. — Никого не видно, сэр.

На блоке связи замигал трепетный огонек.

— Продолжайте патрулировать, офицер. Если заметите его — не стрелять, вести себя корректно, ясно?

— Ясно… А в чем дело, сэр? С каких это пор мы цацкаемся с грабителями?

— Он не грабитель. С нами только что связался президент Элио. Он лично заинтересован в этом человеке, ясно?

— Ни хрена мне не ясно… — пробурчал офицер и, склонившись к сеточке микрофона, ответил: — Так точно, сэр. Продолжаю патрулирование.

Патрульная машина на шоссе рванула вперед.

Денис, которого укрыли деревья, ссутулился и прибавил шагу. Перемахнув через низенький покосившийся заборчик, который только издали казался целым, он оказался в пустом, давным-давно заброшенном дворе.

Когда-то тут была ухоженная, коротко подстриженная лужайка, а теперь травостой поднимался почти по пояс. Крыша из пластиковой черепицы хоть и потускнела от времени, но все еще поблескивала на солнце. Проложив себе путь сквозь густую траву, Денис вошел в дом.

Тут тоже царило полнейшее запустение. Ветер гулял в покинутых комнатах, на полу валялся какой-то мусор, пахло старыми вещами и

перегретой на солнце пластмассой.

Он растерянно остановился, не зная, что ему делать дальше. Опять возник вопрос: «Где я? Куда идти? К кому обратиться если не за помощью, то хотя бы за разъяснениями?»

Чего он ждал от этого пустого дома?!

И вдруг опять…

— Мама!

Высокий, немного нескладный подросток свесился с перил лестницы, что вела на второй этаж, В руках он держал скомканный свитер.

— Мам, у меня чемодан полный!

Со стороны столовой раздались шаги, и в дверном проеме появилась стройная светловолосая женщина с короткой стрижкой.

У Дениса оборвалось сердце.

Мама…

— Что случилось, Дениска? Ты звал? — Она прошла мимо и задрала голову, глядя на пустой пролет полуразрушенной лестницы…

Ему вдруг захотелось сесть на пол и закричать.

Не надо… Не надо!!!

Призрак подростка вновь прорисовался в его воображении, словно сконденсировавшись из пыльного воздуха.

— Мам, чемодан полный! Что делать?

— Придется оставить часть вещей, сынок, — спокойно отреагировала она. — Ты же знаешь правила. На борт можно пронести только четыре килограмма груза и не больше. Решай сам.

Она говорила спокойно, но в глазах затаилась тщательно скрытая боль… Тогда он не понимал, как она переживала. Не понимал, что видит ее в последний раз…

— Поторопись, Денис. Отец, наверное, уже в космопорту.

— Хорошо, мам… Я… Я сейчас!

Он бегом вернулся в свою комнату на втором этаже. Открытый чемодан стоял на кровати. Поверх одежды была бережно уложена собранная им из различных подручных средств тщательно отполированная модель космического корабля. Крейсер класса «Нова»…

Вздохнув, он взял в руки увесистую поделку…

И вдруг ему стало страшно. Впервые в жизни. Страшно покидать дом. Ехать в космопорт. Лететь на чужую планету…

Он вдруг со щемящей сердце болью осознал, что детство кончилось… Насовсем.

Он мечтал о космических кораблях. Он грезил ими, и вот… его мечта сбылась. Он летит в соседнюю звездную систему, на планету Элио, в академию астронавтики.

А игрушки придется оставить тут…

Денис решительно развернулся, подошел к стене, провел рукой по пластиковым панелям отделки, нашаривая выступ. Щелчок, и открылась неприметная, в тон стене дверка. За ней был тайник. На дне лежала стопка исписанных от руки листков пластбумаги — его первая и единственная, так и не законченная повесть о космических странствиях.

Он положил модель «Новы» поверх стопки листков и закрыл тайник. Затем повернулся и стал решительно перетряхивать содержимое небольшого дорожного кейса…

Нужно было торопиться. Отец не любил, когда он опаздывал…

…Ступени старой лестницы скрипели и стонали, когда он начал подниматься на второй этаж.

Дверь в комнату показалась ему незнакомой. Кто-то сменил ее, наверное, уже после его отъезда…

Дыхание Дениса стало частым и неровным. Толкнув дверь, он застыл на пороге.

Небольшая мансарда. Сквозь окна врывается солнечный луч, и потревоженная пыль клубится в нем, создавая прихотливые фигуры.

На полу какие-то бумага, мусор, даже птичий помет.

Он обвел долгим, изучающим взглядом выцветшие стены. Правда ли все то, что ему грезится? Или, быть может, он просто болен, невменяем и сбежал из какой-то клиники?

Сделав шаг вперед, Денис провел ладонью по гладкой стенной панели. Кожа вдруг ощутила бугорок, и он машинально вдавил его.

Щелк…

По контуру дверцы обозначилась щель.

Он напрягся. Непослушными пальцами подцепил край и потянул. Что-то скрипнуло, и кусок облицовки просто отвалился, упав на пол.

В открывшейся нише лежала стопка листов пластбумаги, исписанной крупным детским почерком, а поверх оказался заботливо уложен кусок проржавевшего металла, своими очертаниями смутно напоминающий крейсер класса «Нова».

Денису внезапно стало не по себе. Он отступил кокну и закурил, нервно покусывая фильтр сигареты.

Потом вдруг не выдержал, вернулся к отверстию в стене, сдвинул в

сторону покрытую коростой времени модель космического корабля и взглянул на титульный лист, что накрывал собой стопку рукописи.

«Денис Велехов. „Звездный Таран“», — прочел он, чувствуя, как холодеет спина.

Чуть ниже стояла дата — «2613 год».

Но ведь он помнил те цифры, что светились на табло бортового компьютера угнанного им «Гранд-Элиота»!..

Неужели минуло сто с лишним лет?!

Денис вернулся к окну, сел на пыльный подоконник, не замечая, что сигарета погасла, и с силой сжал виски…

«Что я делал эту сотню лет?!»

И вдруг воспоминания, четкие, страшные, хлынули в его мозг, словно под их напором рухнула какая-то плотина…

Глава 13

Система Черной луны. Орбитальная станция номер один. То же время

— Хорошо, удвойте охрану и ведите его ко мне!.. — Дорохов раздраженно выключил коммуникатор и встал, по привычке расхаживая по отсеку.

«Черт-те что… — Генерал остановился, глядя как на обзорном экране далекие звезды медленно плывут к правому срезу, это техники проводили очередную коррекцию орбиты. — С Ланге не связаться, штабу флота докладывать запрещено, заперли, как жука в коробочке, вот и командуй!..»

Дорохов откровенно не понимал, что происходит. Завеса строгой секретности отсекла «Черную луну» от всяких сношений с внешним миром с того самого момента, как Джедиан Ланге осчастливил базу своим посещением.

Он был бы рад доложить, например, о сегодняшнем инциденте, что произошел на самой границе пространственных минных полей, да вот беда, не мог. Станция Гиперсферной Частоты — единственный канал сношений с внешним миром — упорно не хотела работать на прямую связь. Функционировал канал, соединяющий компьютерную сеть орбитальных комплексов с рабочим кабинетом самого Ланге, но тот как сквозь землю провалился, лишь электронный секретарь командующего твердил в ответ одну и ту же дурацкую фразу:

«Ждите, господин Ланге сейчас занят. Он свяжется с вами сам, как только освободится».

«Идиотизм!..» — Дорохов никогда не жаловал компьютеры. По мнению генерала, они были хороши на боевых постах, для быстрых расчетов, но никак не на человеческой работе…

В двери отсека постучали негромко, но настойчиво.

— Войдите! — Дорохов вернулся за рабочий стол, по бокам которого возвышались два терминала: один являлся консолью компьютера, а второй дублировал показания некоторых приборов, чьи значения были жизненно важны для контроля над всеми орбитальными комплексами базы.

В дверях отсека показался конвой из четырех космических пехотинцев, вахтенного офицера и штатного переводчика базы. В центре этой плотной группы оказался зажат человек, чье лицо показалось генералу смутно знакомым.

Дорохов пристально посмотрел на него. Потом перевел взгляд на офицера и произнес, садясь в кресло:

— Конвой свободен. Разрешаю подождать в соседнем помещении.

Взгляд генерала опять вернулся к нарушителю.

— Переводчик нужен? — все еще не отделавшись от раздражения, осведомился он.

Задержанный отрицательно покачал головой.

— Садитесь. — Дорохов указал на ряд кресел, что шли вдоль небольшого стола, предназначенного для оперативных совещаний. — Ну? — спросил он, когда двери отсека мягко сомкнулись за спинами космических пехотинцев. — Почему вы требовали встречи со мной? Что за необходимость?

Человек, который час назад на хорошо оснащенном грузовом корабле влетел в зону пространственных минных полей и, заглушив двигатели, послал сигнал бедствия, спокойно посмотрел в глаза Дорохову, усмехнулся своим мыслям и вдруг спросил так, словно они были знакомы всю жизнь:

— Не узнаете, Дмитрий Алексеевич? Генерал, который на секунду опешил, быстро взял себя в руки.

— С какой стати? — спросил он, нахмурившись. — Мы где-то встречались?

Задержанный прищурился.

— Скандинавское скопление, — ответил он, протянув руку за сигаретами, что лежали в специальной подставке на столе. — 2671 год, — уточнил он.

— Ну, положим… — не меняя тона, произнес Дмитрий Алексеевич. — Там было множество людей.

— Да. Но командир ударного крейсера «Игла» должен вспомнить своего старшего офицера.

В глазах Дорохова мелькнула, но тут же угасла искорка понимания.

— Да, я вспомнил вас, лейтенант Фрост. Джон Фрост, — тут же добавил он. — Но я повторяю свой вопрос: что дальше? Вы нарушили границу секретного военного объекта. Мой офицер, по-моему, доходчиво объяснил, что без соответствующей санкции мы не можем депортировать вас с данной территории. В следующий раз будете осторожнее прокладывать курс, господин Фрост, и чаще поглядывать на масс-детекторы, прежде чем подниматься из гиперсферы.

— Полковник Фрост, — мягко поправил его Джон. — Я, между прочим, все еще на службе.

— Да? — Дорохова здорово раздражал этот разговор. Он

действительно вспомнил Фроста, но что это меняло? Мало ли офицеров служило под его началом?

— Заглянули поздороваться, полковник? — подняв глаза, осведомился он.

— Нет, господин генерал! — Тон Фроста вдруг стал сухим и официальным. — Я прилетел по делу…

— Стоп! — Дорохов сцепил пальцы рук в замок, как нередко делал это в моменты неприятных разговоров. — Не нужно говорить, что вы нарушили границу минных полей намеренно. Это может только усугубить дело.

— Плевать, — внезапно заявил Фрост. — Я прилетел сюда по поручению президента Элио Антона Эдуардовича Вербицкого.

На этот раз удар достиг цели.

Дорохов побледнел.

— Я привез с собой некоторые документы. Часть из них касается вас лично, генерал. — Фрост сделал едва уловимое движение, как фокусник, что демонстрирует публике свой трюк, и на его ладони оказался крохотный микрочип.

— Меня обыскивали, — поспешил сообщить он, предупреждая вопрос генерала. — Ваши люди не виноваты.

— Это шантаж? — в лоб спросил Дмитрий Алексеевич, взяв со стола чип и зажав его между большим и указательным пальцами.

— Нет. Скорее верительные грамоты, — Фрост говорил спокойно, но для этого ему понадобилось все наработанное годами самообладание. Ведь он знал то, о чем Дорохову еще только предстояло узнать, и мир в его сознании не переставал балансировать на зыбкой грани уничтожения. — Посмотрите эту видеозапись, прошу. Тогда нам будет легче понять друг друга.

Дорохов, несколько поколебавшись, все же вставил маленький носитель информации в считывающее гнездо терминала.

Фрост, наблюдая за ним, откинулся в кресле.

Если бы Дорохов знал, сколько человек сейчас ждут в томительном неведении результатов их разговора.

Космический флот планеты Элио в этот момент занимал пространственные позиции в двух световых днях от базы «Черная луна».

***

— Даша, я отправил на Дабог людей, — Антон развел руками, давая понять что большее сейчас не в его силах. — Канал телеметрии оборван,

истребитель, на котором должна была отступить группа, стартовал. Дениса вытащили!

— Никто из них не вернулся, Антон.

— Это плохо, но еще не безнадежно. Операция прошла не так, как планировали. Наш резидент со Стеллара сообщил, что весь уровень блокирован. Там произошло крупное столкновение. Но ведь машина-то ушла со Стеллара! Кто-то же ее вел!

— Да, я понимаю. И тоже надеюсь. Но ты можешь ждать, а я нет. Для тебя главное — это мир. Для меня — Денис. Я знаю, что такое виртуалка, и знаю, как из нее «вытаскивают». Если истребителем управлял Денис, то он может быть где угодно. Нельзя поручиться ни за его психику, ни за здоровье. Но если он жив и остался в здравом рассудке, то он прилетит на Дабог. Именно там назначена встреча. Воюй за мир, а я полечу туда и буду ждать…

— Даша, пойми, там все еще небезопасно. Много недезактивированных зон, мутировавшая жизнь. Ты не узнаешь этот мир. Там не осталось ничего от твоей прежней родины.

Она кивнула.

— Я понимаю. Но мой долг быть там. — Она оставалась непреклонна, и Антон понял — ее не удержать.

— Хорошо… — скрепя сердце согласился он. — Я дам тебе корабль и группу сопровождения.

— Не нужно. — Даша подняла голову и вдруг улыбнулась, хоть на душе и скребли кошки. — Я лечу домой, Антон. Со мной пойдет только Хью. Мы справимся. Просто прикажи доставить нас туда и пообещай, что дашь знать, если Денис появится в другом месте, ладно?

***

Вечер подкрался незаметно. Теплый ветерок ласкался, льнул к коже, мягко гладил лицо.

Денис уже час как брел по свалке, меж изъеденных временем корпусов старых космических кораблей.

На его памяти их было не так уж много — десятка полтора максимум, но сейчас он не видел конца этим обветшалым, обезображенным коррозией остовам.

Кладбище за космопортом разрослось за время войны. Здесь стояли те корабли, что садились на Кьюиг и больше не могли взлететь.

Взгляд скользил по темной броне, местами содранной, местами сохранившейся, и Денис остро чувствовал, что он скорее принадлежит

этому месту, чем новой послевоенной реальности. С ним поступили так, как порой делали с кораблями, что лежат на подобных свалках. Ремонтировать их накладно и бессмысленно, поднимать в космос и хоронить на каком-нибудь планетоиде слишком дорого, вот и стоят они тут, став артефактами человечества, быть может, пройдут тысячелетия, и какое-либо инопланетное существо будет с удивлением и страхом смотреть на них, гадая, что за судьбы прожиты этими монстрами с потрескавшейся и опаленной керамлитовой шкурой…

Денис свернул в своеобразный проход меж беспорядочно разбросанными, вросшими в почву космическими судами, среди которых в основном преобладали малотоннажные машины, и остановился.

Сквозь сгущающиеся сумерки он увидел освещенную несколькими прожекторами площадку. На ней в самодельных лесах стоял гиперсферный истребитель — маленькая, лишенная всяческих удобств машина, которую во время войны называли просто «камикадзе». Собственно, и не истребитель даже, так, тесная кабина со скудным набором аппаратуры, накрепко соединенная с секцией гипердрайва…

Внезапно в днище укрепленной в лесах машины со звоном откинулся люк, и оттуда на землю спрыгнул старик в синем, испачканном маслом комбинезоне, с тряпкой в руках.

Заметив Велехова, что стоял на границе освещенного прожекторами круга, он не удивился и не выказал никакого страха, а лишь кивнул ему, сделав неопределенный жест, мол, подожди немного, сейчас освобожусь…

Очевидно, посетители тут бывали, и достаточно часто.

Денис сел на перевернутый пластиковый ящик.

На душе было тягостно, словно там при каждом шаге, каждой мысли взбаламучивался мутный отстой воспоминаний.

Оказывается, у человека есть лишь одна попытка вернуться в жизнь. По крайней мере, так казалось Денису. Он смотрел на серебрящийся меж перекладинами лесов корпус истребителя и болезненно осознавал, что истратил ее на борту виртуальной «Иглы», поверив фантому генерала Дорохова.

Сколько раз душа человека может пережить осознание собственной смерти и последующего воскрешения?

Он сидел, понуря голову, уже забыв о старике, что скрылся по другую сторону закованной в леса машины.

Денис вспомнил все. До мельчайших, леденящих душу подробностей. Его использовали, как куклу, как старый корабль, который вот так подлатают, вернут ему герметичность, напичкают аппаратурой и без

жалости спалят в горниле какой-нибудь звезды ради получения интересующих данных…

А что случится, если он не сгорит, собьется с намеченного курса и закружит по собственной орбите, да еще обладая запредельным, не укладывающимся ни в голове, ни в сердце знанием?

Слова Ланге, оброненные в лаборатории, жгли Дениса, не давая ни секунды покоя.

Цистовые оболочки…

Если это ОНИ, то, значит, сейчас где-то в глубинах космоса зреет древняя смерть, оправляясь после миллионов лет забвения…

Читая в детстве сказки, Денис никак не мог понять, что значит выражение: «Воззвал к темным силам, с которыми не смог совладать». Тогда подобное утверждение казалось ему смешным, а чародеи, про которых шла речь, ненормальными. Сказки, одним словом. Теперь он понял зловещий смысл тех строк.

Люди выросли до состояния техногенных богов. Они обитали в пространстве, расползаясь от планеты к планете. Древние сказки обрастали былью новой реальности.

Денис мучительно сжал пальцы, глядя в песок под ногами.

По правилам игры он должен сейчас спасать человечество от древней чумы, но кто писал для него эту героическую роль?!

«Я не герой!» — хотелось крикнуть ему, но он молчал, комкая собственные пальцы, словно их сплетение отражало тот узел проблем, что бился в его голове.

Денис не трусил. Когда умираешь несколько раз подряд и оживаешь под пристальным вниманием чужой воли все в новых и новых ипостасях — не то человек, не то зомби, виртуальный фантом, машина, ксеноморф… то страх перестает быть доминантой сознания.

Остается боль, опустошенность и простой, казалось бы, вопрос: «Что я должен этому самому человечеству?».

Он умер, и его бросили плавать куском льда меж покореженных обломков кораблей. Потом вспомнили за надобностью, достали, оживили, впихнули в фантомную реальность, и он поверил ей… Что стоило пережить собственную смерть, но он прошел этот личный ад, и, когда ему сказали: «Надо, Денис, война не кончилась, человечество гибнет», — он согласился жить дальше…

С тем, чтобы очнуться средь разбитой аппаратуры и снова осознать — не жил ты, а дергался на ниточках чужой воли, загребая обеими руками жар из печи для того, кто вообразил себя богом…

Потом, когда смерть снова, в какой уже раз, подошла вплотную, обдала своим горячим дыханием, вдруг появился иной, неудавшийся божок от науки, ничтожество с раненым самомнением, и счел своим долгом воткнуть в его голову очередной кабель, чтобы хоть в последний миг повелевать кем-то.

Иди, отомсти господину Ланге, стань его кошмаром…

Лицо Дениса исказила гримаса.

«Ничего я вам не должен, — с внезапной озлобленностью подумал он, — и ни к кому я не стану приходить ни в страшных снах, ни в реальности… вы сами все сдохнете, потому как ползете от звезды к звезде, словно проказа, не помня тех, кто умирал за вас…»

— Что, сынок, пришел посмотреть на корабли, да? Денис вздрогнул, подняв голову. Перед ним стоял тот самый старик.

— Извини, отец, задумался…

— Да мне что, думай ты хоть всю ночь напролет, жалко, что ли? — Он хитровато и добродушно прищурился. — Ко мне путь не заказан, места много, коль интересно, так смотри. Вот только рановато пришел, леса только завтра сниму.

Денис, который плохо понимал, о чем идет речь, посмотрел на истребитель, потом на радушного хозяина этой своеобразной мастерской под открытым небом, и, видно, в его глазах, помимо боли, теснилось столько вопросов, что старик только покачал головой.

— Так ты не из туристов? — с внезапной проницательностью спросил он у Дениса, который все еще сидел, хмуро разглядывая освещенные багрянцем заката корпуса древних кораблей, что торчали вокруг, будто сваленные со своих пьедесталов памятники.

— Нет… — машинально ответил Денис, — Жил я тут… Неподалеку…

— Вот как? — В глазах старика блеснула искра неподдельного интереса. — Где?

— Дом под черепицей, в двух километрах отсюда, — нехотя сознался Денис.

— Ну ты и силен врать, парень!.. — без злобы упрекнул его старик, отойдя в сторону, где лежали самые обыкновенные дрова, заготовленные для костра. Вернувшись с охапкой поленьев в круг света, он свалил их в кучу, рядом с обгорелой проплешиной на жухлой траве, и добавил, присев на корточки: — Дом семьдесят лет как пустует. Знал я их…

— Велеховых?! — Дениса как током ударило.

— Ну да, — старик бросил возиться с дровами. — Муж и жена. Мне

двадцать лет было, когда они умерли. Денис сидел с окаменевшим лицом.

— Я их сын… — внезапно выдавил он.

***

Костер занялся быстро, от первой спички. Дрова оказались сухими, прожаренными на солнцепеке, и пламя охотно взметнулось вверх, пожирая оставшуюся на поленьях кору, которая корчилась, отслаиваясь, и падала вниз…

Старик, удовлетворенный своей работой, встал, подошел к распределительному щиту, укрепленному на коротком столбике, и погасил свет.

Ночь вдруг разлилась вокруг, навалившись чернотой на освещенную отсветами костра прогалину, проступив звездами на бездонно-черном небе, таинственно прошелестев чахлой травой…

— Врешь ты… — повторил старик, возвращаясь к костру с котелком в руке. — Сколько лет минуло. Люди столько не живут… — упрекнул он.

Денис сидел, глядя в дрожащие языки пламени от костра.

— Живут, отец… — внезапно вздохнул он. — В наше паскудное время все возможно…

Тот поднял глаза на Дениса, но промолчал, очевидно, согласившись с данным доводом.

— А какое время не паскудное, а? — внезапно спросил он, покачав головой. — Хорошо только там, где нас нет, а так хватает всего понемножку — и хорошего и плохого, — философски заметил он. — Тебя, вот вижу, обидели крепко, так что ж теперь — ложись и помирай?..

Денис вздрогнул, так созвучны оказались эти слова с его мыслями, что он почувствовал невольный внутренний стыд.

— Давай знакомиться, что ли, раз так? — спросил старик, очевидно, приняв на веру его утверждение об относительности возраста.

Денис кивнул, не найдя, что ответить.

— Велехов… — он привстал и протянул руку. — Денис…

Старик вдруг отшатнулся, словно увидел призрака, но быстро справился с собой и пожал протянутую руку своей сухой, старческой ладонью.

— Бетгард… — в свою очередь отрекомендовался он. — Друзья звали просто старина Джой… — Он отпустил ладонь Дениса и вдруг спросил: — А ты был там, возле дома?

— Ну, был…

— И ничего не заметил?

— Нет, — покачал головой Денис, не понимая, куда клонит его новый знакомый.

— Наверно, бурьяном зарос… — пробормотал старик, вешая котелок над огнем, — трава нынче буйная, лето такое выдалось… — словно извиняясь за что-то, произнес он.

— Ты о чем отец? — не выдержал Денис.

Джой ссыпал что-то в котелок и принялся помешивать варево.

— Памятник там, — не глядя на Дениса, пояснил он. — Могилка.

— Чья? — напрягся Денис, болезненно подумав о родителях.

— Твоя, сынок… — внезапно осипшим голосом ответил старик и добавил, чтоб уже не было никаких сомнений: — Сам читал. Денис Велехов. Погиб при обороне Дабога…

***

— Что это значит, господин Фрост? — спросил Дорохов, просмотрев видеозаписи. — Зачем понадобилось манипулировать моим фантомом?

— Не догадались, генерал? — Джон продолжал курить, и пепельница перед ним уже была полна окурков. — Велехова готовили для визита сюда, на настоящую Черную луну, — он подчеркнул интонацией слово «настоящую». — Но оказалось, что достаточно канала телеметрии, связанного с поисковыми автоматами на поверхности планетоида.

Дорохов угрюмо посмотрел на Фроста.

— Полковник, я давал присягу… — тяжело произнес он. — Я не могу открыть территорию базы для кораблей флота Элио.

— Дмитрий Алексеевич, вы присягали Конфедерации, а не лично господину Ланге. Этот человек зарвался, он играет с такими силами, которые в состоянии истребить все человечество, понимаете?

— Понимаю! — с вызовом ответил Дорохов, который полгода назад, беседуя с Джедианом, говорил приблизительно то же самое. — Но что вы мне предлагаете?

— Нужно уничтожить систему, — не колеблясь ответил Фрост. — У вас есть аннигиляционные установки «Свет», не так ли?

Дмитрий Алексеевич кивнул:

— Ну, допустим.

— По нашим расчетам, одновременная аннигиляция всех трех планетоидов системы может дать девяносто процентов гарантии того, что существа окажутся уничтоженными. По нашим сведениям, именно так боролись с ними древние расы, чьи останки вы нашли тут, на Черной луне.

— Они взрывали солнца, превращая их в сверхновые, — поправил его

Дорохов.

— Какая разница?! — возмутился такой педантичности Фрост. — Значит, они не открыли способа обуздать реакцию полного ядерного распада. Их технологии оказались иными, но результат один — этих существ способен распылить на атомы только катастрофический выброс энергии, и то, как вы сами видите, часть из них уцелела, выпав вместе с пеплом на поверхность Черной луны.

Пальцы Дорохова, сцепленные в замок, побелели от напряжения.

У каждого человека в жизни всегда наступает свой Рубикон — та черта, из-за которой нет возврата.

Ему сейчас предстояло решить — шагнуть за нее или нет.

— А что будет, если я откажусь? — все же спросил он.

— Положение слишком серьезно, — нахмурился Фрост. — Последствия реанимации этих существ могут наступить в любой момент, и они окажутся гибельными, для всех. Поэтому ваш отказ в сотрудничестве только усложнит выполнение задачи. Погибнут люди, которых еще можно эвакуировать, будет упущено время…

— Что это значит?! — вспылил Дорохов. — Вы угрожаете мне, господин Фрост?!

Начальник контрразведки Элио посмотрел на часы и покачал головой.

— Нет, Дмитрий Алексеевич. Я такой же заложник обстоятельств, как и вы. У нас нет времени на угрозы или мольбы. Положение слишком серьезно… я уже говорил. Флот Элио сосредоточен на позициях и начнет атаку через двадцать пять минут. Система Черной луны будет уничтожена… тем или иным способом.

Дорохов, окаменев, выслушал его.

Доказательства, представленные полковником, казались убедительными, более чем созвучными его собственным наблюдениям и мыслям, но все же генералу понадобилось некоторое время, чтобы решиться.

— Хорошо… — наконец произнес он. — У вас, конечно, есть код связи с флагманом ударной группы? Фрост кивнул.

— Кто им командует? Назовите имя офицера, от кого я могу получить гарантии эвакуации и неприкосновенности всех моих людей.

— Флагманом командует Вербицкий, — ответил Фрост. — Он ждет вызова, но нам не нужна сдача ваших людей, генерал. Мы не воюем. И Стеллар, и Элио входят в один и тот же конфедеративный союз, я правильно понимаю?

Дорохов кивнул.

— Тогда давайте условимся — мы союзники, а не враги. Просто считайте, что вам крупно повезло, и в момент внезапной атаки вырвавшихся на свободу ксеноморфных существ поблизости оказался флот союзной планеты. Надеюсь, против этого господину Ланге будет трудно возразить, верно?

***

Разговор затянулся далеко за полночь.

Они просто сидели у костра, причем говорил по большей части Джой, а Денис слушал его, изредка отвечая на вопросы, в основном невпопад…

Он все глубже и глубже погружался в собственные мысли. Для него не был важен сам разговор, гораздо значимее оказалось ощущение, которое он рождал.

…В семьсот шестом ушел на пенсию, жил в городе, а потом перебрался сюда… — говорил старик, делясь с Денисом бесхитростными воспоминаниями. — Сам знаешь, климат мягкий, зимы без снега, так, моросит дождик, но я привык. Квартиру в городе продал, купил кой-какое оборудование и переехал.

— Что, так и бросил все? — поинтересовался Денис.

— А что было бросать? Четыре стены в небоскребе да комфортабельный сортир? — пожал в ответ плечами старик. — Не по мне они. Я привык к технике, прикипел к ней. Знаешь, когда служил технарем на «Лорее», до абсурда доходило… Ждешь своего пилота с задания, душа за него кровью обливается. Но как вернулся — все. Сразу к машине. Смотришь, мать твою так, на ней места живого нет: броня клочьями, дюзы опять перекалены — на форсаже ведь ходил стервец всю дорогу, вижу по цветам побежалости на металле. Я ругать его, а он сидит в кабине, весь белый-белый, и улыбается…

Денис молча смотрел в огонь.

Языки пламени плясали, облизывая обугленные поленья, а ему казалось, что там, в костре, сложены домиком их души… Так оно и было… Чернели, обугливались, но грели, разгоняли мрак, а потом угасали одна за другой, рассыпаясь угольями по золе…

— Потому и перебрался сюда, — ворвался в его мысли голос Джоя. — Сначала просто ковырялся ради своего удовольствия. Жалко ведь, верой-правдой служили машины, а теперь вот брошены, гниют под открытым небом… — Он вздохнул, пошевелив палкой угли. — Потом как-то раз группа киношников прикатила, фильм про войну снимать. Увидели отреставрированный мной «Игл-17» и давай ходить вокруг него, как кот

вокруг сметаны. Восторгаются, как дети малые. Отвалили мне денег, как за новый истребитель, вот с того и приподнялся… Потом приехали из национального музея, предложили контракт. Так и живу теперь. Сделаю машину — и сразу забирают ее…

— Значит, помнят? — вскинул голову Денис.

— А как забыть такое, сынок? Ведь какая война была… Конечно, помнят. Вон позавчера детишки целым классом приезжали. Смотрел я на них, как лазят по кораблям, и думал: не зря мы свою жизнь считай что не прожили, промаялись в боевых отсеках, одно слово. Они ведь другими вырастут. Без войны.

Денису вдруг стало нестерпимо больно. Хотелось крикнуть, вскочить, сказать, что не все они ангелочками останутся, такими, что цветы таскали с учительницей к подножию старых кораблей, но промолчал…

Правду говорил старик. Посмотреть на него, мог бы тоже обозлиться, обрюзгнуть в своей квартире в городе.

«Разные мы…» — внезапно подумал он, вспомнив его слова.

Джой что-то продолжал говорить, а Денис уже не слышал его. В душе опять колыхалась черная хмарь, будто там кто-то приподнял завесу над бездной времени.

Да, его изуродовали, С ним обошлись не по-человечески, но ведь кто-то там, на Стелларе, отдал за него свою жизнь…

Была Даша, что ворвалась в виртуальную реальность «Черной луны»… Он ведь обещал ей вернуться. Где она сейчас? Ждет его?..

По коже Дениса пробежал озноб.

Он не был героем. Обыкновенный парень, что ушел на войну прямо из академии астронавтики.

Он действительно погиб, отступая от Дабога, но значит ли это, что сегодняшний мир больше не касается его? Что изменилось в сознании лейтенанта Велехова с той секунды, когда он бежал по техническим коридорам «Европы», прекрасно осознавая, что через несколько минут примет свой последний бой?

«Ничего не изменилось…» — с облегчением понял Денис. Просто в его сознании было слишком много чуждого, навязанного, и его разум потерялся, заблудился меж фантомов, что пытались овладеть им…

Просто ему был необходим этот тайм-аут для того, чтобы вернуть себе реальность, очухаться, увидеть свой дом, поговорить с Джоем…

А где-то в глубинах космоса вызревала древняя смерть.

— Послушай, Джой, а это, — Денис кивнул в сторону забранного лесами «камикадзе», — сможет летать? Старик обиженно посмотрел на

него.

— Не «это», а «Хаппер-180-Х», — назидательно поправил он Дениса. — Очень редкая модификация. Не штурмовик-смертник, а сделанный на его базе разведчик. А летать может. Музей-то в космосе, на орбите. Я восстанавливаю действующие образцы.

— А блок гипердрайва? — настойчиво продолжал расспрашивать Денис. Джой почесал затылок.

— Генератор исправен, — что-то прикинув в уме, ответил он. — Но я не заряжал его накопители. Разве что из любви к искусству…

— Знаешь что… — Денис полез в нагрудный карман и вытащил пачку кредитов, что снял для него охранник супермаркета через банкомат, — здесь тысяча. Ты можешь продать мне его?

— Зачем? — удивился Джой.

— Мне нужно улететь, — хмуро ответил Денис. — Срочно.

Старик, казалось, не удивился. Посмотрел на деньги, потом перевел взгляд на бледное лицо Дениса и вдруг спросил:

— Ты точно тот самый Велехов?

На минуту подле угасающего костра вдруг наступила тягостная тишина. Денис смотрел перед собой, не зная, что ответить, как объяснить… необъяснимое. Все это походило на бред…

— Да, отец… Я… Я действительно погиб, только не на самом Дабоге, а отступая от него… — Эти слова вырвались у него сами собой.

Джой вдруг сокрушенно покачал головой и отошел к распределительному щиту. Резко клацнул рубильник, и площадку залил яркий свет прожекторов. Он верил… и не верил одновременно. С одной стороны, как может человек воскреснуть из мертвых? А с другой, может ли жить в глазах обычного парня такая глубокая, неразделенная боль?

— Вот что… — Он повернулся и посмотрел на Дениса. — Я отдам тебе корабль, но с одним условием. Мне не нужны деньги. Ты просто возьмешь меня с собой. И не возражай, сынок, — вдруг мягко добавил он. — Кто-то ведь должен следить за этой лоханью во время полета.

Денис хотел отказаться, объяснить, но, взглянув на старика, вдруг обреченно махнул рукой.

Все это походило на безумие.

Но разве не были они безумны, когда бросались на таких вот утлых и заштопанных суденышках в бой против огромных крейсеров?

— Нам потребуется час на зарядку всех накопителей и тестовую проверку систем, — ворвался в его сознание голос Джоя. — Осмотрись в кабине, а я схожу за скафандрами.

Денису казалось, что он сейчас вздрогнет и проснется.
Нет. Это был не сон.

Глава 14

Рукав Пустоты. В двух световых годах от системы Черной луны

Две осиротевшие планеты, словно сорвавшиеся с креплений кабинки детской карусели, неслись в пространстве, то удаляясь друг от друга, то начиная встречное движение, а возле них, как колышек, к которому когда-то они были привязаны незримыми нитями орбит, застыл, не реагируя на безумные скачки гравитации, плотный сгусток вещества, с виду — небольшой астероид, а на самом деле — погасшая, сколлапсировавшая звезда, которой чуть не хватило массы, чтобы превратиться в небольшую черную дыру, за поле тяготения которой не может вырваться ничто, даже квант света.

Но тут и без того царствовал мрак.

Миллионы лет непроглядной темноты и безумных прыжков двух остывших планет, которые то приближались к погасшей звезде, увеличивая свою скорость, то отдалялись, едва не столкнувшись, и постепенно замедляли свой полет, чтобы в незримой точке остановиться и повернуть вспять, подчиняясь тяготению того сгустка сверхплотной материи, который когда-то был их солнцем.

Танец обезумевшего вещества.

А ведь когда-то именно тут, в самом конце Рукава Пустоты, если смотреть в направлении галактической периферии, зародилась одна из древнейших цивилизаций Галактики…

Одну из планет, которая в ту пору плавно описывала круги вокруг своего солнца, полностью покрывал океан.

Теперь его, конечно, не существовало.

Планета была мертва, лишена не только воды, но даже ископаемого льда не осталось. Ее, как и Черную луну, покрывал шлак. Вода испарилась вместе с атмосферой в момент катастрофической вспышки звезды.

Но до сих пор на мрачной обугленной поверхности, там, где раньше возвышались подводные города, сейчас еще можно было угадать смутные очертания каких-то руин.

Величественный покой этого места не нарушало ничто на протяжении миллионов лет, и даже скачки планет казались не иначе как скорбным погребальным танцем, фантасмагоричной, трагической трактовкой законов небесной механики, их частным, уникальным случаем, который всего лишь эхо того катаклизма, что отгремел тут в незапамятные времена…

Чернота. Мрак…

…Внезапно тут стало немного светлей — впервые за прошедшую бездну лет.

Это в пространстве меж исполняющими безумный танец планетоидами прорезалось призрачное неживое сияние, некая бледная аура, что окружала собой призрак «всплывающего» из пучины гиперсферы «Хаппера».

Зеленоватая подсветка приборных панелей бросала причудливые блики на лицевые щитки двух фигур в белоснежных скафандрах, которые управляли кораблем, устроившись в близко расположенных друг к другу креслах.

Их разделяли лишь широкие подлокотники, в материал которых конструкторы умудрились засунуть блоки сенсорного управления локационными системами.

Вообще, в кабине «Хаппера» было не развернуться, особенно в скафандрах. Стены, потолок, часть пола — все представляло собой один сплошной экран, так что пилоты могли запросто представить себя заключенными внутри сферического аквариума, за которым, словно хвост стрекозы, тянулись решетчатые секции гипердрайва; под ними лепились продолговатые сегменты, снабженные створчатыми бомболюками, а завершало облик «Хаппера» жестко закрепленное на носу вакуумное орудие, которое торчало из сферической кабины, будто жало диковинного инсектоида.

Внутри кабины ощущать себя вольготно и просторно могла разве что мышь. Везде приборные консоли, переключатели, какие-то таинственно мерцающие циферблаты и датчики — все это обступало кресла, напирало с боков, свисало с потолка на специальных кронштейнах…

— Матерь божья, Денис, куда мы попали?! — сдавленно произнес Джой, глядя на взбесившийся масс-детектор. — Это же сущий бред, клянусь!

Велехов, руки которого сновали по стройным шеренгам допотопных клавишных переключателей, лишь кивнул, соглашаясь с мнением старика.

Он сам оказался совершенно не готов к такой фантасмагории планетных масс, но они уже покинули гиперсферу, и теперь оставалось только одно — выкручиваться, лелея безумную надежду на благополучный исход авантюрного прыжка.

Он кинул беглый взгляд на дисплей планетографа.

Сравнив характеристики двух планет, что как безумные скакали в пространстве вокруг сколлапсировавшей звезды, он выбрал большую из

них.

— Меняем вектор! — отрывисто приказал он. — Джой, у нас один шанс — сесть на нее! — Он кивнул в сторону темного шарика планеты. — Иначе потащит на звезду, и тогда — крышка!

— И что дальше? — прохрипел старик, на которого перегрузка при ускорении действовала гораздо сильнее, чем на более молодого партнера. — Сесть-то мы, может быть, сядем, а потом?!

— Придумаем что-нибудь! — ответил Денис, которого корежило в кресле. Казалось, он слышит, как трещит по швам корпус «Хаппера», когда тот на пределе форсажной тяги начал медленно выцарапываться из гравитационных объятий мертвой звезды.

— Нам бы дотянуть до точки Лагранжа, за ней будет легче, там планета подсобит… — Это был искаженный перегрузкой голос Джоя.

«Где я тебе возьму эту незримую точку в таком содоме?» — подумал Денис, ведя отчаянную борьбу с управлением. От одного взгляда на масс-детектор начинала кружиться голова и к горлу подкатывала тошнота, как при морской болезни.

— Мамочка милая… — прохрипел Джой, когда на обзорных экранах промелькнула огромная глыба — не освещенный ни одним проблеском света, смутный, но узнаваемый контур боевого крейсера времен Первой галактической. — Да это ж…

Он не договорил, в полнейшей прострации наблюдая, как неведомая сила дернула мертвый космический корабль и поволокла по широкой спирали куда-то в сторону второго планетоида, что как раз приближался к звезде по касательной траектории…

Денис тоже видел его. Молча проводив точку, которая обреченно кружила по экрану детекторов, очевидно, уже не одно десятилетие являясь игрушкой дрожащих, непостоянных гравитационных полей, он включил дюзы коррекции. Их частые вспышки, что побежали по правому борту «Хаппера», казались насмешкой над буйством нешуточных космических сил, но, тем не менее, их крошечный аппарат все же медленно, но верно следовал заданному курсу, неуклонно приближаясь к той точке, за которой их примет гравитационное поле избранной планеты и потянет на себя, помогая обессилевшим двигателям разведывательного кораблика.

— Получается, Джой… получается!..

— Когда сядем, расскажешь, зачем мы сюда полезли, ладно?!

— Будем живы — сам увидишь.

— Добро.

***

Посадочные опоры «Хаппера» коснулись покрытого шлаком дна древнего океана планеты только спустя два часа отчаянного маневрирования.

— Все… Планетарное горючее на нуле… — выдохнул Джой, когда ощутимый толчок и облачка серой взвеси возвестили о посадке. — Как взлетать-то будем, а?

— Попробуем на гипердрайве… — нехотя ответил Денис.

— Что, прямо с поверхности, что ли?

Денис хмыкнул, не ответив. Он напряженно всматривался в обзорный экран, где освещенная мощными прожекторами лежала серая, местами бугристая равнина.

— Что программировать в блок, умник? — дошел до его сознания вопрос Джоя.

Не задумываясь, Денис ответил ему несколькими цифрами и вновь уставился в экран, словно пытался отыскать на этой серой, безжизненной поверхности ведомые лишь ему ориентиры.

— Чертовщина получается, Денис, — не унимался Джой, который ввел переданные координаты в блок гипердрайва. — Опять Рукав Пустоты, только иная точка, — он растерянно посмотрел на Дениса. — Ты, часом, не ошибся? Откуда ты взял эти цифры?

— Помню я их… — сумрачно ответил Денис, не пускаясь ни в какие объяснения.

Не было у него никаких объяснений. Просто в определенный момент он позволял прижившемуся внутри него сознанию взять верх, взглянуть со своей точней зрения на показания приборов либо на эту серую равнину, так похожую на засыпанные пеплом кратеры Черной луны.

— Извини, Джой, объяснять все долго, да и незачем сейчас. Просто поверь мне, ладно? Если выберемся, клянусь, расскажу тебе все, а сейчас мне нужно искать…

— Что искать? — все-таки вырвалось у старика, который уже и не рад был тому, что подчинился спонтанному желанию помочь этому странному, сумрачному парню.

«Ох, не видать мне больше родной свалки как своих ушей…» — подумал он, вспомнив, как улетал по спирали огромный, мертвый космический крейсер — машина, к. которой он привык испытывать чувство уважения…

Денис покосился на него сквозь прозрачный щиток гермошлема.

— Мне нужно найти древнее существо… Энтрифага… — внезапно не своим голосом произнес он, словно эти слова были и для него сродни откровению. — Я знаю, они пережили звезду. Они вечны, как и сама Вселенная. Но они не могут существовать без лучистой энергии.

— Звезда-то погасла… — осторожно напомнил Джой, уже страшась задавать вопросы, столь таинственны и неадекватны оказывались ответы Дениса.

— Потому я и надеюсь, что они еще тут. Смотри, сколь сильна гравитация коллапса, им не по силам преодолеть его… — уверенно заключил Денис, словно в точности представлял физические возможности тех самых таинственных энтрифагов. — Значит, они все еще тут…

— Где? — выдавил Джой, машинально озираясь по сторонам, словно ждал: сейчас вздыбится шлакообразная пыль и попрут из-под нее древние монстры, окружая «Хаппер»…

— Не знаю. Они должны были замереть, сколлапсировать, как и звезда. Они умные, как наши собаки… Наверное, осели где-то тут, на планете, до лучших времен.

— Мы их заряжать будем, что ли, этих энтрифагов твоих? На кой они тебе сдались?

— Джой, ради дьяволов Элио, потом, — взмолился Денис, отстегиваясь от кресла. — Я сам толком ничего не знаю… — внезапно признался он. — Рассчитай прыжок поточнее, ладно? — обернувшись уже около люка, попросил он и взялся за винтовой запор шлюза. — Я выйду, осмотрюсь…

***

Равнина лежала перед ним, черная, как ночь.

Денис сделал первый шаг, не в силах отделаться от ощущения, что вновь вернулся на Черную луну, столь велико оказалось сходство опаленной неистовым огнем поверхности.

Трудно было представить, что когда-то тут плескались теплые воды океана, со дна вздымались шпилевидные постройки, меж которыми сновали предки ластоногих гуманоидов, всюду кипела жизнь, которая однажды на свою беду выплеснулась в космос.

Дрожь пробежала по телу Дениса под скафандром. Несмотря ни на что, он остро ощущал инородность этого места. И даже проснувшееся в нем сознание древнего существа ничего не могло поделать с этим чувством. С одной стороны, было отрадно ощущать, что человеческий разум взял верх над иными, навязанными ему ипостасями, а с другой — смотреть на

оплывшие контуры разрушенных безумной стихией построек оказалось нелегко… больно, но эти чувства не принадлежали существу из данного мира — боль потери, нечеловеческую скорбь этого места ощущал именно Денис Велехов.

Тут жили те, кто сгорел, умер, преградив путь стихийной миграции древней жизни в те участки космоса, где эволюция на кислородных планетах только начиналась.

Психологию этих существ еще предстояло постичь. Что это было — жест отчаяния или осмысленное самопожертвование ради чуждых тебе форм разумной жизни?

…Он сделал первый шаг, чувствуя, как проминается под ногами слой шлака.

«Где же искать?! — мучительно подумал он, озираясь вокруг. — И главное — что?!»

Несмотря на присутствие в нем древней, нечеловеческой памяти, он не владел ею в полном объеме, просто опыт той личности подсознательно нашептывал: ищи, они не могли покинуть систему… как и те, Иные, они способны сворачиваться в кокон, переживая неблагоприятные условия.

Денис пошел, ориентируясь на ближайшие холмики, под которыми крылись руины какого-то древнего здания.

Сам термин «энтрифаг» ассоциировался в его сознании с чем-то огромным, эфемерным, благородным… Единственное существо из наследия древней жизни, что обладало зачатками интеллекта и проявляло позывы на сотрудничество.

Только они были способны противостоять амебоподобным созданиям в открытом космосе.

Раса обитавших на этой планете гуманоидов культивировала энтрифагов с того момента, как впервые встретила этих удивительных созданий на бескрайних просторах космоса. Вселенная три миллиона лет назад еще была полна древней доисторической жизнью, которая являлась современницей разбегающихся от точки Большого Взрыва галактик.

Эти мысли всплывали в сознании Дениса обрывками, клочками туманных откровений. Он шел, не меняя направления, уже изрядно удалившись от «Хаппера», в котором остался ошалевший и ничего не понимающий Джой, и его странные миражи продолжались, змеясь над шлакообразной поверхностью туманным маревом нечеловеческих воспоминаний.

Он внезапно увидел эту систему такой, какой она была до взрыва звезды.

«Точно, как на Черной луне», — поразила Дениса неприятная мысль. Он уже привык прислушиваться к своим ощущениям, анализировать их, словно боялся, что и эта реальность окажется обманом, иллюзией, фантомным миром марионеток…

Взгляд, которым он окинул первозданную панораму системы, казался, брошен из космоса.

Вокруг обыкновенного желтого солнца протянулась сложная сеть орбитальных конструкций. Кроме этих циклопических сооружений, по орбитам вокруг звезды кружили три покрытые пухлыми шапками атмосфер планеты.

А между орбитальными комплексами и звездой…

Денис невольно остановился, пораженный возникшей в его воображении картиной.

За внутренним периметром орбитальных станций, на фоне ослепительного диска звезды, скользили прямоугольные полотнища абсолютного мрака, еще более черные, чем само пространство…

Это были энтрифаги. Их эфемерные тела, сотканные из прочнейших черных, как самая глубокая ночь, мономолекулярных нитей, изгибались плавными, пологими волнами, улавливая давление «солнечного ветра» — потока исходящей от звезды лучистой энергии. Они купались в ней, сплетаясь в нечеловечески красивых, грациозных па пространственного танца, и по их черным как смоль, невесомым телам пробегали россыпи фосфоресцирующих искр…

Огромные паруса, сотканные из черноты, каждый площадью в десятки квадратных километров и толщиной всего в несколько микрон, сворачивались, изгибались, вспухали, как настоящий, поймавший порыв ветра парус, и это было так грандиозно красиво, что картина парящих в космосе существ потрясала до самых глубин души, создавая ощущение вечности…

«И все это оказалось уничтожено, сметено глупой, бессмысленной силой…» — со смятением и горечью подумал Денис, когда видение истаяло, исчезая из сознания, как мираж в знойный полдень.

Но энтрифаги не могли погибнуть.

Они не боялись тех существ, что черной массой плыли в пространстве от звезды к звезде, пожирая вещество планет и межзвездную пыль.

В былые времена, когда древняя эволюция достигла своих вершин, энтрифаги царили в ней, питаясь такими вот низшими формами жизни.

Теперь их осталось слишком мало, жалкие десятки особей, что прижились под доброй опекой ластоногих гуманоидов подле их солнца.

Но и сюда наползла черная тень миграции простейших…

Катастрофический взрыв звезды не удался в полной мере, львиную долю лучистой энергии поглотили энтрифаги, и звезда не сгорела дотла, часть ее вещества внезапно начала схлопываться, стремительно уплотняясь, одну из планет разорвало силами гравитации, две другие — страшные, обожженные, изувеченные — сошли со своих орбит и понеслись в бешеных, конвульсивных рывках раздирающих их сил… а энтрифаги…

Денис видел клочья черноты, что, утратив источник жизни, сворачивались в плотные веретенообразные коконы и падали, падали на поверхность взбесившихся планет, на звезду, словно хлопья черного снега…

***

— Джой, гони сюда «Хаппер»! — Голос в коммуникаторе был взволнованным и осипшим. — Возьми пеленг на маяк моего скафандра.

— Добро…

Старик, уже порядком измотанный затянувшимся ожиданием, с готовностью схватился за рычаги управления.

Космический аппарат, похожий на стрекозу с непропорционально длинным хвостом и толстым, поделенным на сегменты брюхом, выпустил из своего чрева столбы пламени и, приподнявшись над поверхностью, полетел, чуть накренясь, в ту сторону, где моргал проблесковый маяк на скафандре Велехова.

— Осторожнее надо мной, — предупредил коммуникатор. — Перейди на антиграв, Джой.

Пальцы старика забегали по шеренгам переключателей. Пламя под брюхом машины вдруг унялось, но пыль продолжала клубиться, потревоженная незримыми полями, которые генерировал зависший над поверхностью корабль.

— Что дальше? — осторожно осведомился он, разглядывая на экранах фигурку Дениса, что стоял меж пятью странными продолговатыми холмами.

— Процедура загрузки бомболюков, — не вдаваясь в пояснения, ответил Велехов. — Видишь эти возвышенности? Под ними коконы энтрифагов. Подлетай осторожно и спускай лебедки, из каждого сегмента по очереди. Я буду цеплять.

— Поместятся ли?.. — засомневался Джой, уже не задаваясь вслух вопросами по поводу странных действий Дениса. На кой ему сдались эти самые энтрифаги?!

Подчиняясь воле его рук, «Хаппер» чуть сместился вбок и завис над одним из отлогих холмиков.

Первый сегмент в днище машины вдруг вздрогнул и начал раскрываться. Когда его створы дошли до ограничителей, превратившись в две вертикальные плиты, из чрева бомболюка вниз медленно поползли тросы подъемного механизма.

Вот они коснулись серой поверхности, и Денис присел на корточки, заводя их концы в виде петли подо что-то, что оказалось скрыто от любопытного взгляда Джоя пластом серой пыли.

— Поднимай!

Тросы лебедки выбрали слабину, натянулись, «Хаппер» заметно качнуло, и Джой, пялившийся во все глаза на экран, вдруг понял, что поднимает из-под шлака имеющий форму веретена сгусток абсолютного мрака!..

— Нет… Этого не может быть!.. — оторопело произнес он.

— Спокойно, отец, не психуй, — подбодрил его Денис. — Мне самому страшно… — вдруг признался он, глядя, как кокон энтрифага длиной в десять метров исчезает в чреве бомболюка.

Створы дрогнули и начали закрываться, а по следующему сегменту уже побежала узкая щель…

***

— Сэр, докладывает пост контроля. Мы закончили эвакуацию.

— Добро. — Дорохов взглянул на суммирующий экран. — Боевым постам «Свет», — произнес он мобильный коммуникатор, — начинайте разогрев цели!

Ничто, казалось, не изменилось в пространстве. Все так же плыли по своим орбитам три планетоида, меж которыми протянулась сложная паутина орбитальных станций и силовых сфер, но скованные капсулами электромагнитного поля слабые заряды антиматерии уже устремились к Черной луне, тому самому планетоиду, по виртуальной модели которого долгое время бродил Денис Велехов.

Две эскадры космических кораблей, усыпанные щедрыми россыпями опознавательных и габаритных огней, висели на почтительном удалении от опустевшей системы, единственными живыми существами в которой остались плотные, чуть голубоватые сгустки вещества, что хаотично двигались внутри одной из силовых сфер.

— Есть попадание! — Доклад, который слышал не только Дорохов, но все старшие офицеры обеих эскадр, заставил людей податься к экранам

обзора.

Слабые заряды антивещества, ударившие в Черную луну, призваны были «поджечь» ее поверхность, запустить реакцию тлеющей аннигиляции…

Во мраке космоса ярче сотен прожекторов вдруг ослепительно блеснула первая вспышка адского пламени полного ядерного распада, и вдруг призрачный, мятущийся огонь охватил весь планетоид…

До второго, уже полновесного залпа, который превратит его в новое, рукотворное солнце, оставалось две с половиной минуты.

— Восемьдесят секунд до снятия силовой оболочки сферы! — доложил оператор. — Семьдесят пять… шестьдесят…

Амебоподобные создания продолжали свои бессмысленные, с точки зрения человека, скачки внутри незримых границ силовой тюрьмы.

Все было рассчитано по секундам. Еще немного, и эти стены энергии отключатся, а спустя мгновение Черная луна вспыхнет безумным пламенем аннигиляции, сжигая вокруг себя все, в том числе и эти страшные порождения древней загадочной жизни.

***

Окончив погрузку, Денис почему-то не спешил вернуться на борт «Хаппера». Вместо этого он обошел корабль стороной и полез зачем-то в аварийный отсек, который открывался снаружи.

— У тебя укомплектован маяк? — спросил он через коммуникатор.

— Не помню… — честно сознался Джой. — Руки не дошли до того отсека.

— Ладно, разберусь…

Корпус «Хаппера», который теперь стоял, опираясь на телескопическую треногу, чуть вздрогнул — это Денис открыл винтовой запор отсека и откинул люк.

Через минуту он показался из-под днища корабля, волоча за собой сложенный в контейнер проблесковый аварийный маяк.

Джой уже устал удивляться.

«Пусть делает, что хочет…» — подумал он, откинувшись в кресле, но любопытство быстро взяло свое, и старик вновь подался к экрану, даже включил небольшое увеличение, чтобы видеть, как Велехов устанавливает автоматику.

Полуметровый бочкообразный прибор выпустил треножник, который глубоко ушел в грунт, и защитный кожух в его вершине отскочил, обнажив прозрачную полусферу маяка.

Такие устройства всегда казались Джою сродни вечному двигателю. В них не было никаких трущихся частей, только передатчик радиоволн, испускающий монотонный сигнал на волне излучения нейтрального водорода да выпирающая сверху проблесковая полусфера, чередующиеся вспышки которой были видны даже с орбиты.

Сложная система термальных элементов, вырабатывающая ток от микроскопических перепадов температур в момент вспышек маяка, обеспечивала постоянное пополнение энергии, и таким образом прибор мог работать веками без постороннего вмешательства…

Вот Денис отошел чуть в сторону, и маяк вспыхнул. Раз… второй… третий…

Зеленый, синий и красный… Вспышки резали глаза.

Денис что-то делал со снятым и ненужным теперь предохранительным кожухом из тонкого пластика. Джою показалось, что Велехов спятил, он что-то процарапывал острием десантного ножа на податливом, нетленном материале.

Закончив свою работу, Велехов распрямил кусок пластика и аккуратно пришпилил его ножом к основанию маяка, вогнав тот по самую рукоять в уплотнитель, как раз под вспыхивающей полусферой.

Потом отступил на шаг и замер, не двигаясь, словно стоял подле свеженасыпанной могилы.

Взгляд Дениса скользил по мрачным, освещаемым вспышками маяка окрестностям.

Он помнил этот мир совсем другим… Теперь же стоял, впитывая в себя эти сумеречные картины, чтобы навсегда сохранить их уже в своей, человеческой памяти.

Потом вдруг резко развернулся и, не оглядываясь, пошел к космическому кораблю.

Джой взглянул на него, потом укрупнил изображение и впился взглядом в вырезанную на куске пластика надпись.

«ТЕМ, КТО ПОГИБ РАДИ НАС…» — внутренне содрогнувшись от лаконичного смысла этой фразы, прочел он.

И чуть ниже:

«ТЕПЕРЬ МЫ ПОМНИМ».

Внутри «Хаппера» глухо звякнул закрывшийся люк.

Джой сидел в кресле, все еще неотрывно глядя на надпись.

Он не ошибся в своих ощущениях, это было место великой, не оплаканной скорби.

— Поехали… — думая о чем-то своем, произнес Денис, садясь в

кресло.

Он знал, что ему предстоит встреча с настоящей Черной луной, и не ждал от нее ничего хорошего.

***

— Пять!.. Три!.. Один!..

Незримая глазу силовая сфера исчезла.

Отливающие напряженной синевой идеальные шары, диаметром по тридцать — сорок метров каждый, внезапно оказались свободны.

Поверхность Черной луны не зря заставили пылать. За те двадцать секунд, которые образовывали паузу между снятием силовой сферы и вспышкой планеты, древние существа должны были инстинктивно приблизиться к ней.

Источник слабого тепла, света, горячее, истекающее в медленной вспышке вещество — так, по мнению ксенобиологов, должна была выглядеть приманка для подобных существ.

Они не ошиблись. Ошиблись те, кто планировал операцию.

Огромные, мерцающие во мраке космоса сгустки протовещества, потеряв ощущение сковывавших их границ силовой сферы, действительно подались к истекающему шлейфом ионизированного газа планетоиду, но буквально в следующий момент произошло нечто непредвиденное, не предусмотренное планом операции, и на всех без исключения кораблях обеих эскадр вдруг натужно взвыли сигналы, предупреждая людей о нештатной ситуации.

На линии огня, между крейсером «Армагеддон», который нес на борту установки «Свет», и Черной луной внезапно возникло бледное, фантомное сияние гиперпространственного перехода, и в метрику трехмерного космоса прорезались призрачные контуры двадцати боевых кораблей, которые исторгала из своих глубин равнодушная гиперсфера.

На дисплеях компьютеров один за другим вспыхивали узнаваемые, четкие обводы их корпусов, а внизу зловещими красными строчками — результаты опознания цели.

— Сэр, это Третий ударный флот Стеллара! — Старший офицер повернулся к Вербицкому, что стоял на открытом командном мостике флагманского крейсера «Эммануил».

— Канал связи, срочно! — отреагировал Вербицкий.

— Сэр, они на линии огня «Армагеддона». Что делать?! — вторгся на канал связи голос оператора аннигиляционной установки «Свет», который держал палец над сенсором залпа.

— Отставить огонь! — Голоса Дорохова и Вербицкого, переданные с разных кораблей, казалось, слились воедино, столь синхронно прозвучала в эфире эта команда.

В космосе уже плыли не фантомы, корабли завершали гиперпереход, и на обводах флагманского фрегата «Ворон» уже вспыхнули бледные скупые цепочки мерцающих огней.

Флагман принадлежал Джедиану Ланге и, судя по состоянию бортовых огней, находился в режиме атаки.

— Внимание, борт «Эммануила» вызывает «Ворона»! — проговорил Антон Эдуардович.

На экране появилось незнакомое молодое лицо.

— «Ворон» на связи, — сухо ответил офицер, не представившись и не приветствуя никого.

— В чем дело, капитан? — спросил Вербицкий. — Кого вы намерены атаковать?!

— Вас, адмирал, — с нервными нотками в голосе ответил старший офицер «Ворона».

— По какому праву?! Мой флот пришел на помощь системе, атакованной неизвестными формами ксеноморфной жизни! — резко ответил ему Антон. — Взгляните на свои радары, офицер, и прекратите дурить! Сейчас на связь с вами выйдет генерал Дорохов, он подтвердит мои слова!..

— Сожалею, господин Вербицкий, но у меня приказ. Генерал Дорохов подлежит аресту за государственную измену. Вы вторглись на территорию военной базы Форта Стеллар…

— Да разуй глаза, офицер! — не выдержал Вербицкий, который чувствовал, что уходят последние драгоценные секунды, а внезапно появившийся флот все еще торчит на линии огня «Армагеддона», блокируя Черную луну от залпа установок «Свет». — Там древняя смерть, ксеноморфы!

Экран связи внезапно погас. Офицер с «Ворона» просто оборвал контакт.

Антон Эдуардович побледнел, но не от страха, а от осознания того, что разведка Стеллара сработала четко, без проволочек, и этот флот не случайно поднялся из гипера в критический момент, судя по поведению офицера, у него были конкретные инструкции…

На ум Вербицкому пришла лишь одна мысль при виде того, как Третий флот Стеллара разворачивает построение «зонтиком», укрывая тлеющую Черную луну и зловещие силуэты парящих в космосе существ.

Они сознательно пытались блокировать залп, защищая древнюю смертоносную форму жизни.

Антон переключил канал.

— Дорохов, мы должны взорвать луну, ты слышишь?! Любой ценой!

Принял генерал его приказ или нет, для Антона осталось неведомо, потому что в этот момент флот Стеллара начал атаку.

Пространство главного поста управления «Эммануила» внезапно заполнила прозвучавшая как взрыв разноголосица команд и докладов:

— Наблюдаю залп правого борта. Дистанция — сорок тысяч, пеленг три — ноль — двенадцать, цель — «Эммануил»!..

— Разделение боеголовок! Сорок пять единиц!..

— Залп левого борта! Цель прежняя!..

— Наблюдаю по вспышкам крейсер «Эригон», работают стартовые катапульты истребителей прикрытия!..

Антон вцепился побелевшими пальцами в поручни мостика.

Он лучше других понимал, что произошло.

Лавина сорвалась. Сигналы на сферорадарах прыснули в стороны, это корабли его эскадры совершали боевое перестроение под огнем противника. На него вдруг нахлынуло подавляющее разум чувство обреченности. Кому, как не Вербицкому, было знать — в ход пошли боевые компьютеры, а для них нет разницы, кто спровоцировал столкновение, чья ошибка лежит у истоков боя…

Корпус «Эммануила» задрожал — это орудия главного калибра заработали зло, отрывисто, часто, выбрасывая в космос тонны начиненного смертью металла; тускло вспыхнули защитные экраны крейсера, отражая залп вражеских ракет, а в космосе во все стороны уже расходились клиновидные факелы от работы двигателей множества штурмовиков, которые секунду назад исторгли стартовые катапульты крейсеров и фрегатов Стеллара… и вот первый из них вдруг заметался, попав под заградительный огонь флагмана Элио, его защитное поле вспухло и взорвалось, разлетаясь радужным мерцанием, и в пространство взметнулись рваные, бесформенные куски брони…

По правому траверсу «Эммануила» часто и зло замерцал залповый огонь лазерных установок крейсера «Эндгроуз», а в эфире продолжала биться разноголосица команд, словно время вернулось вспять и Вербицкий опять стоял на мостике своего старого, потрепанного в боях корвета, а вокруг кипел бой Первой галактической…

Нет, время не вернулось вспять, он понял это, метнув взгляд в ту сторону, где продолжала тлеть подожженная аннигиляцией Черная луна.

Древние существа, освободившись от плена, избрали более близкую цель.

Словно изголодавшаяся стая хищников, они неслись, рассыпавшись в разные стороны, прямо на атакующие корабли Стеллара…

***

Бой между шестью десятками космических кораблей, спровоцированный внезапной атакой Третьего флота, шел уже ровно минуту двадцать секунд.

Вечность по меркам боевых компьютеров.

Дорохов пошатнулся, когда очередной залп достал броню «Армагеддона», прорвав истончившуюся силовую защиту.

В отсеках дико выли турбонасосы, в орудийных башнях расчеты слепли от частых вспышек залпового огня, боевые эскалаторы не замирали ни на секунду, перекачивая боекомплекты к орудиям из недр артпогребов, космос вокруг цвел безумием боя, частые хлопки стартовых катапульт раскачивали крейсер, чьи системы стабилизации уже не могли скомпенсировать удары от попаданий и толчки от старта истребителей прикрытия… и звезды плясали в прицельных координатных сетках, словно заходясь в беззвучном гоготе над злыми забавами людей…

В этот момент невидимые за сумятицей боя древние существа догнали последний всплывший из гиперсферы корабль. Им оказался тяжелый конвойный носитель «Фаргос», который вот-вот должен был выбросить в космос новую партию малых кораблей поддержки.

Первое из существ врезалось в задний силовой экран носителя, сплющилось, как плохо накачанный футбольный мяч в момент удара о стену, и внезапно защитный экран «Фаргоса» побледнел и угас, словно его генераторы остановились.

Зато напряженное голубоватое сияние аморфной оболочки существа еще более усилилось, стало ярче, четче…

Еще секунда, и оно вошло в бронеплиты кормы, как нож входит в податливый кусок масла.

Ревуны тревоги захлебнулись, подавленные свистом уходящего в пространство воздуха, древняя тварь прошила пятикилометровый корабль насквозь, оставив в нем длинный пустой тоннель с оплавленными стенками, который, словно чудовищная прямая червоточина, протянулся от кормы до носовых отсеков конвойного носителя.

Первый шар, заметно раздувшийся от поглощенного вещества, начал описывать плавную дугу в поисках новой жертвы, а его сородичи один за

другим вонзались в мертвый, разгерметизированный «Фаргос», который стремительно, прямо на глазах превращался в дырявую скорлупу…

В рубке «Ворона» командующий атакой офицер потрясенно наблюдал чудовищную сцену мгновенной гибели мощнейшего корабля его флота.

Его уничтожили в течение каких-то секунд те самые аморфные сгустки протовещества, которые ему приказано защитить любой ценой!

Запоздалое понимание уже ничего не могло изменить, древние существа, изголодавшиеся во время плена, избрали новую цель и плотной компактной массой неслись на «Ворон».

Компьютеры орудийно-ракетных комплексов фрегата в доли секунды восприняли компактную стаю древних существ как самую опасную и близкую цель, но их ураганный огонь уже не мог ничего изменить, головное существо в буквальном смысле разорвало в клочья залповым огнем всех бортовых комплексов, но констатировать его смерть не смог никто — вместо раздутого, сорокаметрового шара в пространстве тут же сформировался десяток его маленьких подобий, и они, словно голодные мальки, один за другим ринулись на полыхающий огнем фрегат…

Это было чудовищно…

Дорохов, который воочию увидел то, о чем предупреждал его Фрост, резко вскинул руку с коммуникатором.

— Батарея «Свет» — огонь! Цель — конвойный носитель «Фаргос»!

Залп антивещества не давал ни толчков, ни вспышек…

На месте «Фаргоса» вспухло ослепительно белое солнце.

— Цель — Черная луна! Залповый огонь по расчетным точкам!

Дмитрий Алексеевич подался к экрану, который уже затемнили автоматически сработавшие светофильтры.

Первый залп аннигиляционных установок не дал желаемого результата, он по-прежнему видел свору древних существ, пожирающих «Ворона», и не мог сказать, уменьшилось ли их количество, а вот остальные корабли, продолжая вести неистовый бой, вдруг подались в стороны, шарахнувшись от «Армагеддона», как от прокаженного.

Корабль, что нес на борту установки «Свет», вполне оправдывал свое зловещее древнее название.

В космосе шла битва, которая могла стать началом конца для всего рода людского, точкой отсчета Судного дня, зарвавшихся в своей самонадеянности божков…

Армагеддон… Последняя битва…

Знал ли Дорохов значение этого слова, отдавая приказ?..

Он видел гибель «Фаргоса» и «Ворона». Этого оказалось достаточно,

чтобы решиться.

Черная луна вспыхнула ослепительным факелом сверхновой.

Защитные экраны кораблей дико запульсировали, отражая потоки заряженных частиц, вспышка сгорающей планеты породила тугую волну ионизированного газа, который разлетался во все стороны от эпицентра тугой, сжигающей все и вся сферической волной; ослабевшие в бою экраны некоторых кораблей не выдержали и взорвались, увлекая вслед за собой и броню, которая мгновенно превращалась в пепел, а смерть, страшная, непоправимая, щедро брала свою мзду, и, как когда-то говорил Дорохов в споре с Джедианом, бой тут же заглох, уже не стало атакующих и атакованных, правых, виноватых, негодяев и праведников — взрыв планеты, которому вторили вспышки гибнущих кораблей вкупе со сгорающей в пламени сверхновой древней нечистью, причесал всех под одну гребенку, уравняв перед страшным лицом реальности…

На командном мостике «Эммануила» Вербицкий отвернулся, не в силах смотреть на затемненный экран.

…Через несколько минут, когда схлынул СВЕТ, он вновь поднял глаза, с тем чтобы увидеть оставшуюся на месте Черной луны раскаленную, пульсирующую туманность, бескрайнее поле разлетающихся во все стороны обломков и семерых голубоватых, распухших, от сожранного вещества древних существ, что, растянувшись редкой цепью, неслись прямо на флагманский крейсер флота Элио.

Судный день уже наступил.

Глава 15

Система аннигилированной Черной луны. То же время

Два планетоида, потеряв своего третьего собрата, а вместе с ним и единый центр масс, сошли со своих орбит и двинулись навстречу друг другу, раздирая пространство необузданной мощью своих гравитационных полей.

Уцелевшие корабли швыряло этими силами в разные стороны, словно былинки порывом ураганного ветра.

Древних существ тоже закрутило в общем хаосе возникшей аномалии.

Они промахнулись, разбросанные по сторонам, а флагман Элио уже несло, закручивая по широкой спирали, к месту, куда стремились, попав в плен взаимного тяготения, два планетоида системы.

В пространстве возникла не поддающаяся осмыслению гравитационная воронка.

Две планеты пронеслись на расстоянии нескольких тысяч километров друг от друга, их поверхность кипела от выдранных взаимным притяжением миллионов тонн вещества, которые поднимало в космос необузданной силой тяготения…

В этом хаосе невозможно оказалось определить, кто уцелел, а кто нет, но Антону, которого свалило на пол и ударило головой о выступ приборной панели, и без того было ясно: операция окончилась провалом…

Он встал, пошатнувшись от нового рывка ускорения.

Главный пост управления все еще боролся за целостность «Эммануила», но не все офицеры и операторы оказались в состоянии сохранить рассудок в том катаклизме, что потряс систему. Лишь единицы продолжали работать, большинство же, подавленные, бледные, ошалело смотрели кто на датчики масс-детекторов, кто на экраны, не в силах заставить себя поверить, что это реальность, что это происходит именно с ними и до смерти, возможно, остался лишь миг…

Вербицкий, спустившись с мостика, рывком выкинул из кресла совершенно ошалевшего командира крейсера «Эммануил».

— Всем постам! — раздался по общей сети интеркома его голос. — Доложить повреждения!

Взглянув на фантасмагорические показания масс-детекторов, он вновь склонился к интеркому.

— Ходовым секциям — полная тяга! — приказал он. —

Навигационный пост — коррекция по нулевому вектору сил! Выходим из воронки!

Возможно, для спасения корабля не хватало именно этого спокойного, уверенного в себе голоса командира

Подчиненные Вербицкого зашевелились, начали приходить в себя, словно к ним вернулись надежда и воля к жизни.

— Действуй! — Антон Эдуардович встал, уступая командиру корабля его место. — Потом! — отмахнулся он от виноватого взгляда офицера, а сам уже шарил глазами по секторам обзора, пытаясь определить в царящем вокруг содоме, кто уцелел, а кто нет

— Связь с «Армагеддоном» во что бы то ни стало! — приказал он и тут же, склонившись к прибору широкой связи, произнес: — Всем кораблям, говорит флагман Элио «Эммануил»! Приказываю прекратить бой! Командирам — выводить корабли на периферию системы!

— Сэр, генерал Дорохов на связи!

У Антона вдруг потеплело на душе.

На экране возникло белое, как лист бумаги, лицо командира «Армагеддона», Антон приблизительно представлял, что сейчас творится в душе старого генерала. Немногим приходилось отдавать приказ на столь гибельный залп установки «Свет»…

— Дмитрий Алексеевич, молодец! — В голосе Вербицкого прорвались нотки уважения и сострадания. Дорохов хотел что-то сказать, возразить, но Антон остановил его жестом: — Перестань! Ты все сделал правильно! Слышишь?! Потом будем мучиться вместе, клянусь, а сейчас выходи из боя! Любой ценой вытащи «Свет» на периферию, ты понял?! Эти твари пережили залп, я видел своими глазами, семь штук, как минимум!..

Дмитрий Алексеевич кивнул, очевидно, не в силах говорить…

— Сэр!.. — один из операторов повернулся к Вербицкому. — Наблюдаю всплеск низкочастотного поля! Кто-то всплывает из гиперсферы!

По спине Вербицкого прошел озноб.

Неужели все зря?!

Если это еще одна ударная группа со Стеллара, то их приговор будет коротким и окончательным.

— Следите за ним! — придя в себя, рявкнул он, садясь в кресло, которое уступил оператор.

Из гипера, почти у самой туманности, что расползлась раскаленными, сияющими клочьями на месте уничтоженной Черной луны, действительно

появился бледный фантом космического корабля.

Антон Эдуардович подался к экрану, пытаясь опознать его контур, но тот оказался слишком мал, чтобы подпасть под категорию крейсера или фрегата, вообще, он был похож на…

Вербицкий не верил своим глазам.

Из глубин гиперсферы медленно всплывал «Хаппер-180», штурмовик-смертник времен Первой галактической…

«Я сошел с ума?.. — мелькнула в голове Антона вполне уместная в данной ситуации мысль. — Или это действительно „Хаппер“?!»

***

Корабль, что всплывал из пучины пространственной аномалии в самом эпицентре царящего в системе уничтоженной Черной луны хаоса, действительно был тем самым штурмовиком, который стартовал сутки назад со свалки планеты Кьюиг.

«Из огня да в полымя!..» — обреченно подумал Джой, разглядев тот хаос, что царил в равной степени как на мониторе масс-детекторов, так и на экранах обзора.

Он обернулся к Денису, желая что-то сказать, но в этот момент их призрак обрел достаточную материальность в метрике трехмерного пространства, чтобы стать игрушкой буйствующих тут после взрыва Черной луны сил.

Космические корабли, обломки, сбившиеся с курса, бесхозные ракеты, обугленные остовы истребителей, куски разорванных в клочья орбитальных конструкций, астероидные глыбы, вырванные с поверхности двух планет при их коротком, но разрушительном рандеву, — все это разлеталось в разные стороны, сталкивалось, меняло свои траектории, взрывалось…

Джой судорожно вцепился в астронавигационные рули, тщетно пытаясь удержать штурмовик от падения в одну из гравитационных воронок, куда стремились все менее капризные и потерявшие способность к управлению обломки.

Денис же, казалось, витал в этот страшный миг в каких-то эфемерных, не от мира сего мыслях…

— Да очнись же! — не выдержав поединка с упрямыми рулями, взревел Джой. — Нас сейчас разорвет к чертовой матери!

Денис, казалось, не слышал.

Он смотрел на обзорный экран, в стереообъеме которого семь непомерно раздутых, отливающих напряженным голубоватым сиянием

шаров рыскали среди обломков, жадно пожирая вещество.

Это были они…

Мгновенный брошенный по сторонам взгляд поведал Денису о разыгравшейся тут трагедии намного больше, чем любой рассказ о событиях.

Он видел очевидный для древнего существа факт, понимание которого оказалось дополнено вполне современными знаниями Дениса Велехова.

Люди вступили в схватку с Древней Чумой и проиграли. Даже аннигиляция планеты не смогла остановить существ, чья история восходила к первым катастрофическим секундам жизни Вселенной.

Рука Дениса машинально утопила клавишу широкой связи.

На несущие частоты тут же ворвался хаос докладов, выкриков, приказов — всего, что составляет последнее «прости» при массовой гибели космических кораблей.

Велехову слишком хорошо был знаком такой хаос сообщений. Он отзывался болью в памяти и стылым холодом поражения в груди.

На левом траверсе штурмовика огромный крейсер натужно выходил из гибельной спирали, пытаясь вырваться на периферию системы. Вслед за ним, откровенно плевав на гравитацию, лениво плыл прайд распухших, обожравшихся обломками существ, которым Денис до сих пор не смог подобрать адекватного названия.

Древние обозначили их простым и емким термином «Предтечи» — по крайней мере, мозг Дениса провел именно такую аналогию для нечеловеческой словоформы…

Справа от «Хаппера» неистово пылала истекающая красным тепловым излучением бесформенная туманность, образовавшаяся на месте сгоревшей в пламени аннигиляции Черной луны.

Это догорали остатки составлявшего ее вещества.

Достаточно, чтобы энтрифаги пришли в себя…

— Держи курс! — очнувшись от наваждения, приказал он, хватаясь за рычаги бомбометания.

— Что?! — в истерике проорал Джой, который уже видел свою близкую смерть во всей ее страшной неприглядности. — Какой курс, ко всем Шиистам?! Нас несет в воронку!

— Любой, только заткнись! — огрызнулся Денис и вдруг заговорил чуть дрожащим от перенапряжения голосом: — Всем кораблям в системе! Говорит борт «Хаппер-180»! На связи лейтенант Велехов, военно-космические силы Дабога!

Эти слова, прозвучавшие, как гром, заставили умолкнуть эфир.

Остался только надрывный треск несущих частот и этот осипший голос, пришедший, казалось, из самого ада истории тех жутких лет, когда термин «Дабог» еще воспринимался как название населенного мира.

— Всем, кто меня слышит! Немедленно убирайтесь из системы! Я приказываю, прошу — все вон! Если будет произведен хоть один выстрел из любого оружия, вам уже не поможет ничто!

Денису оказалось трудно подбирать слова. Он понимал, сколь мало значит его слабый голос для тех, кто только что пережил натуральный ад и задыхался сейчас в задымленных отсеках гибнущих кораблей… но он знал также и о пугливости энтрифагов, которые вполне могли, как и Предтечи, кинуться на любой источник энергии или же прочь от него, как вздумается… потому он и приказывал, молил…

Оказалось, его услышали.

Средь наступившей в эфире тишины вдруг зазвучал спокойный голос человека, который, судя по властным интонациям, командовал всю свою жизнь и оказался одним из немногих офицеров, кто сохранил здравый смысл и волю даже в этом хаосе смертей:

— Борт «Хаппера», ваше сообщение принято. Говорит флагман Элио, на связи Вербицкий. Подтверждаю приказ, всем покинуть систему любыми способами! Кто произведет хоть один выстрел — берегитесь, достану из-под земли! Если на связи есть корабли Стеллара, вас данный приказ касается в первую очередь, ясно?! — В динамиках связи что-то щелкнуло., и тот же голос спустя мгновение добавил: — Денис, мы ждали тебя… Не чаяли уже…

Палец Велехова сбросил предохранитель с гашетки бомбометания.

Жить хотелось, хоть кричи…

Джой, увернувшись от столкновения с очередным бесформенным обломком, окаменел, вцепившись в рули.

Денис краем глаза посмотрел на него и понял, какую роль сыграл старик в его жизни…

— Сейчас я покину борт… — вдруг хрипло сообщил он, решившись. — Ничего не делайте. Когда все кончится, подберите «Хаппер»… Тут на борту остается человек. И молитесь, если можете, чтобы больше не повторилось такого…

Палец Дениса нажал гашетку.

В днище «Хаппера» раскрылись пять бомболюков, и оттуда выпали длинные веретенообразные сгустки черноты.

— Эй, погоди! — в ужасе взвыл Джой, глядя, как Денис отстегивает ремни, вставая из кресла.

— Прости, отец… — Денис посмотрел на него сквозь прозрачный пластик забрала и добавил белыми, как мел, губами: — Будем живы — свидимся… Прощай, я должен быть с ними…

Джой, ошарашенный, сломленный таким нежданным оборотом, замешкался, очнувшись лишь в тот момент, когда легкий толчок возвестил о том, что Денис уже вышел.

Пять сгустков черноты медленно плыли в пространстве, а меж ними затерялась крохотная фигурка человека в белоснежном скафандре.

***

Денис никогда не был силен в экзобиологии.

Но так уж случилось, что знания об энтрифагах, этих удивительных древних созданиях, которые всегда тянулись к свету и умели запомнить, оценить заботу о себе, эти знания казались ему очевидными, словно он всю свою сознательную жизнь не воевал, а пестовал эфемерные покрывала тьмы…

Возможно, что так оно и было, с точки зрения того создания, чья память жила внутри Дениса.

Он глубоко вдохнул, потом опомнился и попытался дышать ровно, неглубоко, иначе забрало старенького скафандра начинало запотевать изнутри.

Горячечный красноватый свет туманности, обжигающий, похожий на бурю поток ионизированного газа омывал коконы древних существ.

Гибельные для Дениса потоки заряженных частиц для них являлись ласковыми позывами к жизни.

Миллионы лет канули в прошлое.

Жизнь возвращалась.

По одному из коконов вдруг пробежали бледные сполохи статических разрядов, словно огни святого Эльма заплясали меж сгустков темноты, и вдруг…

Тот веретенообразный кокон, которого первым коснулось это холодное пламя, начал медленно, будто нехотя, раскручиваться…

Для стороннего наблюдателя, какими оказались сотни не понимающих ничего людей, картина была просто фантастической.

Среди хаоса обломков одно за другим вдруг начали разворачиваться многокилометровые полотнища тьмы, словно сама Бездна раскрывала тут свои пустые глаза, взирая на человеческие суденышки огромными абсолютно черными зрачками…

Предтечи, которые распухли до таких размеров, что, казалось, вот-вот

лопнут, вдруг резко изменили свое поведение.

Секунду назад они лениво плыли вслед за флагманом Элио, но первый энтрифаг, который развернулся в пространстве, подействовал на них совершенно неожиданным образом — достигающие уже сотни метров в диаметре голубоватые шары вдруг задрожали, по их поверхности пробежала рябь…

— О боже!.. — вырвалось у кого-то на мостике «Эммануила». — Они делятся!

Семь существ сбились в плотную кучу и вдруг распались, рассыпавшись в разные стороны, как стайка вспугнутых птиц…

Их стало двадцать восемь!

Первое развернувшееся в пространстве полотнище тьмы вдруг всколыхнулось, перетекая пологими волнами мрака, на гребнях которых, как проблесковые маяки, вспыхивали и гасли искорки света.

Маленькая, ничтожная фигурка в белоснежном скафандре плыла над этими волнами, едва не касаясь их, и казалось, что человек гладит, успокаивает эту тьму, как умного, но норовистого зверя, который дрожит, льнет к человеку, впитывая его мысли, доверяясь ему… Рядом развернулось второе полотнище, третье… Вербицкому, который, затаив дыхание, наблюдал реанимацию еще одной древней жизненной формы, почудилось, что он слышит треск, словно в пространстве разворачивались плотные, шуршащие рулоны иссиня-черной парусины…

Стая Предтеч, непостижимым образом сориентировавшись в кипящем пространстве, которое продолжали раздирать гравитационные поля и беззвучные, разрушительные столкновения различных обломков, ринулась, набирая скорость, туда, где восставали из небытия их извечные враги…

Мало кто смог выдержать такое зрелище. Человеческий разум не справлялся, отказывался верить в возможность подобного поединка…

Больше не было необходимости отдавать приказы, все, кто уцелел, видели, как мгновенно размножились обожравшиеся веществом древние твари, и каждый представлял их безудержный, стремительный полет применительно к себе, своему кораблю, своей планете… Это было жутко.

Но еще страшнее оказалась их беззвучная, молниеносная атака.

Нашлись те, кто отворачивался от экранов в ужасе, не в силах смотреть.

Мерцающие напряженным светом тридцатиметровые шары вдруг налились свинцовой синевой. Они неслись, набирая скорость, и встречающиеся на пути многотонные обломки разлетались в стороны, взрывались, отскакивали, казалось, само вещество вдруг обрело разум и

спешило убраться с дороги атакующих тварей…

Неподвижной осталась лишь человеческая фигурка в скафандре, что парила, едва не касаясь чернильной поверхности энтрифага, который вдруг изящно развернулся, будто человек являлся для него некоей осью вращения, и крылья черноты мягко обняли, обволокли Дениса, словно желая уберечь от беды.

Он сам не понимал, что переживает в эти секунды.

В нем осталась лишь одна боль, одна мольба, вопль, который полонил разум: «Защитите! Закройте нас от этого ужаса!».

В голове Дениса звенящей болью плеснулись картины того хаоса, что наступит завтра, если Предтечи уйдут из этой системы, еще раз размножатся и вновь заполонят космос…

Четыре энтрифага нервно всколыхнулись, совершая грациозный разворот вокруг своего пятого собрата, что свернулся, укрывая Дениса мономолекулярными нитями, прочнее которых не было ничего в обозримой Вселенной.

Словно в пространстве расцвел, расправив четыре лепестка, бутон тьмы, который закрыл собой яркое свечение туманности, и по лепесткам побежали нервные, пологие волны мрака, искрящиеся на гребнях прихотливым узором блуждающих огней.

Еще секунда, и они сорвались навстречу прайду атакующих Предтеч, продемонстрировав такое же презрение к законам небесной механики, как и набирающие скорость хищники…

Они столкнулись в том месте, где кружил разгерметизированный и обезображенный корпус флагманского фрегата «Ворон».

Атакуя, Предтечи разделились на четыре группы, по семь существ в каждой, и ударили точно в центр черных, бескрайних опахал тьмы…

Один энтрифаг вдруг разлетелся рваными клочьями черноты, по которым бежали, затухая, запоздалые сполохи света… Трое других, выдержав удар, превратились в гигантские подобия гаснущих парашютных куполов, они поддались под неистовым ударом, прогнулись, обволакивая тварей, и вдруг вспыхнули ярким, горячечным светом…

Когда они вновь начали расправляться, превращаясь в медленно колышущиеся, бескрайние плоскости, то внутри уже не было ничего, только тьма их тел да тусклые, бегущие по ним блестки…

Семь Предтеч разворачивались для повторной атаки.

Они опять раздулись, готовые поделиться, и это казалось кошмаром, бесконечным, неистребимым…

Не было сейчас на борту девятнадцати уцелевших космических

кораблей ни одного человека, кто бы не понял, сколь кошмарна, неистребима эта вырванная самонадеянной волей из тьмы безвременья древняя форма жизни.

Энтрифаги вновь совершили пируэт, грациозно отгоняя хищников от своего собрата, что продолжал висеть, свернувшись в кокон, внутри которого был заключен Денис.

Разъяренные хищники вдруг метнулись на изувеченного «Ворона», вгрызлись в него, выедая броню, и задрожали, готовые к очередному делению…

Три энтрифага только разворачивались, пытаясь обступить их с разных сторон, но уже стало ясно — они не успеют, Предтечи поделятся раньше, и все повторится сызнова…

…В рубке «Армагеддона» генерал Дорохов, что сидел бледный как смерть за боевой консолью установки «Свет», смотрел на битву древних существ, и разум медленно уходил от него, оставляя лишь одну горячую, безумную мысль: «Это ты, генерал, воззвал к жизни этих тварей, ты выслушивал циничные замечания господина Ланге и исполнял его приказы в угоду субординации власти…».

Пальцы Дмитрия Алексеевича машинально сомкнулись на пористых, прорезиненных рукоятях наводки аннигиляторов.

«Они не успеют…» — Это был вывод человека, который постиг динамику космических битв не со страниц умных книжек. Дорохов чувствовал скорости внутри себя, он жил ими…

Изрешеченный, покрытый дырами борт «Ворона» влип в координатную сетку прицела.

Шарообразные тела древних тварей, сгруппировавшихся вокруг доступного источника вещества, дрожали, раздваиваясь, а покрывала тьмы еще только набирали скорость…

Палец Дорохова скинул предохранитель гашетки.

На приборных панелях вспухли сигналы готовности.

Зло и отрывисто взвыла сирена.

Он нажал спуск и ослеп…

Нестерпимое белое солнце, словно шар чудовищной магниевой фотовспышки, возникло там, где секунду назад плыл изувеченный фрегат.

Три энтрифага вдруг резко развернули свои опахала, встав поперек потока излучения. Казалось, их черные, как смоль, тела глотают его… Дорохов закрыл глаза, уже не в силах даже думать о том, что только что

совершил… а когда под веками перестал сверкать огонь и он, не вынеся неизвестности, вновь взглянул на затененный светофильтрами экран, то увидел все те же три покрывала тьмы, что, искрясь и перетекая волнами мрака, купались в потоках заряженных частиц…

Голубые шары исчезли.
Их не стало, и это казалось сном…

Четвертый энтрифаг, не принимавший участия в схватке, вдруг по какому-то непонятному человеческому разуму наитию резко рванулся вперед, не меняя своей веретенообразной формы, и плавно остановился подле «Эммануила».

Его кокон осторожно развернулся, грациозно, неторопливо раздался в стороны и вытолкнул к шлюзам крейсера человеческое тело в белоснежном скафандре.

Энтрифаг секунду помедлил, потом совершил еще один плавный разворот и поплыл к своим гордо, величественно, словно в полной мере осознавал и собственную непостижимую красоту, и то, что только что удалось совершить…

В сумраке боевого поста аннигиляционной установки «Свет» старый генерал, неестественно выпрямившись в кресле, смотрел на древних существ, и по его щекам медленно катились слезы.

А в гробовой тишине эфира вдруг зазвучал надтреснутый голос, в котором ясно слышались нотки потрясения:

— Эй, меня вытащит кто-нибудь?!

Старина Джой в данный момент нестерпимо хотел лишь одного — оказаться на своей доброй, уютной и надежной свалке, вдали от хаоса космических баталий.

«Хватит с меня приключений, клянусь!..» — потрясенно думал он, глядя, как приближается к нему темный силуэт транспортного носителя с «Эммануила».

Денис, раскинув руки, висел в пространстве. Сзади него открылся шлюз корабля, и оттуда посыпались фигуры в темной керамлитовой броне. Они летели к нему, сияя короткими факелами ранцевых двигателей, протягивали руки, что-то кричали по рации, а он, зачарованный, смотрел, как четыре энтрифага сплетаются в плавных, грациозных па

пространственного танца, обнимая друг друга крыльями расцвеченной блестками тьмы, и не было для него сейчас ничего дороже той безмятежной грации, что нес в себе этот танец…

Эпилог

Планета Дабог. Неделю спустя

Черные, налитые свинцовой тяжестью тучи медленно ползли по серому куполу небосвода. Порывистый ветер гнал их бесконечной чередой, затянувшей все небо от горизонта до горизонта.

Сквозь них к стылой земле пробивался тусклый красноватый свет солнца.

Дождь, что зарядил с самого утра, к полудню перешел в ливень, температура воздуха стремительно росла, и крупные капли, что барабанили по земле, сливаясь в мутные шелестящие струи, начисто смывали остатки выпавшего ночью снега, вспенивали лужи, покрывая их дрожащими пупырышками. Ручьи убегали во все стороны, унося с собой сбитые ветром голые, почерневшие ветки давным-давно высохших деревьев, какой-то мусор, вымытый из-под растаявших сугробов, куски коры, чудом сохранившиеся под панцирем мерзлоты, пожухлые листья…

Это происходило в одной из немногих точек планеты, где радиация уже сошла на нет.

Ядерная зима отступила, стремительно оборачиваясь парниковым эффектом, дожди шли не прекращаясь, и мутные потоки воды омывали исстрадавшуюся землю.

Только вот выглядело все это угрюмо, мрачно, противоестественно.

Капитан Джон Габасия смотрел на мутные картины искалеченной природы из-за небольшого окна временного жилого купола. Рядом с жилищем были развернуты два серебристых ангара, в одном из которых стоял их посадочный модуль, а в другом солдаты из технического взвода готовили к первому выходу на поверхность несколько аграрных роботов.

С точки зрения капитана, все это не имело никакого практического смысла, нужно было подождать еще лет сто как минимум, чтобы закончились губительные природные циклы, небо прояснилось и многострадальная планета вновь увидела солнце, не скрытое вуалью пепельных облаков…

Однако приказы отдавал не он, а та худенькая женщина, что стояла сейчас вместе со своим дройдом в самом начале древней аллеи, которая чудом сохранилась в ядерном пекле орбитальных бомбежек.

Над ними, отражая струи дождя, мерцал похожий на зонтик сгусток статис-поля.

Аллея, в начале которой стояли Даша и Хью, умерла больше ста лет назад. Вековые деревья, завезенные сюда еще с Земли, стояли по обе стороны потрескавшейся стеклобетонной дороги, словно черные скелеты, воздевшие к хмурым небесам свои искореженные, перекрученные старостью ветви-руки.

Даша, не обращая внимания на хлещущий дождь, вышла из-под зонтика статис-поля, наклонилась к узловатым корням первого дерева и зачем-то потрогала их, будто надеясь, что те оживут под теплом ее ладони, но их осклизлая, почерневшая поверхность была мертва… безвозвратно.

Сзади подошел Хью и накрыл ее от дождя сгустком висящего над ним поля.

— Дарья Дмитриевна… — укоризненно начал он.

Габасия отвернулся от окна. Он не понимал этой женщины, которая, будто призрак прошлого, застыла в странном промежутке между жизнью и смертью, словно никак не могла решиться и сделать добровольный выбор — либо жить и насаждать жизнь, либо оставить все как есть в объятиях серого сумрака давно овладевшей этой планете смерти…

Словно ждала какого-то толчка, знака свыше…

Боевого офицера это угнетало и злило, но приказ полковника Фроста был скуп и однозначен — охранять и полностью подчиняться.

«Что я и делаю…» — с тоской подумал капитан, усаживаясь в кресло перед сферой интервизора.

Канал Интерстара передавал новости.

— Сегодня, 28 июля 2717 года, состоялось первое запланированное совещание Совета Безопасности миров, созванное по инициативе президента Элио Антона Эдуардовича Вербицкого, — жизнерадостно сообщил ему молодой диктор. — Как нам стало известно, на открытии этого беспрецедентного, исторического форума присутствовали главу правительств ста пятидесяти трех обитаемых планет…

Габасия привстал, выглянув в окно. Даша и Хью медленно шли по мертвой аллее. На улице по-прежнему хлестал дождь.

— Одиннадцать миров отказались прислать своих представителей, — тем временем продолжал вещать диктор, устроившись внутри уютной сферы интервизора. — В их число входят такие системы, как Эригон, Флиред, Зороаста, Ганио…

Капитан налил себе кофе, взглянул на контрольные датчики сенсоров

и, удовлетворившись их показаниями, вновь переключил свое внимание на новости.

…Вербицкий выразил соболезнования по поводу тяжелой, внезапной болезни господина Джедиана Ланге и заявил, что его отсутствие не должно повлиять на эффективность работы межпланетного форума…

…В небесах Дабога сквозь унылую хмарь дождя вдруг что-то просветлело, блеснув за бескрайней чередой свинцовых облаков.

На сенсорной панели внутри купола тревожно замигали огни.

Габасия вскочил с кресла, тут же забыв про новости, и обеспокоенно пробежал глазами по шеренгам датчиков обнаружения.

Космический корабль, что шел на посадку, транслировал четкий, уверенный сигнал «я свой», но, тем не менее, капитан перекинул часть выключателей в боевой режим и замер, глядя на экран.

Сияние за облаками разрасталось, и вдруг свинцовая облачность разверзлась, выпустив в унылую хмарь интенсивно тормозящий космический истребитель.

Струи дождя, попав на раскаленные плоскости коротких атмосферных крыльев, вдруг взорвались облаками пара, сияние планетарных двигателей чуть угасло, и машина начала снижаться по пологой дуге.

Истребитель пролетел над куполом, ангарами, мертвой аллеей и сел, взметнув фонтаны вскипающей воды, на короткий язык старой стеклобетонной дороги, что выходил из-под деревьев и обрывался на оплавленном краю воронки, которая теперь превратилась в целое озеро дождевой воды.

Габасия выругался, схватил портупею и метнулся к выходу из купола.

Со стороны ангаров уже высыпал взвод технической поддержки.

Солдаты со всех сторон бежали к старой, мертвой аллее, посреди которой застыли две фигуры — девушка, что бессильно опиралась на локоть робота-андроида.

Сердце Даши вдруг оборвалось в бездонную пропасть.

Она ждала этого момента и боялась его, глядя на затемненный триплекс кабины.

Кто выйдет оттуда? Что за вести принес пилот горбоносой, короткокрылой машины?

Внезапно раздался шелест пневматики, и колпак кабины отъехал назад. Пилот истребителя, одетый в легкий серый скафандр без

гермошлема, с болтающимися по бокам неподключенными гофрированными шлангами дыхательной системы, перелез через борт и легко спрыгнул на землю.

Дождь косо хлестал по истребителю и человеческой фигуре около него,

Черты лица терялись на таком расстоянии, их смазывал дождь, словно он не хотел, чтобы Даша увидела, кто это…

Она вдруг отпустила согнутую в локте руку Хью и пошла меж старых, почерневших, мертвых деревьев, а он, заметив ее, вздрогнул, сделал шаг навстречу, ступив под сень воздетых к небесам иссохших сучьев, и вдруг побежал, разбрызгивая лужи стоячей воды.

Даша остановилась, не в силах больше идти. Она смотрела на приближающуюся фигуру, и слезы градом катились по ее щекам… горькие, счастливые, неуемные, как этот дождь…

Денис, не добежав несколько метров, перешел на шаг…

Они едва знали друг друга… но имело ли это какое-то значение?..

Их судьбы переплелись в тесном клубке войны и смерти, там, где не оставалось места таким понятиям, как любовь… Любовь… Но она незримо присутствовала между ними все время и сейчас вдруг отчетливо полыхнула, освободившись, дав сил сделать последний шаг, протянуть вдруг задрожавшие руки, поймать друг друга в объятия и плакать, не стыдясь, не жалея слез…

Губы Даши искали его глаза, глотали солоноватую горечь…

Денис прижал ее к себе, всем телом впитывая исходящую от Даши дрожь…

Они оба молчали, понимая, что случилось, без слов…

На Дабог пришла Весна…

notes

Notes

1

Дройд — андроид, предназначенный для домашних работ.